
И 289/50

ДНЕВНИКЪ СТУДЕНТА-ПАЛОМНИКА НА АѲОНЪ.

Удостоено Макарьевской премiи.

Авксентiй Г. Стадницкiй.

КIЕВЪ.
Типографiя Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, соб. домъ.
1886.

Оттискъ изъ журнала „Труды Кіевской духов. Академіи“ за 1886 г.

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

—

Извѣстіе „Кіевскихъ епархіальныхъ вѣдомостей" (1884 года № 14 стр. 636) о паломничествѣ на Аѳонъ и въ Палестину студентовъ Кіевской Академіи обратило на себя всеобщее вниманіе. Газеты духовныя и свѣтскія удѣлили этому извѣстію мѣсто на своихъ страницахъ, снабдивъ его съ своей стороны весьма сочувственными комментаріями. Съ замѣчательною внимательностію прослѣдили онѣ каждый шагъ нашихъ скромныхъ паломниковъ на русской территоріи отъ выѣзда ихъ изъ Кіева до послѣдняго свистка на пароходѣ „Нахимовъ", на которомъ отправились студенты изъ Одессы въ Константинополь. При этомъ одна изъ газетъ въ своемъ увлеченіи нашими паломниками, забывъ совершенно, что она имѣетъ дѣло съ студентами II и III курсовъ, слѣдовательно, съ людьми только-что толкущимися въ дверь науки, дошла до того, что предначертала программу предпринятаго путешествія, его цѣли и задачи въ такихъ грандіозныхъ размѣрахъ, которыя едвали бы могъ выполнить профессоръ во всеоружіи своихъ научныхъ познаній, особенно, если мы примемъ во вниманіе „двухведѣльный срокъ", назначенный газетою [1]). Но общее желаніе

---

[1]) „Пользуясь *двухнедѣльнымъ ожиданіемъ* въ Константинополѣ парохода, идущаго оттуда въ Яффу, говоритъ Ц. О. В. со словъ южныхъ газетъ, студенты задались цѣлью (?) разсмотрѣть историческіе памятники Византіи:

всѣхъ высказывалось по этому поводу въ такомъ видѣ: „желательно, чтобы паломники наши дѣлились съ публикой своими наблюденіями“ путемъ напечатанія своихъ „скромныхъ дневниковъ“. Имѣя въ настоящемъ случаѣ возможность удовлетворить этому вполнѣ естественному и резонному желанію публики, которая, безспорно, интересуется и общимъ направленіемъ нашей молодежи, воспитывающейся въ высшихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, мы, однако, должны сказать въ предупрежденіе своихъ читателей, что печатаемый „дневникъ“ въ полномъ смыслѣ этого слова „*скромный*“ и далеко не удовлетворитъ автора широкой газетной программы и лицъ, ему подобныхъ. Впрочемъ, мы увѣрены, что наши читатели не предъявятъ широкихъ требованій увлекающагося газетнаго репортера, если узнаютъ, что авторъ настоящаго дневника *студентъ*, писавшій его подъ наплывомъ живыхъ впечатлѣній для себя лично и никогда не назначавшій его въ печать. Въ дневникѣ описываются впечатлѣнія нашего паломника, полученныя имъ во время его *перваго* путешествія на Аѳонъ, въ 1883 году, въ лѣтнее каникулярное время, съ нѣкоторыми добавленіями, которыя уже относятся ко *второму* его путешествію тудаже въ истекшемъ году. Это второе путешествіе на Аѳонъ случилось совершенно неожиданно для нашего паломника, который съ товарищами, спутниками намѣревался ѣхать въ Палестину, но по случаю долгой задержки въ Константинополѣ, соскучившись ожидать пароходъ, идущій въ Яффу, отправился вторично на Аѳонъ.—Но своею-то „скромностію“, простотой и откровенностію и интересенъ настоящій дневникъ. Авторъ безъ всякихъ претензій откровенно излагаетъ

Софійскую мечеть, оттоманскій музеумъ древностей, патріархію, Балуквію и всѣ историческія колонны древняго Стамбула съ ихъ архаическими письменами (?!), познакомиться съ общественнымъ и домашнимъ бытомъ жителей Константинополя и проч.“ (Ц.-Об. В. № 94 стр. 5, 1884 г.). Признаемся, нелегко перечислить всѣ предметы програмы, какъ же было бы трудно выполнить, еслибы вздумали осуществить ее наши юные паломники!

цѣль своей поѣздки, указываетъ источникъ средствъ, изъ котораго онъ почерпнулъ ихъ для настоящаго путешествія, описываетъ путевыя впечатлѣнія, встрѣчи съ монашествующими лицами Аѳона, интересными въ томъ или другомъ отношеніи, и характерными типами богомольцевъ, посѣтителей Аѳона, заноситъ на страницы своего дневника сказанія о чтимыхъ аѳонскихъ святыняхъ, иногда съ краткимъ указаніемъ на сужденіе о нихъ знаменитаго путешественника по Аѳону преосвященнаго Порфирія (Успенскаго) и др., коротко описываетъ аѳонскіе храмы, замѣчательныя иконы и другія интересовавшія его достопримѣчательности ихъ, не оставляетъ безъ вниманія важнѣйшія книжныя сокровища Аѳона и ихъ рѣдкости и т. д. Иногда авторъ-паломникъ „для себя" старается уяснить такіе вопросы, которые интересны могутъ быть и для всякаго образованнаго читателя, какъ напр., вопросъ о причинахъ упадка школъ на Аѳонѣ, о причинахъ вражды между монастырями греческими и русскими и др. вопросы. Въ описаніяхъ достопримѣчательностей аѳонскихъ монастырей читатели встрѣтятъ въ настоящемъ дневникѣ нѣкоторыя весьма любопытныя и интересныя новости. О нихъ другіе путешественники или не упоминаютъ или не могли упоминать, потому что появленіе ихъ относится къ самому послѣднему времени. Къ числу подобныхъ интересныхъ страницъ этого дневника безспорно нужно отнести описаніе явленія чудотворной иконы въ Ильинскомъ скиту во время нашей послѣдней войны съ Турціей, весьма подробное и обстоятельное описаніе памятника, поставленнаго въ Зографѣ въ 1873 году на мѣстѣ сожженія латинянами въ XIII столѣтіи 26 аѳонскихъ монаховъ, и нѣкоторыя другія новости.

Тонъ рѣчи простой и вполнѣ приличный. О лицахъ и интересующихъ его явленіяхъ и достопримѣчательностяхъ авторъ говоритъ и судитъ не тономъ знатока и человѣка, якобы „виды видавшаго", а тономъ смиреннаго паломника,

изъ Македоніи и что проѣздомъ на родину заѣду и на Аѳонъ; а того, чтобы просто *русскій* студентъ ѣхалъ на Аѳонъ, онъ совершенно не могъ предположить и даже переварить, и потому, когда я сказалъ, что русскій, то онъ съ едва замѣтною улыбкою и въ насмѣшливомъ тонѣ сказалъ: „помолитесь и за меня грѣшнаго"...

Былъ у турецкаго консула для визированія паспорта, за что заплатилъ два рубля,—чего я вовсе не желалъ, тѣмъ болѣе что деньги у меня были уже на исходѣ. И въ самомъ дѣлѣ, съ какой стати этотъ напрасный налогъ? Говорятъ, что паспортъ для богомольцевъ вмѣсто пяти рублей стоитъ всего 50 копѣекъ. Нѣтъ, на самомъ дѣлѣ и для богомольцевъ выходитъ около этого: за три гербовыхъ марки около двухъ рублей, за бланкъ съ печатнымъ прошеніемъ 70 коп., турецкому консулу за визу паспорта два рубля... не выходитъ ли все около пяти рублей? А между тѣмъ слѣдовало бы, по возможности, облегчить бѣдняковъ-паломниковъ, которые преимущественно изъ бѣднаго крестьянскаго люда.

Утоливъ немного голодъ, я отправился осматривать городъ, не задавая себѣ осмотрѣть что нибудь опредѣленное. Съ Одессой впрочемъ я знакомъ уже давно,—лѣтъ пять назадъ, когда по окончаніи IV класса семинаріи—будучи 16-лѣтнимъ юношею—я, можно сказать, убѣжалъ въ Одессу, и весьма успѣшно сдалъ повѣрочный экзаменъ въ университетъ (это было въ 1877 году)... но власть родительская водворила меня на прежнемъ мѣстѣ, не давъ мнѣ согласія на увольненіе изъ семинаріи. Съ тѣхъ поръ я каждый годъ бываю въ Одессѣ, съ которой много думъ и чувствъ соединяется у меня. Но, хотя въ Одессѣ бывалъ я нѣсколько разъ, все таки я хорошо не знаю ея, такъ какъ она и по мѣстоположенію и по одинаковой постройкѣ домовъ и улицъ слишкомъ однообразна и потому ее очень трудно изучить. Въ этомъ случаѣ Одесса совершенно про-

Одесса. Пантелеимоновское подворье. Четвергъ, 1883 года іюня 23-го дня.—Нежданно, негаданно очутился я сегодня въ 9 часовъ утра въ Одессѣ и поселился въ Пантелеимоновскомъ подворьѣ, какъ паломникъ, путешествующій на Аѳонъ для богомолья. Мое путешествіе на Аѳонъ явится совершенною неожиданностію для моихъ родныхъ и знакомыхъ, такъ какъ никто изъ нихъ еще не знаетъ о моемъ путешествіи,—сегодня или завтра напишу имъ объ этомъ. Вотъ, думаю, удивятся! Цѣлый годъ ждутъ—не дождутся своего сына, а онъ, какъ бы не чувствуя этого, ѣдетъ, Богъ знаетъ, куда, не видѣвшись съ ними и безъ ихъ напутственнаго благословенія!... Это же путешествіе является и для меня неожиданнымъ, такъ какъ я хотя думалъ и много думалъ о немъ и сильно желалъ его, но оно чуть-чуть было не разстроилось вслѣдствіе прекращенія выдачи заграничныхъ паспортовъ въ виду царившей на востокѣ тифозной горячки...

Мысль о путешествіи на Аѳонъ стала занимать меня уже давно,—еще годъ назадъ. Одинъ изъ моихъ пріятелей, кишиневскихъ семинаристовъ, Т. Л. Чернятынскій, совершивъ въ прошломъ году путешествіе на Аѳонъ, не можетъ нахвалиться тѣмъ, чему онъ былъ очевидцемъ, не въ состояніи передать тѣхъ впечатлѣній, тѣхъ чувствъ, которыя волновали его душу при видѣ безбрежнаго Чернаго и Мраморнаго морей, при взглядѣ на плѣнительный Босфоръ и Константинополь; не можетъ передать того, что онъ чув-

ствовалъ при приближеніи къ знаменитому Аѳону или св. аѳонской горѣ, избранной Богоматерью въ жребій себѣ, не можетъ нахвалиться тихою и безмятежною жизнью иноковъ, которымъ шумъ мірской жизни совершенно невѣдомъ и помыслы которыхъ обращены исключительно на божественное. Полагаю,—въ его разсказахъ заключается много преувеличеннаго его поэтическимъ воображеніемъ, такъ какъ онъ и въ самомъ дѣлѣ маленькій поэтъ, но, во всякомъ случаѣ, онъ достигъ своей цѣли и я невольно увлекся его рѣчами объ Аѳонѣ и вообще о путешествіи на Аѳонъ и рѣшилъ еще тогда,—а это было вскорѣ по пріѣздѣ Ч—каго изъ Аѳона въ среднихъ числахъ августа прошлаго года,—непремѣнно совершить путешествіе въ этомъ году, ясно даже не сознавая, съ какою цѣлью предпринимаю я это путешествіе, а просто, слѣдуя своему безотчетному чувству. Конечно, его увлекательныя рѣчи не побудили бы меня къ путешествію, если бы у меня не было жилки, какъ говорятъ, или страсти къ путешествіямъ. Цѣлый годъ носился я съ мыслію о путешествіи, лелѣя ее, ревниво охраняя и не открывая ее никому съ одной стороны потому, что я сомнѣвался въ осуществленіи этой мысли, а лжецомъ и хвастуномъ не хотѣлось прослыть; а съ другой стороны—потому, что, какъ я думалъ, это не составитъ ни для кого интереса и, пожалуй, могутъ даже наглумиться надъ этою святою мыслью, или будутъ отсовѣтывать мнѣ пускаться въ путешествіе,—а этого мнѣ не хотѣлось, такъ какъ я въ своемъ мысленномъ совѣтѣ предрѣшилъ непремѣнно привести въ исполненіе свое намѣреніе, развѣ помѣшало бы что нибудь, не зависящее отъ меня и совершенно неустранимое. Дѣлился я только этою мыслью письменно съ этимъ семинаристомъ, да еще съ своимъ другомъ сотоварищемъ В. Л—мъ, котораго я успѣлъ склонить ѣхать вмѣстѣ со мною. Съ чувствомъ нетерпѣнія ждали мы окончанія экзаменовъ, чтобы исхлопотать себѣ паспортъ и непосредственно, не заѣзжая даже домой, уѣхать на Аѳонъ.

Но... случилось „нѣчто“, которое чуть-чуть не уничтожило того, о чемъ цѣлый годъ я думалъ. 27-го мая я и товарищъ мой Л—кій подали прошеніе о. ректору Академіи объ исходатайствованіи намъ заграничнаго паспорта на Аѳонъ для богомолья—по 15-е августа. На другой или третій день было засѣданіе академическаго Правленія,—со стороны Академіи разрѣшенъ былъ отпускъ, и оно рѣшило ходатайствовать о выдачѣ намъ паспорта у губернатора.— Все шло прекрасно до послѣдняго дня нашего выѣзда. Мы рѣшили выѣхать изъ Кіева 5-го іюня, а за паспортами пошли въ канцелярію губернатора 4-го іюня. Конечно, мы были болѣе чѣмъ увѣрены, что получимъ паспорты. Приходимъ и... вдругъ намъ объявляютъ „на основаніи отношенія Одесскаго градоначальника за № такимъ-то о томъ, что на востокѣ свирѣпствуетъ тифозная горячка, паспортъ такимъ-то студентамъ не выдается“. Опустились наши руки; то, о чемъ думали цѣлый годъ—разлетѣлось какъ мыльный пузырь. Что теперь дѣлать? Грустно, тяжело на сердцѣ!.. Погоревали, погоревали мы, да и порѣшили разъѣхаться по домамъ. 5-го іюня въ 5-ть часовъ вечера выѣхали мы съ товарищемъ изъ Кіева. Не помню хорошо, о чемъ я тогда думалъ, знаю только, что мнѣ чего-то было грустно, какъ будто чего-то не доставало.

На станціи „Вапнярка“ мы слѣзли и я поѣхалъ дня на два съ своимъ товарищемъ въ домъ его родныхъ, гдѣ я два года уже провожу рождественскіе и пасхальные каникулы и гдѣ принятъ, какъ свой. Отсюда я уѣхалъ въ Кишиневъ, съ тѣмъ, чтобы вскорѣ отправиться на свою родину. Въ самый день отъѣзда изъ Кишинева, гдѣ я пробылъ дней пять, узнаю, что тифозная горячка, если и не прекратилась, то нѣсколько ослабѣла, и благоразумію богомольцевъ предоставляется брать паспорты или нѣтъ. Я отложилъ поѣздку домой, остался въ Кишиневѣ и думалъ хлопотать о паспортѣ. Но оказалось, что мнѣ, какъ кіевскому

жителю, нельзя получить паспорта въ Кишиневѣ, а только въ Кіевѣ или Одессѣ, какъ портовомъ городѣ. Мой пріятель Ч—кій кончилъ въ это время курсъ семинаріи и началъ хлопотать о заграничномъ паспортѣ, намѣреваясь вторично посѣтить Аѳонъ. Товарищу же своему я немедленно написалъ, чтобы онъ къ 20 іюня былъ непремѣнно въ Одессѣ, гдѣ мы вмѣстѣ будемъ хлопотать о паспортѣ. Выѣхать же изъ Одессы мы рѣшили непремѣнно 25-го іюня.

21-е іюня. Ч—кій исхлопоталъ себѣ паспортъ. Мнѣ же нужно ѣхать въ Одессу, чтобы исхлопотать себѣ паспортъ и поспѣть къ субботѣ (къ 25-му іюня) на пароходъ „Одесса", идущій прямымъ рейсомъ въ Константинополь. Я рѣшилъ выѣхать 22 іюня. Распрощавшись съ знакомыми и напутствуемый благожеланіями ихъ, въ 10-ть часовъ вечера съ бывшими товарищами по семинаріи, а теперь студентами Одесскаго Университета, взялъ багажъ въ руки и отправился на вокзалъ пѣшкомъ, хотя разстоянія до вокзала версты полторы. Но зачѣмъ тратить даромъ деньги, когда они на что нибудь другое понадобятся, тѣмъ болѣе, что ихъ очень мало; а погода стоитъ хорошая,—въ компаніи незамѣтно сдѣлаешь такую прогулку,—багажъ же состоитъ изъ одного зимняго пальто и нѣсколькихъ штукъ бѣлья, такъ что его безпрепятственно можно нести въ рукахъ. На вокзалъ пришли мы за полчаса до отхода поѣзда. Все это время мы ходили по платформѣ и подъ вліяніемъ наступающей разлуки были настроены печально. Но отчего я печаленъ? Я долженъ быть веселъ... Вѣдь моя годичная мысль осуществляется... Но что со мною? Я испытываю внутреннюю борьбу, волненія, сомнѣнія: „куда это? Что я затѣялъ"? По мѣрѣ приближенія дѣйствительности, она какъ туча дѣлается все грознѣй и грознѣй. Я началъ завидовать участи остающихся товарищей. Они меня ободряютъ; а ихъ участіе пугаетъ меня. Не бросить-ли эти затѣи?... 12 ч. ночи—3-й звонокъ. Простившись съ товарищами, я сѣлъ въ вагонъ третьяго класса.

Что я тогда чувствовалъ и думалъ, не могу опредѣленно сказать, такъ какъ собственно подъ вліяніемъ разлуки съ родными и знакомыми, а также подъ вліяніемъ предпринимаемаго путешествія не имѣлъ одного опредѣленнаго предмета въ мысли, а этихъ предметовъ было слишкомъ много, такъ что они совершенно подавляли мысль и получалось нѣчто неопредѣленное; въ головѣ, какъ въ калейдоскопѣ, предносился домъ родительскій, уютный домикъ въ прекрасномъ селѣ, мирная и спокойная жизнь среди роскошной природы, прекраснаго сада; то приходили на умъ бури, то скалы, у подножія которыхъ лежитъ разбитый пароходъ, несчастья, могущія случиться со мною... Мало по-малу я, нельзя сказать, чтобы уснулъ, а скорѣе забылся, не могъ уснуть вслѣдствіе нервнаго возбужденія, да приходилось еще бороться съ различными сомнѣніями... Вся эта борьба въ связи съ физическимъ утомленіемъ сильно изнурила меня. Поневолѣ позавидовалъ я своему vis-a-vis, рыжему еврею, который спалъ крѣпкимъ сномъ. Выхожу на платформу. Свѣтаетъ; легкій, прозрачный туманъ дымкою покрываетъ Херсонскія степи, чрезъ которыя мы теперь проѣзжаемъ. Я съ жадностію вдыхаю свѣжій и теплый воздухъ и начинаю освѣжаться, бодриться. Прочь всѣ сомнѣнія! Впередъ манилъ просторъ и рядъ неиспытанныхъ наслажденій. Грудь дышала свободно, на встрѣчу вѣяло уже югомъ, манили голубыя небеса и воды... Солнце восходитъ; мы подымаемся отъ станціи „Кучурганы“ подъ гору и машина такъ отчаянно пыхтитъ, прибавивъ пару, что кажется, вотъ-вотъ лопнетъ. Подъѣзжаемъ къ „Раздѣльной“. Здѣсь почему-то я непремѣнно думалъ и даже почти увѣренъ былъ, что встрѣчу своего товарища. Поэтому, сейчасъ же какъ только пріѣхалъ Кіевскій поѣздъ, я осмотрѣлъ всѣ вагоны даже нѣсколько разъ, но напрасно: не смотря на мое сильное желаніе встрѣтить его здѣсь, я его не встрѣтилъ.

Въ 9 часовъ утра я прибылъ въ Одессу. Нужно было поѣхать въ Пантелеимоновское подворье въ домъ Сушкина.

Я зналъ, что оно гдѣ-то не вдали отъ вокзала. Но извозчикъ содралъ съ меня 50 коп. на томъ основаніи, что онъ-де „уже три часа ожидаетъ поѣзда и ему нужно же что нибудь заработать", а домъ Сушкина, какъ оказалось, почти противъ вокзала. Въ Пантелеимоновскомъ подворьи меня помѣстили въ одномъ номерѣ съ купцомъ, какъ потомъ я узналъ, Трофимомъ Наумычемъ Мальковымъ, изъ острожскихъ, который тоже ѣдетъ на Аѳонъ на богомолье. Номерокъ на три постели и довольно чистенькій. Въ номерахъ живутъ болѣе или менѣе „благородные", а „простые" помѣщаются внизу въ общей комнатѣ, гдѣ спятъ на полатяхъ,— эта комната общая какъ для мужчинъ, такъ и для женщинъ... Пантелеимоновское подворье потому такъ называется, что находится въ вѣдѣніи русскаго Аѳонскаго Пантелеимонова монастыря; домъ пожертвованъ Тульскимъ купцомъ Сушкинымъ—однимъ изъ братьевъ достоуважаемаго игумена Пантелеимонова монастыря о. Макарія. Уже при входѣ въ это подворье вѣетъ чѣмъ-то другимъ: всѣ стѣны его обвѣшаны изображеніями подвиговъ аѳонскихъ подвижниковъ и изображеніями Страшнаго суда; встрѣчаются то и дѣло богомольцы и богомолки. Этимъ подворьемъ завѣдуетъ простой монахъ о. Андрей; а остальную братію, которой не больше трехъ, составляютъ простые послушники. Меня приняли сначала довольно равнодушно, по моему несллшкомъ презентабельному костюму... Но когда я далъ имъ свой билетъ для записи въ подворную книгу и они увидали, что я „студентъ", да еще духовной академіи, то нѣсколько иначе взглянули на меня.

Времени терять нечего; нужно въ эти два дня исхлопотать себѣ паспортъ, а то нельзя будетъ поспѣть къ субботѣ на пароходъ и придется выѣхать во вторникъ. Не зналъ, съ чего начать и къ кому обратиться; зналъ только, что паспорты заграничные выдаетъ градоначальникъ. Въ подворьи мнѣ сказали, что нужно сначала пойти въ казна-

чейство и купить за 50 коп. (50 коп. для богомольцевъ, а вообще 5 р.) бланкъ заграничнаго паспорта. Прихожу въ казначейство; говорятъ, что нужно подать прошеніе для исходатайствованія бланка. Я, не зная, въ какой формѣ написать прошеніе, просилъ объяснить мнѣ; вмѣсто этого мнѣ предлагаютъ печатное прошеніе въ нѣсколько строкъ, за что нужно уплатить 20 коп. Съ какой стати лишнія деньги платить, думаю себѣ. Тутъ брось 20, тамъ 20, тамъ 30 к... да вѣдь это деньги!... а я человѣкъ совсѣмъ небогатый, поэтому я и сказалъ, что и самъ умѣю писать.— „Ну такъ идите и купите себѣ бумаги,—сказали мнѣ. Я пошелъ въ сосѣднюю лавочку и купилъ два листа бумаги и написалъ прошеніе. Здѣсь же мнѣ сказали, что нужно итти въ полицію, чтобы получить отъ полиціймейстера свидѣтельство о неимѣніи препятствій къ выѣзду за границу. Въ полиціи я провозился съ 10 до 2 часовъ, и за то слава Богу, а то могъ бы получить свидѣтельство на другой день въ 12 часовъ, о чемъ гласитъ прибитое здѣсь правило. Но мнѣ необходимо было сегодня получить свидѣтельство, чтобы успѣть еще подать прошеніе градоначальнику, пріемъ у котораго продолжается до 3-хъ часовъ. Написавъ здѣсь же прошеніе на имя градоначальника и приложивъ свидѣтельство отъ полиціи и билетъ, выданный мнѣ Академическимъ Правленіемъ, я почти бѣгомъ побѣжалъ въ канцелярію градоначальника, находящуюся въ другой части города, чтобы успѣть къ 3 часамъ. Подалъ прошеніе; сказано явиться завтра, т. е. въ пятницу въ 1 часу за полученіемъ паспорта. Наконецъ я вздохнулъ нѣсколько свободнѣй. Измученный, разбитый и усталый отъ бодрствованія прошедшей ночи, а также отъ хожденія по всѣмъ мытарствамъ, я скоро сѣлъ на конку и поѣхалъ въ подворье. Братья и другіе богомольцы уже давно отобѣдали и отдыхали послѣ трудовъ. Мнѣ дали обѣдать, хотя все уже остыло. Заглушивши кое-какъ аппетитъ, я поспѣшилъ улечься. Спалъ до 5 часовъ. Въ это время

приходитъ ко мнѣ завѣдующій подворьемъ о. Андрей и говоритъ, что позавчера, т. е. 21 числа ночью была на мое имя телеграмма; но такъ какъ меня еще не было, то телеграмма возвращена и я могу получить ее въ телеграфной станціи. Догадался я, что эта телеграмма, должно быть, отъ моего товарища. Сейчасъ же, оставивши даже недопитымъ стаканъ чаю, отправился я на телеграфную станцію. Дѣйствительно, догадка моя оказалась вѣрною. Товарищъ проситъ, какъ можно скорѣе увѣдомить его,—когда пріѣхать въ Одессу, и можно ли тутъ выхлопотать себѣ паспортъ.

Три часа ночи; не спится, хотя уже давно пора спать. Все въ подворьи спитъ,—мертвая тишина; только издали, на подобіе глухихъ раскатовъ грома, доносится шумъ отъ движеній по каменнымъ одесскимъ мостовымъ. Одесса и ночью бодрствуетъ,—не то, что нашъ святый градъ Кіевъ, гдѣ во многихъ частяхъ города къ 12 часамъ ночи все умолкаетъ... Вотъ уже въ кельяхъ начинается по немногу движеніе. Изъ сосѣдней кельи доносится до меня монотонное и медленное, почти по складамъ, чтеніе какого-то монаха, или простаго міранина-паломника: „из-ми-мя-отъ-врагъ... отъ врагъ моихъ“... „Ми-лость-и-су-дъ... милость и судъ вос-пою Те-бѣ, Гос-поди“... Изъ другой кельи доносится еле-еле слышное пѣніе: „радуйся, невѣсто неневѣстная“... Грустно становится... Глаза смыкаются, рука не хочетъ служить, мысли смѣшиваются, лампа потухаетъ, на дворѣ свѣтъ борется съ тьмою,—день съ ночью, и я въ изнеможеніи падаю на постель и ложусь спать, не раздѣваясь даже... хотя не могъ долго уснуть,—нервы ужъ слишкомъ напряжены.

Пятница. 24-е іюня.—Сегодня въ первомъ часу я получилъ паспортъ. При этомъ чиновникъ, выдававшій паспортъ, съ какимъ-то недоразумѣніемъ посмотрѣлъ на меня и спросилъ: „не болгаринъ-ли я?“, хотя въ моей физіономіи меньше всего болгарскихъ чертъ. Онъ предположилъ, что я болгаринъ

моего въ Одессу я пользуюсь монастырскимъ столомъ и въ ресторанъ не хожу. Не смотря на сильную скудость и непитательность монастырскаго стола, къ чему я вовсе не привыкъ, я не ропщу. Хочу быть настоящимъ паломникомъ... Сейчасъ пишу письмо домой къ родителямъ и прошу ихъ родительскаго благословенія на далекій и опасный путь.

Суббота. 25 іюня. Черное море,—на пароходѣ „Одесса“. —Вотъ мчусь я теперь на всѣхъ парахъ на русскомъ пароходѣ „Одесса“ по водамъ Чернаго моря, которому присвоена репутація сердитаго, злаго, негостепріимнаго. Быть можетъ оно и бываетъ такимъ въ осеннюю, весеннюю или зимнюю пору, а теперь оно очень ласково и тихо, только маленькій вѣтерокъ рябитъ поверхность и производитъ небольшую зыбь.

Чуть было не остался я еще въ Одессѣ до вторника. Дѣло вотъ въ чемъ. Съ Ч—мъ мы въ Кишиневѣ условились, чтобы онъ въ субботу въ 9 часовъ утра, т. е. сегодня непремѣнно пріѣхалъ въ Одессу, и въ 4 часа выѣдемъ. Въ половинѣ девятаго утра иду я сегодня на вокзалъ для встрѣчи его. Приходитъ поѣздъ, а его, сверхъ всякаго ожиданія, нѣтъ. Я былъ возмущенъ! Не пріѣхалъ,—ну и не пріѣхалъ—Богъ съ нимъ! Мало-ли чего не бываетъ... заболѣлъ, или, прощаясь съ родными и знакомыми, пропустилъ поѣздъ, какъ и со мною тоже случилось въ Кишиневѣ... Развѣ и безъ него нельзя поѣхать? Повидимому, такъ, да не совсѣмъ... Здѣсь кстати нужно сказать, на какія средства я путешествую, и тогда все объяснится. Хотя у меня есть довольно зажиточные родители и родственники и при усиленной просьбѣ съ моей стороны, быть можетъ, они снабдили бы меня деньгами для путешествія; но во первыхъ, я не имѣлъ возможности видѣться съ ними лично,—что въ данномъ случаѣ болѣе или менѣе обнадеживало бы въ успѣхѣ, а во вторыхъ я и самъ не просилъ денегъ на путешествіе, не желая обременять родителей и родственниковъ.

тивоположна Кіеву, который, по своему мѣстоположенію и различному характеру улицъ, представляетъ удивительное разнообразіе, и потому Кіевъ можно сразу изучить, такъ какъ каждая часть города представляетъ нѣчто совершенно отдѣльное. Одессу называютъ южною красавицею; и дѣйствительно, она чиста, наряжена, роскошна..., но эта красавица бездушная, она васъ холодомъ обдаетъ, а потому и вы не чувствуете къ ней теплаго чувства. Кіевъ не такъ чистъ и опрятенъ, но онъ больше Одессы можетъ нравиться. Поэтическое мѣстоположеніе Кіева, величественный Днѣпръ, въ особенности во время разлитія голубою лентою опоясывающій его, отсутствіе такой суеты и меркантильности, какъ въ Одессѣ, отпечатокъ какой-то святости... все это производитъ неизгладимое впечатлѣніе на путешественника, а жителя невольно приковываетъ къ себѣ. Я во 2-й годъ пребыванія въ Кіевѣ успѣлъ полюбить его сознательно и разумно, такъ что не знаю, какъ придется чрезъ два года разстаться съ нимъ. Не даромъ многіе изъ оканчивающихъ курсъ положительно не желаютъ разставаться съ Кіевомъ, въ особенности при мысли о какихъ нибудь Единцахъ или Привороти, куда выпадаетъ инымъ жребій учительства...

До 9 часовъ вечера ходилъ я по городу. Былъ и на приморскомъ бульварѣ; здѣсь-то собственно я наибольше просидѣлъ—часовъ около двухъ. Это дѣйствительно самая лучшая часть Одессы. Предъ вами разстилается необъятное море. Вы вперяете свои взоры, но опредѣленнаго впечатлѣнія вы не получите, а только впечатлѣніе чего-то грознаго, необъятнаго, величественнаго, предъ чѣмъ вы чувствуете свое ничтожество и возноситесь мыслью къ сотворившему море и землю и *вся, яже въ нихъ.* Да, въ Одессѣ стоитъ быть изъ-за моря! Съ приморскаго бульвара я возвратился на подворье и въ комнатѣ у себя засталъ на столѣ два огурца—это ужинъ. Вотъ уже два дня со времени прибытія

Грустно стало мнѣ; почти всякаго теперь провожали или мать, или сестра, или братъ, или жена, а меня—кто? Никто. О моемъ путешествіи въ настоящее время еще никто изъ родныхъ не знаетъ. Да и кто знаетъ, что еще можетъ случиться? Увидимся ли мы когда? Увижу ли я отчій кровъ, гдѣ родился и возросъ?.. Наконецъ я самъ теперь положительно безъ копѣйки денегъ; кто знаетъ, что можетъ статься съ Трофимомъ Наумычемъ. Грустно, да нечего дѣлать..

Вотъ одинъ берегъ уже скрылся; другой еле-еле мелькаетъ. Смотрю въ морской бинокль—видиѣется Днѣстровскій Лиманъ и Аккерманъ,—прощай Россія! Прощай дорогое отечество! Дай Богъ воротиться по добру, по здорову!

День клонится къ концу; солнце на закатѣ. Люблю вообще смотрѣть на заходящее солнце, но въ особенности на морѣ. Вотъ послѣдніе лучи заходящаго солнца скользятъ по поверхности черно-зеленаго моря; вотъ красное солнце, какъ бы улыбаясь и посылая прощальный привѣтъ, опускается въ море и, бросая послѣдніе лучи, кажется, будто купается въ морѣ,—пока наконецъ совершенно не скроется. Какая величественная картина! Вы безмолвно млѣете передъ радужными слѣдами солнца: оно жаркимъ прощальнымъ лучомъ раздражаетъ ваши глазные нервы, но вы не можете оторваться отъ него. Эта картина достойна кисти Айвазовскаго и описанія какого нибудь Гоголя, а не моего... О, еслибъ я могъ такъ писать, какъ чувствую!—Ужъ совершенно свечерѣло; ярко звѣзды горятъ; не дунетъ вѣтеръ, море не шелохнется, пароходъ идетъ полнымъ ходомъ и съ шумомъ разрѣзываетъ воды грознаго Чернаго моря, море какъ бы ярится и отъ ярости реветъ и испускаетъ пѣну, свѣтящуюся фосфорическимъ блескомъ, и огненныя полосы гаснутъ за кормою. Тихо на пароходѣ, замолкли пассажиры; слышны иногда только отрывочныя приказанія капитана или помощниковъ его. Одинъ я, склонясь къ периламъ головой, вперилъ взоръ свой въ бездонное море. Далека, далека моя мысль: то на Аѳонѣ, то въ подводномъ царствѣ, то на сельскомъ балконѣ...

Такъ какъ пріятель мой Ч—кій располагаетъ лишними до поры до времени деньгами, то я и обратился къ нему, какъ къ своему другу, чтобы онъ ссудилъ мнѣ до окончанія академическаго курса рублей 60 или сколько потребуется для путешествія на Аѳонъ и обратно. Онъ согласился. Съ своей стороны я согласился получить эту ссуду, предварительно убѣдившись, что не наношу этимъ никакого ущерба какимъ бы то ни было интересамъ его. Вотъ на какія деньги я путешествую,—на деньги въ счетъ „будущихъ благъ"! При выѣздѣ изъ Кишинева я взялъ у него 15 руб. на расходы въ Одессѣ. Въ концѣ концовъ, по исхлопотаніи паспорта, у меня осталось всего на всего три рубля. Просто не понятно, куда это ушли 12 рублей! Вѣдь я за три дня съѣлъ только одну порцію котлетъ!—Что тутъ дѣлать съ тремя рублями? До Константинополя даже нельзя доѣхать, такъ какъ билетъ 3 класса на палубѣ стоитъ четыре рубля. Вотъ какое положеніе! Понимаете теперь мою досаду на моего пріятеля, когда я его не встрѣтилъ на вокзалѣ? Это значило совершенно безъ дѣла остаться въ Одессѣ до вторника и разстаться съ своимъ новымъ пріятелемъ Трофимомъ Наумычемъ. Но Трофимъ Наумычъ, съ которымъ я уже успѣлъ нѣсколько сойтись, выручилъ меня изъ бѣды. Я ему объяснилъ, въ чемъ дѣло, и онъ съ удовольствіемъ согласился помочь мнѣ.

— „Отдашь, Егорычъ, не отдашь,—твое дѣло. У меня денегъ много, самодовольно сказалъ онъ, ударивши себя по карману. И я отдалъ себя въ руки Трофима Наумыча Малькова. Мальковъ не изъ слишкомъ крупныхъ купцовъ, но и не изъ мелкихъ; деньги, должно быть, имѣетъ, судя по его разсказамъ о большихъ рыбныхъ операціяхъ его на Волгѣ, хотя по внѣшнему виду его нельзя объ этомъ заключить.

Сегодня съ утра замѣтно было особенное оживленіе въ подворьѣ: на лицахъ всѣхъ было замѣтно какое-то одушевленіе, всѣ суетились, бѣгали, складывали вещи. Я тоже

былъ почему-то воодушевленъ и не отставалъ въ этомъ отъ другихъ паломниковъ. „Наконецъ-то, наконецъ мои мечты приводятся въ исполненіе“, думаю я про себя. Въ первомъ часу вся братія и богомольцы, въ томъ числѣ и я, пообѣдали вмѣстѣ, помолились на образа и, напутствуемые благожеланіями братіи, отправились на карантинную пристань. Нашъ пароходъ „Одесса“ дымился, извергая большіе клубы чернаго дыму. Черезъ часъ—именно въ 4 часа—мы должны выѣхать. Смотрю.—всѣ богомольцы на пароходѣ, а моего кредитора Трофима Наумыча нѣтъ. Ищу, ищу его по всѣмъ пароходнымъ закоулкамъ... нѣтъ нигдѣ. Первый свистокъ,—второй,—нѣтъ Наумыча. Я просто самъ не свой: думаю уже забирать свои вещи съ парохода, нельзя же безъ копѣйки кидаться въ такой путь... Вдругъ несется на лихомъ извощикѣ мой Наумычъ съ какимъ-то еще другимъ, по виду, купцомъ...

— Какъ такъ можно, Трофимъ Наумычъ! вѣдь чуть-чуть не пропустили парохода.

„Что же такое! съ трудомъ проговорилъ онъ. Двадцать лѣтъ не видались съ пріятелемъ, а тутъ на...

Вскорѣ послѣ этого послѣдовалъ третій свистокъ и нашъ пароходъ мало по малу отчалилъ отъ пристани. На берегу машутъ платками, желаютъ благополучія. Вотъ тамъ плачетъ остающаяся жена съ маленькими дѣтьми, по видимому еврейка, провожая мужа своего куда нибудь въ Яффу или Александрію; вотъ тамъ плачущія малютки обвиваются вокругъ скорбной матери, старающейся ихъ успокоить; они что-то кричатъ, кажется на итальянскомъ языкѣ,—я могу разобрать только „papa, papa“...

Капитанъ даетъ какія-то непонятныя для меня приказанія, и нашъ пароходъ стрѣлою помчался, разрѣзывая тихія теперь воды Чернаго моря. Одесса мало по малу скрывается изъ глазъ, и мы плывемъ уже противъ малаго, а затѣмъ большаго фонтана...

Вдали заблестѣлъ огонекъ. Что это? Неужели земля? Нѣтъ, береговъ давно—еще при свѣтѣ—стало не видно. Не пароходъ ли другой? Нѣтъ, это маякъ на единственномъ островкѣ на Черномъ морѣ. Это островъ „Федонисъ", т. е. змѣиный островъ, говорятъ, много змѣй на немъ.

Утомившись отъ такого созерцанія, я прилегъ на люкѣ посреди Трофима Наумыча и еще одного богомольца, которые преспокойно спали, въ особенности Трофимъ Наумычъ, который храпѣлъ на весь пароходъ. Я попользовался ихъ постелью, такъ какъ постельнаго у меня положительно ничего нѣтъ; въ этомъ случаѣ я могу сказать: omnia mea mecum porto. Улегшись между ними, я еще не скоро заснулъ и часа два смотрѣлъ на звѣздное небо. О, какъ люблю я взоромъ томнымъ носиться въ небѣ голубомъ, когда кругомъ тихо и ничто не препятствуетъ такому полету! Наконецъ, предавши себя на волю Божію и волю капитана, который за насъ всѣхъ бодрствуетъ, я уснулъ.

Воскресенье. 26-е іюня. *На пароходѣ „Одесса"*.—Засыпая, я далъ себѣ обѣщаніе, или выразилъ желаніе встать до восхода солнца, чтобы увидѣть картину восхода его, которая, по всему вѣроятію, должна быть восхитительна. На разсвѣтѣ—еще далеко до восхода—я проснулся, такъ какъ достаточно прозябъ отъ сыраго морскаго воздуха. Пробудившись, я сначала не сознавалъ, гдѣ нахожусь, минуты двѣ, по крайней мѣрѣ, я не могъ оріентироваться въ своемъ положеніи и находился въ какомъ-то странномъ полусознательномъ и вмѣстѣ непріятномъ состояніи, соображая, гдѣ я нахожусь.

„Команда, вставать"! Это приказаніе капитана сразу привело меня въ сознаніе, и я, какъ укушенный чѣмъ нибудь, мигомъ вскочилъ. Смотрю—ничего не видно,—кругомъ вода; какъ будто не вѣрится, что я плыву по морю. Хожу по пароходу взадъ и впередъ; всѣ спятъ, только матросы, лѣниво растягиваясь, нехотя встаютъ. Находившись вдоволь по огромному пароходу, я сталъ на корму въ ожиданіи восхода солнца. Вотъ сильнѣе и сильнѣе алѣетъ востокъ,—

вотъ-вотъ вынырнетъ солнце изъ тихихъ теперь водъ Чернаго моря; фіолетовая пелена покрыла небо и смѣшалась съ пурпуромъ; вотъ половина солнца, вотъ оно все показалось и привѣтливо улыбнулось; заалѣло Черное море. Боже мой, какая прекрасная картина! Изумленный глазъ смотритъ—не насмотрится. Какъ торжественно и прекрасно—тихо на шумномъ морѣ,—а ни дыханія зефира! Все молчитъ, только пароходъ шумитъ, пѣня воду и оставляя за собою волнующуюся дорогу, ясно замѣтную въ такой тишинѣ. Я прилежно смотрѣлъ на просторную гладь моря и молчалъ, потому что молчаніе въ такихъ случаяхъ, какъ нельзя болѣе кстати. Смотрю—не вдали отъ парохода въ тихомъ морѣ что-то плескается, что-то кувыркается, рыба-не рыба... „Смотрите, смотрите"! уже кричатъ пассажиры. Цѣлое стадо какихъ-то водныхъ существъ видимо старается обогнать пароходъ, дѣлая при этомъ довольно большія выныриванья. Оказывается, что это морскія свиньи или дельфины, которые теперь, должно быть, играютъ, встрѣчая восходъ солнца. Эти дельфины не слишкомъ большаго размѣра; если они и похожи на нашихъ свиней, то только мордою, которая дѣйствительно свиная, а во всемъ остальномъ настоящая рыба; изъ головы во время выныриванья высоко бьетъ струя воды. Они плывутъ за пароходомъ или просто для удовольствія отъ состязанія въ бѣгѣ съ пароходомъ, или же, вѣроятнѣе всего, съ цѣлью поживиться чѣмъ нибудь, падающимъ изъ парохода. Вотъ вдали на горизонтѣ виднѣется дымъ. Смотрю въ бинокль—пароходъ плыветъ. Это, какъ оказалось, русскій пароходъ „Цесаревичъ", выдержавшій десятидневный карантинъ въ Дарданеллахъ по случаю холеры въ Александріи. На обоихъ пароходахъ—въ знакъ привѣтствія—вывѣшены флаги. Пассажиры привѣтствуютъ другъ друга маханіемъ платковъ, или же сбрасываніемъ шапокъ. „Кланяйтесь Россіи"! „поклонъ матушкѣ Россіи" кричатъ съ нашего парохода. Пароходъ нашъ, довольно скорый на ходу, обогналъ австрійскій къ досадѣ, должно быть, нѣмецкаго капитана и по-

встрѣчался съ французскимъ и англійскимъ; взаимныя привѣтствія выражались тоже вывѣшиваніемъ флаговъ, но безъ поклоновъ и привѣтствій пассажировъ.

Теперь нужно ознакомиться съ характеромъ пароходнаго населенія. Пассажировъ на пароходѣ сравнительно съ его величиною мало. Наибольшую долю составляютъ русскіе богомольцы, ѣдущіе то на Аѳонъ, то въ Іерусалимъ; затѣмъ слѣдуютъ евреи, которыхъ сравнительно значительное число, потомъ греки, итальянцы, нѣмцы и калмыки. Знакомство пассажировъ на пароходѣ—очень скорое; поневолѣ тутъ перезнакомишься, не видя по двое-трое и болѣе сутокъ ничего кромѣ воды. Я, не слишкомъ падкій на знакомства да и неимѣющій способности скоро знакомиться, и то почти со всѣми перезнакомился за исключеніемъ семейства калмыковъ.—Прежде всего я познакомился съ студентомъ 3-го курса Московской духовной Академіи *Кузма*—арабомъ по происхожденію. Онъ теперь ѣдетъ въ Палестину по порученію Палестинскаго Общества, поручившаго ему собрать и сообщить свѣдѣнія о состояніи школъ—православныхъ, католическихъ и протестантскихъ въ Палестинѣ. Палестинское Общество остановилось на немъ потому, что онъ знаетъ арабскій языкъ,—знаніе котораго необходимо для точныхъ справокъ и непосредственнаго ознакомленія съ школьнымъ дѣломъ. Онъ очень симпатичный и толковый человѣкъ.—Познакомился далѣе я съ русскими богомольцами. Между богомольцами на Аѳонъ есть два крестьянина вятской губерніи, два пермской, два тверской, одинъ—астраханской, три отставныхъ солдата и нѣсколько другихъ. Вятичи и пермяки: оборванные, измученные, исхудалые! Какъ оказалось—уже мѣсяца полтора изъ дому и пришли пѣшкомъ въ Кіевъ, отсюда въ Одессу и, по ихъ словамъ, если бы возможно было, то „пѣшечкомъ бы и на Аѳонъ“. Вотъ самоотверженіе! Нужно именно удивляться такой сильной вѣрѣ нашихъ русскихъ крестьянъ! Всѣ они, кажется, думаютъ остаться на Аѳонѣ. „если

Царица Небесная сподобитъ". А вотъ меня удивили эти три отставные солдата, участвовавшіе даже въ послѣдней русско-турецкой войнѣ! Всѣ они такіе бравые молодцы — въ особенности одинъ изъ нихъ — и ѣдутъ съ спеціальною цѣлью остаться на Аѳонѣ. Не могъ я добиться, не смотря на всѣ мои разспросы, что ихъ заставляетъ бросать родину, мать, отца и обречь себя на добровольное заточеніе. Я получалъ только неопредѣленные отвѣты: „все суета, ничего хорошаго въ мірѣ нѣтъ"...

Греки и евреи ѣдутъ съ торговою цѣлью: нѣкоторые въ Константинополь, а нѣкоторые въ Яффу. Одинъ изъ евреевъ — въ красной фескѣ — обращалъ на себя вниманіе всѣхъ слишкомъ ужь большою развязностью; ко всѣмъ приставалъ, со всякимъ говорилъ на его родномъ языкѣ и со мною познакомился, и мы довольно долго говорили (этотъ еврей, если только не лжетъ, драгоманъ какого-то посольства). Нашъ разговоръ былъ богословскаго характера. Начался же онъ по слѣдующему поводу.

Довольно крупно разговаривая съ своими евреями — на еврейскомъ языкѣ и очевидно что-то доказывая имъ, онъ вдругъ разражается порусски такой глупой фразою: „я атеистъ; я не держусь никакого вѣроисповѣданія; я вѣрую только въ Бога". Сказавъ это слишкомъ ужь театрально, онъ, очевидно, разсчитывалъ на эффектъ и потому вызывающе посмотрѣлъ на меня, ожидая одобренія. Но онъ горько ошибся. Я началъ съ того, что показалъ нелѣпость и противорѣчіе въ сказанныхъ имъ словахъ, а за тѣмъ пошелъ разговоръ о различіи вѣроисповѣданій, о поклоненіи единому Богу... При этомъ онъ отвергалъ священниковъ, раввиновъ... Я указалъ на неприличіе и неразуміе подобнаго поступка, оскорбляющаго религіозное чувство какъ русскихъ богомольцевъ, такъ и соплеменниковъ его — евреевъ. Онъ созналъ это и призналъ необходимость какъ раввиновъ, такъ и священниковъ, оправдывая свое презрительное отношеніе къ священникамъ и раввинамъ тѣмъ, что они де-

рутъ, но что онъ уважаетъ какъ честныхъ священниковъ, такъ и раввиновъ. Я указалъ ему на то, что во всякомъ званіи есть люди, позорящіе его, но изъ этого не слѣдуетъ отвергать самое званіе. . и т. д. въ подобномъ родѣ.

Меня долгъ побуждалъ вступить въ преніе съ этимъ евреемъ и доказать ему противное, потому что одинъ изъ пермяковъ сталъ было съ нимъ по этому поводу на дыбы и, конечно, ловкій еврей смялъ его, такъ что далѣе я долженъ былъ явиться на выручку. Въ особенности евреи остались довольны моею защитою раввиновъ и священниковъ, такъ что съ этихъ поръ старались по возможности оказывать мнѣ уваженіе и почтеніе: то чай предлагая (что весьма кстати, такъ какъ у меня не было собственнаго чаю), то сигары (которыхъ я вообще не употребляю), то почтительно обращаясь ко мнѣ съ разспросами: „что я такое, куда, откуда и зачѣмъ ѣду“; а между собою, на сколько я могъ понять ихъ исковерканный нѣмецкій языкъ, говорили, что я „gelehrter Mann“.

Полдень; кто спитъ, кто дремлетъ, кто кушаетъ; нѣкоторые матросы играютъ въ лото, а иные, протянувшись, спятъ, не смотря на то, что южное полуденное солнце сильно жаритъ; а я, отъ нечего дѣлать, все пишу, да пишу, такъ что даже обратилъ на себя вниманіе. Между прочимъ два нѣмца подострили надо мною, говоря, что я философъ, что я философствую, глядя на море, и одинъ изъ нихъ ужасно удивлялся, о чемъ я могу писать, глядя на море.

Но сколько ни пиши, а желудокъ своего требуетъ— словами или мыслями не накормишься. Да; но чтожъ дѣлать, когда нечего ѣсть? Я не купилъ ничего въ Одессѣ, такъ какъ не было денегъ, а на пароходѣ ужь больно дорого. Мой Трофимъ Наумычъ при прощаньи съ Одессою позабылъ о закупкѣ провизіи и всего на все у насъ обоихъ былъ одинъ маленькій хлѣбецъ, такъ что въ продолженіи двухдневнаго плаванія мы питались только этимъ маленькимъ хлѣбцемъ; а чаемъ поили меня евреи два раза. Однимъ

словомъ съ 23 іюня я на такой строгой діэтѣ, на какой еще никогда не былъ.

Солнце зашло; находятъ малыя тучи; вѣтерокъ повѣваетъ и все усиливается; море начинаетъ по немногу волноваться и пароходъ нашъ покачиваетъ. „Быть качкѣ", говорятъ. По правдѣ сказать, я желалъ бы качки. Когда же нибудь да нужно испытать вліяніе ея на себѣ; но, къ сожалѣнію, не было большой качки. Говорятъ, что скоро будутъ видны берега. Но наврядъ-ли, такъ какъ тучи заволокли небо и скрыли мѣсяцъ. Я все какъ будто не вѣрю, что мы скоро переплывемъ Черное море и достигнемъ Константинополя. Поэтому я, находясь въ ожиданіи, испытываю какое-то не то радостное, не то горестное, а какое-то неопредѣленное чувство. Взглянувши нѣсколько разъ на горизонтъ и убѣдившись, что ничего не видно, я опять прилегъ, какъ вчера, всрединѣ между Трофимомъ Наумычемъ и богомольцемъ, давши себѣ обѣщаніе встать какъ можно раньше, чтобы не пропустить вида на Константинополь и на Босфоръ, такъ какъ къ 5 часамъ утра мы должны въѣзжать въ Босфоръ. Свѣжо; я озябъ; поэтому и не могъ уснуть, не смотря на убаюкивающій однообразный шумъ волнъ и качаніе нашего парохода на подобіе люльки. „А море черное шумитъ не умолкая", припомнилъ я въ это время почему-то этотъ Лермонтовскій стихъ. Я не могъ уснуть частью отъ холода, частью отъ голода, а частью отъ работы воображенія надъ тѣмъ, что мнѣ предстояло видѣть.

Понедѣльникъ, 27-е іюня. Константинополь. Пантелеимоновское подворье.

Въ прошедшую ночь я почти ни минутки не спалъ, а безпокойно дремалъ,—что́ очень непріятно. Въ два часа ночи я всталъ съ люка и началъ ходить по палубѣ, такъ какъ довольно сильно озябъ. Была маленькая качка. Я смотрѣлъ все впередъ, въ нетерпѣливомъ ожиданіи скорѣе увидѣть берега и знаменитый Константинополь. Я почему-то себѣ представлялъ, что Константинополь такъ вдругъ и долженъ

какъ бы вынырнуть изъ воды и явиться во всемъ своемъ внѣшнемъ величіи. Смотря вдаль пристально, я замѣтилъ какія-то двѣ ярко свѣтящіяся точки: звѣзда-не звѣзда, пароходъ-не пароходъ... Гляжу въ бинокль и догадываюсь, что это, по всему вѣроятію, маячные огни. Дѣйствительно, скоро предъ нами засверкали огни двухъ маяковъ,—изъ которыхъ одинъ на европейской, а другой на азіятской сторонѣ,—одинъ постояннымъ бѣловатымъ свѣтомъ, другой ярко пунцовой точкой, которая поминутно то слабѣла, то опять разгоралась, кидая на море длинную полосу малиноваго свѣта. Сквозь темноту, мглу и утренній туманъ я по немногу различаю очертанія земли. „Средній ходъ, малый ходъ", приказываетъ капитанъ. Значитъ—близко; пароходъ не идетъ полнымъ ходомъ, чтобы какъ разъ съ восходомъ солнца войти въ Босфоръ. Берега все яснѣе и яснѣе очерчиваются; уже простымъ глазомъ, только чрезъ туманъ не слишкомъ отчетливо, можно замѣтить исполинскій протокъ съ его холмистыми берегами. Слишкомъ грозными казались въ туманѣ берега Босфора съ ихъ укрѣпленіями, изъ которыхъ выглядываютъ громадныя дула пушекъ. Такъ вотъ тотъ Босфоръ, тѣ твердыни, которыми Турція еще сильна и благодаря которымъ еще держится! Заалѣлъ востокъ; солнышко восходитъ, вынырая изъ переплытыхъ водъ моря; туманъ разсѣевается, вѣтерокъ утихъ и мы въѣзжаемъ въ Босфоръ. Палуба оживилась: всѣ встали, чтобы полюбоваться картиною единственною въ своемъ родѣ, подобной которой еще никто въ мірѣ не нарисовалъ, да и не нарисуетъ. Не знаю,—можно ли передать красоту этой величественной водной голубой улицы, на которой Азія и Европа сошлись лицомъ къ лицу во всей красотѣ и роскоши. Послѣ плаванія по обширному морю, гдѣ получается какое-то неопредѣленное впечатлѣніе чего-то величественнаго, громаднаго, необъятнаго, здѣсь получается вполнѣ ясное и опредѣленное впечатлѣніе чего-то поэтическаго и невыразимо прекраснаго. Боже мой! Какъ

прекрасенъ Босфоръ теперь при восходѣ солнца! Зеркальная поверхность его желтѣетъ пурпурно-золотистымъ отливомъ, а вдали скрывается въ дымкѣ фіолетоваго тумана. При самомъ входѣ встрѣтила насъ цѣлая стая дельфиновъ, нарушая покой сонныхъ водъ; они прыгали, ныряли, играли на солнцѣ и неутомимо гнались за пароходомъ. Берега Босфора—это неистощимый рядъ самыхъ восхитительныхъ видовъ, подъ прекраснѣйшимъ небомъ, въ ласкающей свѣжести и прохладѣ. По обѣимъ сторонамъ тянутся различные дворцы, загородные кіоски... всѣ потоплены въ зеленой гущѣ кипарисовъ и виноградниковъ. Часъ или полтора ѣзды по Босфору—это просто сновидѣніе; это панорама—больше ничего; чтобы этому повѣрить—нужно самому увидѣть... Гдѣ же Константинополь? Я желаю, я хочу его видѣть Вѣдь въ моемъ представленіи онъ долженъ въ мигъ, какъ на ладони предстать во всей своей чарующей прелести, такъ приковавшей крестоносцевъ. „Это, говорятъ, только предмѣстья. Это—Буюкъ-дере,—лѣтняя резиденція посольствъ, это—Теравія... До самаго Константинополя будемъ плыть еще около часу...“ Ахъ, когда бъ скорѣе! Мои чувства утомлены безпрестанною смѣною впечатлѣній... я боюсь, что они не будутъ воспріимчивы къ красотамъ самаго Константинополя... чѣмъ далѣе плывемъ, тѣмъ Босфоръ живописнѣе и оживленнѣе. По синимъ струямъ взадъ и впередъ птицами летаютъ пароходы, оставляя за собой вверху полосы чернаго дыма, внизу бѣлыя ленты кипучей пѣны; намъ попадается на встрѣчу множество роскошныхъ „каиковъ“ съ сидящими въ нихъ турками. Но вотъ пароходъ заворачиваетъ за уголъ и... о, диво! Константинополь—какъ на ладони! Какъ ни приготовленъ я былъ къ первой минутѣ свиданія съ знаменитой панорамой, но картина, развернувшаяся передо мною, выше всѣхъ описаній. Прямо противъ насъ подымается колоссальный амфитеатръ безчисленныхъ строеній... дома кажутся положительно одинъ на другомъ. Изъ рядовъ, громоздящихся домовъ возвышаются куполообразныя

мечети съ ихъ тощими минаретами. Вотъ, указываютъ мнѣ, *св. Софія*; Сераль, Домена-Бахче.. многое вижу... но ничего не понимаю, что такое... Позади, на азіятскомъ берегу, тянется другой, слегка выгнутый амфитеатръ строеній и садовъ. Это—Скутари съ прилегающимъ къ нему знаменитымъ Халкидономъ. Съ лѣвой стороны виднѣются воды Мраморнаго моря съ живописными на немъ островами. Впечатлѣній и чувствъ, волновавшихъ мое сердце при въѣздѣ въ Константинополь, я не могу передать. Я не обладаю даромъ слова, равносильнымъ чувству. Пароходъ нашъ уменьшаетъ ходъ и бросаетъ якорь въ отверстіи изогнутаго вправо голубаго рога, перерѣзаннаго поперекъ длиннымъ мостомъ. Въ одну минуту налетѣло къ пароходу множество каиковъ. Гребцы въ полосатыхъ рубахахъ, красныхъ фесахъ и въ страшно широкихъ черныхъ шароварахъ, прихваченныхъ у колѣнъ и болтающихся назади огромнымъ мѣшкомъ, шумно цѣплялись за пароходъ, а нѣкоторые изъ лодочниковъ ухитряются, даже во время хода парохода, вскарабкаться на него и предложить свои услуги. Цѣлая толпа лодочниковъ, носильщиковъ и коммиссіонеровъ наводнила палубу. Французскія, греческія, русскія, англійскія фразы слились въ одинъ хаосъ неопредѣленныхъ криковъ. При этомъ они отлично знаютъ, къ кому какъ обратиться и на какомъ языкѣ заговорить. Мнѣ предлагали на русскомъ языкѣ и англійскомъ, видя, должно быть, въ моей рыжей особѣ нѣчто въ родѣ англійскаго gentlemena. Мнѣ не было надобности пользоваться услугами этихъ господъ, такъ какъ за нами-богомольцами должна выѣхать монастырская лодка. Дѣйствительно, чрезъ нѣсколько минутъ явилось на палубу нѣсколько русскихъ монаховъ, предлагающихъ свои услуги свезти въ извѣстное подворье. Дѣло въ томъ, что каждый изъ трехъ русскихъ монастырей на Аѳонѣ имѣетъ въ Константинополѣ свое подворье; къ прибытію парохода выѣзжаетъ лодочникъ съ монахомъ отъ извѣстнаго подворья, чтобы взять богомоль-

цевъ. Наибольшее число богомольцевъ отправлялось въ русскій Пантелеимоновскій монастырь. При этомъ вышла довольно непріятная сцена изъ-за богомольцевъ. Два пермяка, по невѣдѣнію, вмѣсто лодки Пантелеимоновскаго подворья попали на лодку Ильинскаго подворья. Когда имъ сказали, что они не туда попали, то они къ намъ и пересѣли. Изъ-за этого между лодочниками и монахами произошла перебранка, произведшая на меня непріятное впечатлѣніе. На богомольцевъ смотрятъ, выходитъ, съ барышнической точки зрѣнія... Опытный лодочникъ скоро и успѣшно, лавируя среди множества шныряющихъ взадъ и впередъ легкихъ лодокъ и пароходовъ, доставилъ насъ на берегъ. „Драствуй Руссъ, драстуй Москов, карашо!", привѣтствовали насъ турки. Скоро пришли мы въ подворье, находящееся въ нѣсколькихъ шагахъ отъ набережной. Монахи встрѣтили насъ довольно радушно. Мнѣ и студенту-арабу дали хорошій номерокъ. Въ это время въ домашней церкви шла литургія. Мы всѣ пріѣхавшіе сходили въ церковь и поблагодарили Бога за счастливо совершенный путь. Напились чаю и затѣмъ я съ студентомъ рѣшили пройтись немного по городу. На сколько сильно было наше очарованіе Константинополемъ съ моря, на столько сильно теперь разочарованіе. Боже мой, какое безобразіе внутри: нечистота, улицы узкія—меньше всякихъ нашихъ проулковъ, множество отвратительныхъ собакъ, которыя въ каждомъ закоулкѣ, на каждомъ перекресткѣ цѣлыми десятками грызутся между собою и разрываютъ нечистоты! Толкотня, давка, тѣснота, вонь, грязь на каждомъ шагу. А тутъ еще къ довершенію всего безалабернаго движенія присоединяется и конка; во избѣжаніе несчастій впереди ея постоянно бѣжитъ мальчикъ, который своимъ крикомъ: „варда, варда" т. е. берегись, разгоняетъ людей. Незавидная доля этихъ передовиковъ! Да и вообще меня поразило здѣсь страшное приниженіе личности,—рабочіе положительно играютъ роль скотовъ. Вотъ по улицѣ за длинною вереницею

ословъ, согнувшись въ три дуги, плетется этотъ черно-рабочій мулъ въ человѣческомъ образѣ, неся на себѣ такую тяжесть, которая едва ли по силамъ настоящему мулу. Это—*хомолъ*—весьма характерное явленіе Константинополя. Около часу ходили мы по городу, находя здѣсь для себя все новое: насъ поражалъ костюмъ турчанокъ, придающій имъ видъ движущейся муміи. Турчанка почти съ ногъ до головы окутывается широкимъ плащемъ свѣтлозеленымъ, или палевымъ, или розовымъ; лицо ея покрывается покрываломъ, чтобы нескромный глазъ не прельстился ея красотою; хотя на многихъ были очень прозрачныя покрывала, сквозь которыя отлично можно было разглядѣть южные огненные глаза. Далѣе, насъ поражало обиліе фруктовыхъ лавокъ, обиліе мѣнялъ... Однако намъ пришлось поплатиться за наше поспѣшное любопытство: мы не могли обратно попасть въ подворье, такъ что довольно долго блуждали. Первый разъ въ жизни пришлось обратиться къ практическому примѣненію греческаго языка. Я спросилъ: ποῦ ἐστὶ μοναστηρικὸν οἶκον τοῦ ἁγίου Παντελεήμονος? Грекъ указалъ намъ,—видно понялъ мой вопросъ,—за что я далъ ему неизбѣжный на востокѣ „бакшишъ“. Во время нашего прихода всѣ обѣдали. При этомъ монашеская братія здѣсь обѣдаетъ отдѣльно отъ богомольцевъ,—богомольцы тоже не всѣ вмѣстѣ обѣдаютъ, а по рангамъ. Монахи имѣютъ какой-то свой критерій при оцѣнкѣ людей. Я право не знаю, можетъ быть потомъ узнаю, что служило мѣриломъ оцѣнки моей личности, но мнѣ дали отдѣльный столъ—не по качеству, а приносятъ отдѣльно отъ другихъ въ номеръ. Если только мѣриломъ служитъ солидная мошна, то горько ошибутся, потому что у меня теперь ни копѣйки денегъ. Я съ нетерпѣніемъ жду пріѣзда Ч—каго, потому что не хочется быть въ зависимости отъ Трофима Наумыча; хотя онъ и добрый человѣкъ, но все таки у него иногда зарождается сомнѣніе, отдамъ ли я ему одолженныя деньги,—жилка купеческая въ немъ сказывается.

Сегодня вечеромъ, часовъ въ 11, послѣ повечерія зашелъ ко мнѣ старшій надъ паломниками монахъ о. Паисій. Не знаю,—въ обычаѣ ли это заходить къ паломникамъ, или нѣтъ, но онъ зашелъ ко мнѣ. Я съ нимъ довольно долго разговаривалъ о разныхъ предметахъ. Онъ, по его словамъ, изъ оренбургскихъ казаковъ, самоучка,—нигдѣ не учился, но „умудренъ опытомъ"; какъ онъ любитъ о себѣ выражаться, такъ что любаго ученаго за поясъ заткнетъ. Какъ оказалось, онъ смутно понимаетъ, что это такое Академія и чѣмъ оттуда выходятъ. А слово „студентъ" понимаетъ въ худомъ смыслѣ, такъ что мнѣ приходилось разубѣждать его въ этомъ. Видно, конекъ о. Паисія,—это война противъ ученыхъ изъ которыхъ почти всѣ „соціалисты". Онъ разсказывалъ, что въ Константинополѣ есть много этихъ „соціалистовъ": они иногда заходятъ въ подворье и просятъ куска хлѣба. „Оставьте, говорю я имъ часто, свои бредни. Какая вамъ польза отъ этого, скажите пожалуйста? Слушайте меня, простаго монаха, хотя не ученаго, но умудреннаго опытомъ. Мои совѣты основательны и я вамъ ей-ей добра желаю, спасенія. Вотъ какіе молодые люди теперь!" Долго я его разубѣждалъ въ противномъ, и мы разстались за полночь.

Константинополь. Вторникъ 28 іюня. Пантелеимоновское подворье находится въ европейской части города, называемой „Галата", не вдали отъ Босфора. Домъ подворья большой, пятиэтажный и, можно сказать, одинъ изъ лучшихъ въ этой части города. Номеровъ для богомольцевъ здѣсь достаточно. На самомъ верху на кровлѣ помѣщается церковь—не очень большая, но очень изящная и, нельзя сказать, чтобы она была бѣдна. Кругомъ церкви очень приличный балконъ, откуда богатѣйшій видъ на Босфоръ, Скутари и вообще Константинополь. Люблю прохаживаться по этому балкону и любоваться Константинопольскими видами, подобныхъ которымъ, смѣло могу сказать, едвали гдѣ можно отыскать! Вотъ Золотой Рогъ, усѣянный множествомъ пароходовъ; надъ нимъ возвышаются холмы Стамбула и Перу; затѣмъ взоры утопаютъ въ горизонтѣ Мраморнаго моря.

На противоположной сторонѣ Азіатскій берегъ является безконечною цѣпью цвѣтущихъ холмовъ, долинъ и садовъ.

Въ виду того, что подворьемъ завѣдуютъ монахи, оно находится въ очень нехорошемъ мѣстѣ, такъ какъ здѣсь очень много соблазновъ и искушеній. Сейчасъ же вокругъ подворья нѣсколько кофеенъ съ оффиціантками, гдѣ происходятъ страшныя безобразія въ восточномъ вкусѣ; немного дальше театръ, или скорѣе балаганъ, гдѣ каждый вечеръ музыка играетъ, и она такъ слышна, что лучше и желать не надо; поэтому мѣшаетъ молиться Богу. Я самъ убѣдился въ этомъ. Сегодня по случаю завтрашняго праздника, было бдѣніе, продолжавшееся до двухъ часовъ ночи; и я былъ на бдѣніи. Почти во все это время непрестанно раздавались неистовые звуки турецкаго барабана, каскадныя пѣсни, выстрѣлы... по неволѣ развлечешься и впадешь въ искушеніе. Есть и другія искушенія... Нужно знать, что такъ какъ Константинополь очень стѣсненъ, сплоченъ, то ему положительно нельзя расширяться и каждый домъ стоитъ въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ другимъ, не имѣя ни малѣйшей ограды, ни малѣйшаго двора. Поэтому здѣсь слишкомъ злоупотребляютъ высотою домовъ,—благо за это не платится ничего. При этомъ дома строятся по восточному—безъ крышъ, а съ кровлею, которая представляетъ отличное мѣсто для гулянья. Какъ разъ противъ монастырскаго дома высится такой же пяти-этажный домъ, гдѣ очень много жильцовъ—грековъ и армянъ. Мужчины обыкновенно, будучи заняты дѣломъ, не сидятъ дома, а женскій полъ—дома, занимаясь хозяйственными дѣлами; и вотъ вечеромъ молодежь женскаго пола и прохаживается по этой кровлѣ. Сегодня я былъ свидѣтелемъ этого: четыре гречанки граціозно прохаживались по кровлѣ, и двѣ изъ нихъ настоящія красавицы. А тутъ только что кончилась вечерня, и вся братія вышла на балконъ гулять. А гречанки, какъ бы чувствуя и сознавая силу своей прелести, еще граціознѣе прохаживаются. Наконецъ онѣ что-то говорятъ мнѣ, но я ничего не понимаю и, прибѣгнувши къ

запасу своихъ знаній по греческому языку, такъ сказалъ: οὐ δύναμαι ἑλληνικὰ λέγειν, ἀλλὰ ρουσσικά. Звонкій смѣхъ южныхъ красавицъ былъ отвѣтомъ на мое искреннее сожалѣніе. „Великое искушеніе, батюшка, говорю я одному изъ монаховъ, съ которымъ я довольно близко сошелся". „Боже мой! Прости насъ грѣшныхъ. Иногда по цѣлымъ часамъ стоишь на колѣняхъ и со слезами просишь Господа, чтобы Онъ удалилъ искушеніе". Вотъ что приходится терпѣть здѣшнимъ бѣднымъ инокамъ! Лучше, какъ они и сами говорятъ, жить на Аѳонѣ, хотя тамъ и строже, но такихъ искушеній нѣтъ.

Два часа ночи. Только что вернулся съ балкона, гдѣ очень долго гулялъ, любуясь волшебнымъ видомъ на Константинополь. Теперь тридцатидневный постъ Рамазанъ; во все это время городъ иллюминуется и главнымъ образомъ балконы минаретовъ. При блескѣ этихъ огней самыя строенія пропадаютъ въ темнотѣ и кажутся эти огненныя кольца какъ бы висячими въ пространствѣ. Прекрасное зрѣлище представляетъ Босфоръ съ безчисленнымъ множествомъ разноцвѣтныхъ огней, а Скутари кажется положительно въ огнѣ. Такъ вотъ наконецъ этотъ волшебный городъ съ чудесами Тысячи и одной Ночи! Вотъ наконецъ этотъ поэтическій Востокъ, напоминающій яркія краски вымысловъ Шехерезады!

Теперь Константинополь ликуетъ и веселится. Слѣдуя предписанію Корана, турки въ продолженіи 30 дней должны подвергать себя самому строгому воздержанію отъ пищи и питья. И дѣйствительно, днемъ они такъ постятся, что стараются даже какъ можно меньше говорить, чтобы рѣже открывать ротъ и такимъ образомъ какъ можно меньше впускать въ себя воздухъ; но за то ночью они вознаграждаютъ себя за это лишеніе, такъ что Рамазанъ превращается изъ поста въ самый веселый мѣсяцъ въ году. Вотъ противъ моего окна двѣ кофейни, гдѣ турки веселятся на распашку: пьютъ и поютъ,—въ прошедшую ночь не дали спать, вѣроятно и теперь не дадутъ. Вотъ всѣ гудятъ или аккомпанируютъ, а одинъ заливается бѣсомъ на самыхъ высокихъ нотахъ, вотъ всѣ что-то поютъ въ унисонъ и прихлопываютъ въ ладоши; а вотъ кричатъ просто какъ съумасшедшіе... Мнѣ становится страшно отъ этихъ завываній...

Чу! Что такое? Съ пушекъ стрѣляютъ въ половинѣ третьяго часа ночи: разъ, два, три... семь разъ. На улицѣ между тѣмъ не вдали отъ нашего подворья поднялась страшная суматоха, гвалтъ, отчаянные крики... ну настоящій адъ кромѣшный. Смотрю, противъ моего окна немного на сѣверъ страшное зарево,—весь горизонтъ заалѣлъ. Выбѣгаю на балконъ, и моимъ глазамъ представляется страшное и вмѣстѣ величественное зрѣлище—не вдали страшный пожаръ. А этотъ гамъ на улицѣ происходилъ отъ того, что пожарные, неся на своихъ плечахъ пожарные инструменты, натыкались на пьяныхъ турокъ, придавливая ихъ какою нибудь бочкою, а тѣ отчаяннымъ образомъ кричали. Пожаръ не скоро былъ прекращенъ. Константинополь въ пожарномъ отношеніи очень небезопасенъ: тутъ еще много деревянныхъ домовъ, которые совершенно сплочены другъ съ другомъ. Да при этомъ нужно принять во вниманіе еще отсутствіе хорошей пожарной команды; и та, какая есть, носится людьми въ случаѣ надобности.

Уже давно пора спать; лягу, если смогу только уснуть при отчаянныхъ крикахъ турокъ.

Константинополь. Среда. 29-е іюня. 4 часа утра. Не даютъ спать проклятые турки: поютъ, т. е. кричатъ до безобразнѣйшаго безобразія. Вдругъ среди этого гвалта слышится какой-то заунывный, просто за душу раздирающій вопль. Это—муэззинъ призываетъ правовѣрныхъ на молитву Аллаху и Его пророку Магомету, приглашая ихъ оставлять безобразія и безчинства. Такіе возгласы повторяются пять разъ въ день, чрезъ одинаковые промежутки времени и въ одно время со всѣхъ минаретовъ. При этомъ всѣ торопятся умыть лице и руки и затѣмъ идутъ въ мечети на молитву. Смотрю въ бинокль, и моимъ глазамъ представляется такая картина: на одной изъ верхнихъ галлерей минарета при султанской мечети муэззинъ арабъ, черный какъ смола, весь въ бѣломъ съ огромною чалмою на головѣ, закрывши глаза и заткнувши уши большими пальцами, вы-

крикиваетъ или „алалакаетъ", обращаясь на всѣ четыре страны свѣта. Голосъ этого муэззина очень высокій теноръ и онъ весьма ловко владѣетъ имъ, дѣлая переливы отъ самыхъ высокихъ теноровыхъ нотъ до самыхъ низкихъ. Сильное впечатлѣніе произвело на меня теперь это заунывное выкрикиваніе въ особенности послѣ возглогласованія пьяныхъ турокъ. Вчера я слыхалъ этого самаго муэззина днемъ, но выкрикиваніе его тогда не произвело на меня такого впечатлѣнія.

Послѣ этого выкрикиванія муэззина турки стали расходиться, и криковъ стало наконецъ совсѣмъ не слышно: турки вѣроятно пошли на молитву. Воображаю, какая это будетъ молитва послѣ такой бурно проведенной ночи. Только послѣ ухода турокъ я могъ заснуть и спалъ около двухъ часовъ. Затѣмъ пошелъ въ нашу церковь помолиться Богу и Святымъ Апостоламъ—Павлу и Петру, память которыхъ сегодня празднуется.

Пришелъ въ номеръ; прилегъ немножко и унесся мыслью въ дорогое отечество, въ свою милую Бессарабію, въ свое село, въ свой родной домъ, въ семейный кругъ родныхъ. Мнѣ стало невыразимо грустно! Я всталъ и написалъ длинное, предлинное письмо домой, въ которомъ описалъ всѣ впечатлѣнія, которыя я испыталъ при въѣздѣ въ Константинополь и въ самомъ Константинополѣ.

Константинополь. Четверг. 30-е іюня. Сегодня пріѣхалъ Ч—кій съ своимъ братомъ гимназистомъ, двѣнадцати-лѣтнимъ мальчикомъ. Мнѣ это очень пріятно, такъ какъ одиночная жизнь совершенно наскучила, да при томъ у меня ни копѣйки денегъ.

Вмѣстѣ съ ними пріѣхали и остановились на монастырскомъ подворьѣ семь болгарокъ, окончившихъ курсъ средне-учебныхъ заведеній въ Москвѣ. Всѣ онѣ родомъ изъ Румеліи- изъ городовъ Коприщицы и Панагюриште, гдѣ собственно организовалось и началось болгарское возстаніе. Въ самомъ началѣ возстанія родители ихъ были звѣрски

убиты баши-бузуками, а онѣ взяты были, благодаря милостивому вниманію покойнаго императора, въ Россію для полученія образованія. Съ 1876 года онѣ въ Россіи. Пріѣхали онѣ сюда маленькими запуганными дѣтьми, а возвращаются взрослыми дѣвушками въ полной силѣ и красотѣ. Онѣ ѣдутъ теперь въ Болгарію, чтобы по мѣрѣ возможности послужить ей. Изъ разговоровъ съ ними я узналъ, что онѣ сильно любятъ Россію, а нѣкоторыя изъ нихъ даже поставили себѣ цѣлью непремѣнно вернуться чрезъ нѣсколько лѣтъ въ Россію,—на что я имъ замѣтилъ, что онѣ скорѣе должны служить своему отечеству, которое болѣе, чѣмъ Россія, нуждается въ образованныхъ людяхъ... Во все время пребыванія нашего въ Константинополѣ мы служили ихъ чичероне. При этомъ замѣчу, что путешествіе съ барышнями по Константинополю очень щекотливое: нахальство турокъ далеко превышаетъ чувство приличія...,—въ особенности принимая во вниманіе свѣжесть, молодость и красоту черноглазыхъ болгарокъ.

Вмѣстѣ съ ними мы сегодня осмотрѣли мечеть Ая-Суфья (св. Софіи), взявши для этого проводника грека Давида, постоянно находящагося при Пантелеимоновскомъ подворьѣ. Ая-Софья находится въ Стамбулѣ—въ турецкой части города. Изъ Галаты, гдѣ мы остановились, въ Стамбулъ ведутъ чрезъ Золотой Рогъ два моста, желѣзный и деревянный. Первый изъ нихъ очень удобный и чистый, но движеніе на немъ, можно сказать, ничтожное въ сравненіи съ тѣмъ, что дѣлается на мосту деревянномъ, чрезъ который и мы переходили, заплативши предварительно по „паричкѣ“ (2½ коп.). Мостъ этотъ есть феноменъ въ своемъ родѣ. Около него пристаютъ всѣ пароходы, безпрестанно совершающіе свои рейсы въ близкія и далекія прибрежныя окрестности столицы. Площадь моста кишитъ людомъ разнообразнѣйшихъ лицъ, одеждъ, нарѣчій: офицеры, солдаты, статскіе въ фескахъ, статскіе въ цилиндрахъ, турки въ чалмахъ, греки, одѣтые, какъ турки, но въ фескахъ, пѣ-

шіе, конные, кареты съ сидящими въ нихъ, разодѣтыми по послѣдней модѣ, турчанками съ вуалями, не мѣшающими разглядѣть ихъ хорошенькія лица, простыя турчанки, плетущіяся въ ихъ мѣшковатыхъ балахонахъ съ закрытыми лицами, разносчики, громко и на различныхъ языкахъ выкрикивающіе свои товары, газетчики, речитативомъ перечисляющіе газеты, имѣющіяся у нихъ, мальчишки, предлагающіе чистку сапогъ или просящіе милостыню, множество самыхъ отвратительныхъ нищихъ... и все это толпящееся, толкающееся. Однимъ словомъ, давка, суматоха и болтовня непрерывныя. Насилу мы выбрались изъ этой толпы и направились къ Ая-Софіи. Вотъ проводникъ нашъ указалъ намъ ее. Признаюсь, внѣшній видъ ея не произвелъ на меня никакого особеннаго впечатлѣнія, и я невольно началъ опасаться, что дѣйствительность помрачаетъ тотъ величавый образъ, который у меня составился объ этомъ величайшемъ произведеніи византійскаго зодчества. Съ перваго взгляда она не только не поражаетъ величіемъ или красотою, а скорѣе отталкиваетъ; ея массивное, приплюснутое зданіе лишено величественности и кажется даже низкимъ. Это какая-то громадная масса камней, похожая больше на причудливую гору, нагроможденную природой, чѣмъ на художественное зданіе, построенное людьми. Но въ этой чудовищной грудѣ камней таится, говорятъ, прекраснѣйшій храмъ. Это меня нѣсколько успокоило, и я горѣлъ нетерпѣніемъ скорѣе увидать внутренность ея. Мы вошли въ узкій переходъ, который въ хаосѣ турецкихъ построекъ ведетъ къ пропилеямъ храма. У входа въ храмъ насъ встрѣтило нѣсколько имамовъ (духовныя лица, совершающія богослуженіе) съ щетинистыми бородами и въ грязныхъ чалмахъ. Нашъ проводникъ вступилъ въ переговоры съ ними. Это торгашество турокъ возмутило насъ до глубины души. Мы должны были нѣсколько разъ, по предложенію Давидки, дѣлать видъ, что вертаемся назадъ, не желая войти внутрь. Имамы же, не желая лишиться добычи, ворочали насъ на-

задъ, сбавляя каждый разъ цѣну за входъ. Наконецъ дѣло какъ-то уладилось: изъ меджида (около 1 р. 70 коп.) они спустились на полмеджида съ каждаго изъ насъ. Черезъ бронзовую дверь вошли мы на паперть или пропилеи Софійскаго храма. Здѣсь мы сняли сапоги и надѣли туфли, которыхъ здѣсь навалена цѣлая коллекція. Мы вошли и... остановились въ смущеніи, пораженные грандіозностью этого зданія вообще. Общій видъ зданія такъ могущественно поглощаетъ вниманіе, что нѣсколько времени совсѣмъ не замѣчаешь его обстановки, а наслаждаешься общимъ впечатлѣніемъ, не скоро переходя къ обзору частностей и подробностей. Будучи профаномъ въ архитектурѣ, я не берусь передавать о всѣхъ подробностяхъ этого замѣчательнаго произведенія византійскаго стиля... Меня поразилъ громадный куполъ, весь залитый свѣтомъ,—точно сводъ небесный. Просто понять нельзя, какъ такая громада можетъ держаться. Онъ покоится на неизмѣримомъ каменномъ кольцѣ, прорѣзанномъ множествомъ оконъ, которое поддерживаютъ четыре скрещенныя арки, раскинутыя между легкими полукуполами, образуемыми исполинскими закругленными на верху боковыми стѣнами, примыкающими впереди къ тройному выгибу алтаря, а назади къ колоннадѣ пропилей. По исполинской площади съ сѣвера и юга тянутся два ряда громадныхъ колоннъ, расположенныхъ симметрически и на равныхъ другъ отъ друга разстояніяхъ. Эти колонны связаны арками, на которыхъ встаютъ попарно новыя колонны, подпирающія своды другими рядами величественныхъ арокъ. Эта сквозная масса, поддерживая хоры, наполняетъ храмъ сѣтью колоннадъ, которая придаетъ ему неописанную красоту и величавую таинственность. Исторія говоритъ, что императоръ Юстиніанъ, войдя въ новоустроенный храмъ, воскликнулъ: „я побѣдилъ тебя, Соломонъ“! Не гордость заставила Юстиніана произнести эти слова, а изумленіе предъ невиданнымъ чудомъ искусства. — Мысль — посвятить храмъ Премудрости Божіей (Софіи) — была еще раньше Юстиніана.

Св. равноапостольный Константинъ, украшая храмами свою новую столицу, воздвигъ, между прочимъ, церковь во имя св. Софіи, Премудрости Божіей. Но церковь эта существовала очень не долго: была ли она слишкомъ мала, или ее разрушило землетрясеніе, только сынъ Константина, Констанцій, долженъ былъ построить ее вновь. Послѣ многихъ перестроекъ этого храма при преемникахъ Константина, императоръ Юстиніанъ, въ VI вѣкѣ, рѣшился замѣнить его новымъ колоссальнымъ зданіемъ. Онъ собралъ все, что могли представить въ его распоряженіе матеріальныя средства имперіи и опыты строительнаго искусства, чтобы воздвигнуть храмъ, способный противустоять и землетрясеніямъ, часто случавшимся въ Константинополѣ, и пожарамъ, нерѣдко опустошавшимъ столицу, и въ тоже время — быть достойнымъ монументомъ его царствованія. Однимъ словомъ, Юстиніанъ желалъ, чтобы это былъ самый прочный, самый великолѣпный соборъ на земномъ шарѣ. Чтобы украсить его, изъ ефесскаго храма богини Діаны были привезены восемь колоннъ, изъ Рима — также восемь колоннъ. Таже участь постигла храмы въ Аѳинахъ, въ Делосѣ, въ Египтѣ. Постройка собора была ввѣрена тремъ архитекторамъ, а именно: Анѳиму Траллѣскому, Исидору Милетскому и Игнатію. Соборъ былъ не только расширенъ, но и увеличенъ въ длину. Стѣны были воздвигнуты изъ кирпича, столбы — изъ громадныхъ известковыхъ камней, соединенныхъ желѣзными стержнями. Работали 10,000 человѣкъ, подъ руководствомъ 100 мастеровъ. Внутренняя часть собора была роскошно изукрашена. Стѣны были покрыты драгоцѣннымъ мраморомъ, капители и карнизы вызолочены, своды расписаны, куполъ покрытъ вызолоченною и цвѣтною мозаикою. По золотому полю, разноцвѣтными кусками стекла, были изображены, между прочимъ: въ алтарѣ — Божія Матерь въ исполинскомъ видѣ, сидящая на престолѣ, съ благословляющимъ Младенцемъ Спасителемъ, по сторонамъ Ея апостолы Петръ и Павелъ; надъ нею нерукотворенная икона

Спасителя, съ двумя парящими ангелами по сторонамъ. Въ сводѣ купола изображенъ былъ Спаситель, сидящій на радугѣ, а подъ куполомъ, на треугольникахъ между арками, четыре херувима. Надъ большими входными дверьми съ запада, внутри церкви, также было изображеніе Спасителя, сидящаго и благословляющаго припавшаго къ ногамъ Его императора. Богатство собора было изумительное при массѣ драгоцѣнныхъ золотыхъ сосудовъ, паникадилъ, крестовъ. Алтарь представлялъ собою чудную смѣсь золота, серебра, жемчуга и другихъ драгоцѣнныхъ камней. Однимъ словомъ, все соотвѣтствовало желанію императора въ созданіи этой церкви превзойти Соломона. А теперь что? Теперь наслаждаешься только общимъ впечатлѣніемъ зданія, которое дѣйствительно поражаетъ своимъ необъятнымъ величіемъ. А оторываясь отъ общаго впечатлѣнія храма и переходя къ его обстановкѣ, получаешь такое непріятное впечатлѣніе, что тебя просто дрожь охватываетъ отъ негодованія,—такъ здѣсь все бѣдно и жалко. Не терпя рельефныхъ крестовъ, сдѣланныхъ изъ дерева на входныхъ дверяхъ, турки отломали у нихъ поперечныя части, но оставили продольныя и верхнія, отчего кресты получили видъ какихъ-то громадныхъ стрѣлъ съ несоразмѣрными трехконечными остріями. Мозаики прикрыты и замазаны, хотя сквозь закраску таинственно проглядываютъ нѣкоторыя святыя изображенія. Въ сводѣ купола виднѣются крылья херувимовъ, плохо замазанныхъ. На алтарной стѣнѣ съ трудомъ можно примѣтить нѣкоторыя фигуры святыхъ и посреди нихъ колоссальный мозаическій образъ Божіей Матери. На мѣстѣ алтаря вставлена выдолбленная глыба краснаго мрамора, показывающая направленіе въ Меккѣ, а около нея небольшой полинялый коверъ, на которомъ Магометъ молился. Вокругъ всего храма турки развѣсили круглые щиты, на которыхъ крупнѣйшими арабскими буквами изображены имена Аллаха, Магоммеда... Вмѣсто паникадилъ со сводовъ по всему храму спускаются проволоки, на которыхъ висятъ бронзовыя люстры,

страусовыя яйца, пучки шелка и проч. Нѣкоторыя колонны нѣкогда великолѣпнаго храма пошатнулись и треснули; арки боковыхъ галлерей тоже сильно покосились и измѣнили свое положеніе, и все это остается на произволъ судьбы. Впрочемъ, нѣкоторыя потрескавшіяся колонны опоясаны толстыми желѣзными прутьями. Довольно долго разсматривали мы это величайшее произведеніе искусства; оставались бы здѣсь еще больше, но имамы чрезъ проводника нашего торопили выйти или пойти на хоры, такъ какъ турки собирались на полуденную молитву (въ дни Рамазана). Окинувши послѣднимъ взглядомъ храмъ и его величественный куполъ, мы вошли въ притворъ, сняли туфли и обулись въ сапоги (на хоры можно идти въ сапогахъ). При этомъ, замѣчу, дѣло не обошлось безъ бакшиша. На хоры нужно всходить по отлогимъ всходамъ, которые подымаются спирально. Величіе храма съ хоръ кажется еще поразительнѣе: турки, собиравшіеся въ это время на молитву, казались пигмеями. На хорахъ также много слѣдовъ поруганія и обезображенія святыни и искусства. Между прочимъ, нашъ проводникъ Давидъ разсказалъ намъ слѣдующее преданіе. Во время разграбленія Константинополя турками, масса несчастныхъ христіанъ искала убѣжища въ стѣнахъ Софійскаго собора. Священники, для утѣшенія вѣрующихъ, совершали литургію. Когда мусульмане ворвались въ храмъ, то священникъ, служившій литургію въ этотъ день, не окончивши ея (онъ дошелъ только до „Побѣдную пѣснь поюще...“), былъ святыми ангелами со святымъ евангеліемъ въ рукахъ вознесенъ на небо. Когда этотъ храмъ сдѣлается снова христіанскимъ, тогда этотъ священникъ вернется для окончанія литургіи. Давидъ указалъ даже мѣсто, гдѣ, по преданію, этотъ священникъ совершалъ литургію. На хорахъ еще болѣе, чѣмъ внизу, поражаешься небреженіемъ туроко и поруганіемъ, не говорю—святыни, но искусства. Достаточно сказать, что по подкуполью летаютъ голуби, оставляющіе очень много помету на пери-

лахъ хоръ. Во время осматриванія нами хоръ, внизу собралось уже много турокъ для молитвы и мы имѣли возможность увидѣть турецкое богослуженіе. Турки при молитвѣ обязаны оборачиваться въ ту сторону, гдѣ приходится ихъ священный городъ—Мекка. При этомъ они молятся, повернувшись спиною къ образу Мудрости-Софіи, таинственно подымающемуся на среднемъ сводѣ, какъ бы не смѣя глядѣть на него. Въ это время шла проповѣдь какого-то чалмоноснаго муллы, который говорилъ о чемъ-то съ большимъ воодушевленіемъ, размахивая руками. Только малая часть пришедшихъ турокъ слушала краснорѣчиваго муллу, подогнувши подъ себя ноги, или лежа. Большая часть, разлегшись преспокойно по три или четыре вмѣстѣ, вела бесѣды, должно быть, очень пріятныя, потому что многіе изъ нихъ чистосердечно смѣялись, нѣкоторые утомленные, надо полагать, безобразіями прошедшей ночи, преспокойно храпѣли. Меньшинство же предавалось религіозной гимнастикѣ. Эта религіозная гимнастика магометанъ чрезвычайно разнообразна. Сначала они нѣсколько времени сидятъ, подогнувши колѣна, молча, затѣмъ кладутъ большіе пальцы къ ушамъ и произносятъ молитву. Черезъ минуту они перекладываютъ уже руки на животъ, растопыриваютъ пальцы и, потупивъ взоры въ землю, кладутъ ихъ на колѣна. Затѣмъ, то совсѣмъ выпрямляются, то, стоя на колѣняхъ, откидываются назадъ бросаются на протянутыя руки, иногда склоняются лбомъ до земли съ дикими завываньями. Это зрѣлище молящихся турокъ представлялось съ хоръ очень страннымъ и возбуждало какое-то непріятное, тягостное чувство. Нѣкоторыя изъ болгарокъ, при видѣ молящихся турокъ и при разсказѣ нашего проводника о мѣстахъ святыни и остаткахъ ея на стѣнахъ, положительно дрожали отъ страха и негодованія. Боязнь турецкихъ ятагановъ и звѣрства башибузуковъ еще не изгладились изъ ихъ памяти, хотя въ то время онѣ еще были маленькими. Между прочимъ одна изъ дѣвушекъ (*Цвѣтана*, или *Флора* она называлась) съ ужасомъ сказала мнѣ: „а что, если они вздумаютъ бро-

сться на насъ и перебьютъ? Ахъ, какъ я ихъ боюсь и ненавижу"! Изъ разспросовъ ея я узналъ, что ея родные всѣ перебиты башибузуками, а она какимъ-то просто чудеснымъ образомъ уцѣлѣла, инстинктивно спрятавшись въ погребѣ. Успокоивая ее, я и самъ началъ чувствовать какую-то робость и потому торопилъ всѣхъ выходомъ. Почти все время пребыванія нашего на хорахъ за нами ходилъ имамъ и еще кто-то изъ причта Ая-Софіи. Этотъ послѣдній носилъ маленькій холщевый мѣшочекъ. Запуская туда руку, онъ вынималъ изъ него горсть разноцвѣтныхъ камушковъ мозаики, выковыренныхъ изъ стѣнъ, и предлагалъ купить, приговаривая: „Антыка! антыка"! Я купилъ нѣсколько этихъ камешковъ, заплативши одинъ піастръ (10 коп.), предварительно долго поторговавшись. Это было вполнѣ достойнымъ финаломъ къ довершенію тягостнаго чувства, вынесеннаго нами изъ посѣщенія св. Софіи. По выходѣ изъ св. Софіи, мы присѣли предъ дверьми ея на близь лежащихъ камняхъ и высказывали другъ другу волновавшія насъ чувства.

Затѣмъ, такъ какъ женское общество было утомлено, то рѣшено было, чтобы оно отправилось домой въ сопровожденіи Т. Л. Ч—каго, которому достаточно извѣстна топографія Константинополя по прошлогоднему путешествію; а я съ Давидомъ отправился для осмотра нѣкоторыхъ достопримѣчательностей Стамбула.

Не вдали отъ св. Софіи находится знаменитый *Ипподромъ*, или потурецки Атъ-Мейданъ, что значитъ лошадиная площадь. Это большая прямоугольная площадь, имѣющая нынѣ 250 футовъ длины и 150 ширины; а когда-то она имѣла 370 метровъ длины и 185 ширины. Какъ гласитъ мой путеводитель по Константинополю [1]), она начата при Сеп-

---

[1]) „Путеводитель Константинополя". Описаніе всѣхъ замѣчательныхъ и святыхъ мѣстъ, съ рисунками. Въ пользу Русскаго Свято-Ильинскаго Скита на Аѳонѣ. Изданіе іеромонаха Антонія. Константинополь. 1883 г. Это тощая кни-

тиміи Северѣ и окончена Константиномъ Великимъ. На этой площади были когда-то знаменитыя ристалища, изумлявшія Византію роскошью и кровавыми побоищами. Теперь Атъ-Мейданъ опустѣлъ и совершенно непригоденъ для конскихъ ристалищъ. Поверхность площади изрыта ямами и завалена кучами притоптаннаго мусора, такъ что нельзя и догадаться, что на ней въ цвѣтущія времена имперіи мчались золотыя колесницы. Только три памятника, уцѣлѣвшихъ какимъ то образомъ, напоминаютъ о быломъ величіи Атъ-Мейдана. Это—обелискъ Египетскій или Ѳеодосія 1-го, змѣиная колонна и разрушенная колонна Константина Багрянороднаго. Египетскій обелискъ сдѣланъ изъ розоваго гранита. Это половинная часть первоначальнаго обелиска, который Фараонъ Путмосъ (за 1600 л. до Р. Х.) воздвигнулъ въ Геліополисѣ (въ Египтѣ). Констансъ II, Юліанъ и Ѳеодосій I занимались его перевозкой въ Византію; но воздвигнутъ онъ только Аркадіемъ въ 400 г. послѣ Р. Х. Теперь онъ обведенъ чугунной рѣшеткою. На пьедесталѣ изображены мраморные барельефы и греческія надписи, выражающія похвалы императору за его сооруженіе. Нѣсколько далѣе отъ обелиска стоитъ змѣиная колонна. Это одинъ изъ древнѣйшихъ и замѣчательнѣйшихъ памятниковъ. Онъ воздвигнуть греками въ храмѣ Дельфовъ на память платейской побѣды, отъ лица всѣхъ греческихъ племенъ, участвовав-

---

жонька въ 30 страничекъ крупнаго шрифта. Свѣдѣнія о памятникахъ (совершенно не о всѣхъ) весьма скудныя. Говоря это, я не имѣю какого нибудь злого умысла, тѣмъ болѣе, что я лично знакомъ съ от. Антоніемъ и знаю отъ него печальную исторію происхожденія этой книжки и борьбу его съ турецкою цензурою за существованіе этой книжки, которая хотя и появилась, но за то далеко не въ первоначальномъ видѣ. Говоря это, мы указываемъ только на необходимость болѣе лучшаго путеводителя по Константинополю у насъ въ Россіи, который болѣе обстоятельно знакомилъ бы путешественниковъ съ остатками древности и святыни. Въ Турціи невозможно изданіе подобныхъ книгъ, такъ какъ турецкая цензура не позволяетъ говорить правды о христіанскихъ святыняхъ, или же слишкомъ обще. Примѣръ—настоящій тощій путеводитель. Въ путешествіи по Константинополю, изобилующемъ памятниками, настоятельно ощущается потребность въ хорошихъ путеводителяхъ,—это я на себѣ испыталъ.

шихъ въ битвѣ. Она называется змѣиною потому, что составлена изъ трехъ бронзовыхъ змѣй, которыя, опираясь хвостами на пьедесталъ, сплетаются въ вертикально подымающуюся колонну и наверху опять раскидываютъ голову на три стороны. Теперь нѣтъ ни одной головы, а только скрученное туловище. Головы отбиты невѣжественными турками. Эту колонну привезъ изъ дельфійскаго храма Константинъ Великій. Эта колонна тоже обнесена рѣшеткой; на пьедесталѣ изображены надписи городовъ, принимавшихъ участіе въ платейской битвѣ. Наконецъ, третій памятникъ,—это разрушенная колонна Константина Багрянороднаго. Эта колонна была украшена бронзовыми рельефными фигурами, но латинскіе крестоносцы унесли ихъ съ собой, такъ что въ настоящее время видны только одни камни, которые угрожаютъ неминуемымъ разрушеніемъ. Вотъ и все, что осталось на Атъ-Мейданѣ и по чему еще можно догадываться о его быломъ величіи, когда онъ уставленъ былъ колоннами, бронзовыми и мраморными статуями, которыя въ продолженіи вѣковъ свозились сюда съ цѣлаго свѣта.

Осмотрѣвши Атъ-Мейданъ съ его оставшимися памятниками, я пошелъ съ Давидомъ въ „Янычарскій" музей, находящійся въ концѣ Атъ-Мейданъ, насупротивъ мечети Ая-Софья. Это продолговатое каменное двухъ-этажное зданіе, половина котораго занята турецкою школою, а половину составляетъ музей. Входъ въ этотъ музей открытъ безпрепятственно для всѣхъ съ платою двухъ піастровъ. Этотъ музей называется „Янычарскимъ", потому что въ немъ выставлены исключительно только однѣ чучелы, представляющія собою старое облаченіе и вооруженіе янычаръ. Очевидно, что этотъ музей, *правильно организованный*, могъ бы имѣть важное значеніе въ археологическомъ отношеніи, какъ памятникъ всей турецкой старины, такъ какъ въ прежнее время янычары составляли все въ Турціи: и войско, и административныя власти и придворную свиту... Но, къ сожалѣнію, въ

распорядкѣ предметовъ этого музея не замѣтно никакого опредѣленнаго порядка, никакой систематической классификаціи выставленныхъ предметовъ, никакихъ хронологическихъ указателей. Въ каждомъ болѣе или менѣе благоустроенномъ музеѣ существують каталоги. Ничего подобнаго здѣсь нѣтъ. Правда, къ предметамъ привѣшены ярлычки, но на нихъ написано потурецки. Невольно, поэтому, приходится пользоваться услугами корыстолюбиваго турка, расчитывающаго получить „бакшишъ". Конечно, онъ переводитъ вамъ только ярлычекъ, не сообщая никакихъ свѣдѣній, а, быть можетъ, и вводитъ еще въ заблужденіе. Внѣшнее состояніе весьма не казисто: густая пыль покрываетъ всѣ эти чучела. Чучела сдѣланы весьма неискуственно· это какіе-то безобразные болваны, не хорошо сдѣланные изъ дерева и грубо размалеванные красками. Кромѣ этого, нѣкоторые изъ нихъ покривились, а у иныхъ отломаны пальцы. Въ Константинополѣ существуетъ и другой музей — музей оружія (въ церкви св. Ирины). Но для обозрѣнія его нужно было выхлопотать пропускной билетъ изъ Порты со внесеніемъ довольно значительной платы. Поэтому и не пришлось быть въ другомъ музеѣ. На обратномъ пути мы зашли въ одну изъ древнѣйшихъ цистернъ, которая называется у турокъ Бинъ-бпръ-диреќъ или подземелье тысяча-и-одной колонны. Она находится недалеко отъ Атъ-Мейдана. При входѣ насъ встрѣтилъ турокъ, съ которымъ Давидъ началъ торговаться. Входъ въ эту цистерну для всѣхъ безплатный, но турки привыкли требовать бакшишъ съ пріѣзжихъ туристовъ за все, и требуютъ всѣ, кто только захочетъ. Такъ, этотъ турокъ (какъ я узналъ потомъ) совершенно случайно зашелъ въ эту цистерну; но, видя наше намѣреніе осмотрѣть ее и считая почему-то себя обязаннымъ охранять ее, рѣшился воспользоваться бакшишемъ, который во всякомъ случаѣ онъ получитъ съ туриста, потому что, — не вступишь же съ нимъ въ драку, а посмотрѣть хочется. Насилу за полъ-франка Давидъ сторговался.

Мы опустились въ подземелье, которое освѣщается сверху чрезъ круглыя отдушины каменныхъ воронокъ. Здѣсь тянутся ряды бѣлыхъ колоннъ, сажень въ пять вышиною, такъ что, кажется, стоишь въ лѣсу. Не знаю, есть ли здѣсь тысяча и одна колонна. Давидъ говорилъ, что подъ этимъ подземельемъ есть другое, теперь совсѣмъ заваленное. Теперь Бинъ-биръ-дирекъ служитъ мастерскою для размотки шелка. И дѣйствительно, между колоннами разставлены станки, у которыхъ оборванные мальчишки вертятъ колеса и наматываютъ шелковыя нити на катушки. Отсюда мы уже направились домой, проходя по грязнымъ улицамъ Стамбула, которыя, къ довершенію всего, положительно были запружены отвратительными собаками съ ихъ семействами, такъ что приходилось перескакивать чрезъ нихъ. По дорогѣ намъ встрѣтился довольно важный памятникъ,—такъ называемая „погорѣвшая" колонна. Она состоитъ изъ девяти цилиндровъ, соединенныхъ между собою широкимъ поясомъ въ видѣ лавроваго вѣнка, такъ что колонна имѣетъ видъ памятника изъ цѣлаго камня, украшеннаго вѣнцами. На этой колоннѣ, какъ гласитъ мой путеводитель по Константинополю, находилась бронзовая статуя Аполлона, голова котораго замѣнена была головою Константина. Въ царствованіе Алексѣя Комнена, статуя, капитель и часть колонны были разрушены громовымъ ударомъ,—отчего она и называется „погорѣвшею". Эммануилъ Комненъ замѣнилъ разрушенныя части каменными украшеніями. Колонна имѣла 170 футовъ вышины.

Отсюда мы пошли уже домой, не останавливаясь нигдѣ, хотя Давидъ и предлагалъ еще осмотрѣть замѣчательный турецкій базаръ „Беземонъ", но я отказался теперь отъ этого, чувствуя сильную усталость. Завтра вечеромъ отправляется пароходъ на Аѳонъ. Наконецъ-то...

Пятница, 1-го іюля Константинополь. Пятница считается праздничнымъ днемъ у турокъ. Въ этотъ день совершается торжественный выѣздъ султана въ одну изъ своихъ мече-

тей. Съ утра на улицахъ замѣтно особое оживленіе. На улицахъ слышна военная музыка,—это турецкіе солдаты, направляющіеся къ дворцу. Хотя это было довольно интересное зрѣлище, но я рѣшилъ оставить его для другого болѣе интереснаго зрѣлища, тѣмъ болѣе, что я не разсчитывалъ увидѣть султана, для чего нужно было попасть въ мечеть, а это почти невозможно. Этимъ другимъ интереснѣйшимъ зрѣлищемъ является пляска дервишей, которая совершается по пятницамъ. И вотъ я съ неизмѣннымъ Давидомъ пошелъ въ монастырь дервишей. Дервишами называются люди, вступившіе на высшую ступень спасенія. Монастырь дервишей находится въ Перу. Мы вошли въ ограду монастыря, обложенную каменными плитами и содержащуюся весьма чисто. Посреди двора—прелестный фонтанъ, направо—мечеть; а налѣво тянется деревянное строеніе, занятое кельями. Изъ оконъ кельи выглядывали иногда худыя, изможденныя лица дервишей. Одѣты они въ коричневыхъ рясахъ и большихъ войлочныхъ шапкахъ. Теперь они приготовлялись къ трудному подвигу—верченью. Въ монастырскую ограду собирается все больше и больше толпа народу всѣхъ націй въ ожиданіи представленія. Но вотъ муэззинъ затянулъ монотонный призывъ къ молитвѣ; желѣзныя двери отворились и вся толпа двинулась въ мечеть. Мы вошли въ довольно большую залу, съ трехъ сторонъ обведенную галлереей. Съ перваго взгляда совершенно нельзя и подумать, что это мѣсто для молитвы, а скорѣе мѣсто для какихъ нибудь представленій. Полъ гладко навощенъ, а посерединѣ виситъ большая люстра. Въ нижнемъ ряду, отдѣленномъ перилами, помѣщаются зрители и богомольцы; въ верхнемъ ярусѣ оркестръ, состоящій изъ литавръ и флейтъ и небольшаго хора поющихъ дервишей, а по бокамъ—рѣшетчатыя ложи для женщинъ, которыхъ почти совсѣмъ не видно.—Чрезъ нѣсколько минутъ начали появляться одинъ за другимъ дервиши. Не слышно ступая босыми ногами, потупя глаза и сложа руки на груди, входили они въ залу; поклонившись на обѣ стороны

и по направленію къ Меккѣ, они становились вокругъ баллюстрады. Необыкновенное смиреніе, которое они представляютъ всей своей фигурой, блѣдность ихъ лицъ, высокіе колпаки ихъ, странная одежда, все это придаетъ имъ какую-то таинственность. Всѣхъ вошедшихъ дервишей было около 30. Между ними было два мальчика, которымъ было отнюдь не болѣе 10-ти лѣтъ. Наконецъ, послѣ всѣхъ вошелъ настоятель секты, сухой, какъ скелетъ, въ зеленой мантіи и коричневой чалмѣ, густо обвитой внизу зеленой тесьмою. Онъ сѣлъ, подогнувши подъ себя ноги на подушки. Затѣмъ онъ началъ читать молитву; въ отвѣтъ ему раздалось визгливое пѣніе хора. Дервиши при этомъ предавались религіозной гимнастикѣ: то опускались на колѣна, вытягивая впередъ сложенныя руки и падая на нихъ, то дружно откидываясь назадъ и опять падая на протянутыя руки съ какимъ-то завываньемъ... Но вотъ пѣніе замолкло и всѣ предались на нѣсколько минутъ самоуглубленію. Вдругъ послышались звуки флейты или скорѣе свирѣли (точь въ точь какъ у пастушескихъ свирѣлей). Дервиши въ мигъ сбросили съ себя мантіи и остались въ бѣлыхъ длинныхъ юбкахъ со складками и кофтахъ съ длинными и довольно широкими рукавами. Затѣмъ одинъ за другимъ подходятъ къ неподвижно стоящему настоятелю, взаимно раскланиваются и начинается круженіе на пяткахъ. Скоро зала наполнилась вертящимися фигурами. Руки у нихъ вытянуты горизонтально, при чемъ одна рука ладонью обращена вверхъ, а другая внизъ, головы склонились на бокъ, а одежда ихъ поднялась на воздухъ и образовала огромные вертящіеся круги, среди которыхъ блѣдные дервиши кажутся какими-то куклами на пружинахъ. Съ маленькими молитвенными антрактами, которыхъ было три, это бѣснованіе продолжалось полтора часа: въ первый разъ верченіе продолжалось четверть часа, во 2-й—20 мин., въ 3—25, и въ 4-й—30 минутъ. Такимъ образомъ съ каждымъ разомъ верченье усиливалось; музыка, къ которой присоединились и литавры,

и дикое пѣніе, становилась все порывистѣе, а сообразно съ этимъ и дервиши кружились быстрѣе. Что меня въ особенности поразило, такъ это—два мальчика, въ своемъ религіозномъ бѣснованіи далеко превосходящіе своихъ собратій. Послѣ третьяго молитвеннаго антракта нѣкоторые изъ дервишей совершенно изнемогли въ этой пляскѣ и потому не могли принять участія въ послѣдней пляскѣ самой быстрой и бѣшеной, а мальчики, облитые потомъ, какъ мышенята, вертѣлись впереди всѣхъ. Взоръ оставшихся совершенно потупился; они, должно быть, потеряли всякое сознаніе. По окончаніи верченія я сейчасъ же вышелъ, не ожидая конца ихъ молитвы, потому что отъ взгляда на подобное зрѣлище и у меня какъ будто начала вертѣться голова. Непріятное зрѣлище! Много мыслей по этому поводу роилось у меня въ головѣ. Вѣдь все это дѣлается для душеспасенія? Будутъ ли они оправданы предъ Богомъ?

Суббота. 2-е іюля. Любезно распрощавшись съ братьей Пантелеимоновскаго подворья, мы вчера въ пятомъ часу вечера отправились на монастырскомъ каикѣ къ французскому пароходу „Nemans“, отстоящему довольно далеко отъ берега. Съ трудомъ доѣхали мы до него, такъ какъ въ это время дулъ довольно сильный вѣтеръ съ Чернаго моря,—насъ было довольно много, такъ что одному гребцу трудно было грести противъ теченія. Этотъ пароходъ очень большой и хорошо устроенъ; между прочимъ третій классъ помѣщается не на палубѣ, а въ трюмѣ, гдѣ есть маленькіе номера—для трехъ человѣкъ одинъ; палуба же, накрытая тентомъ, служитъ прекраснымъ мѣстомъ для общаго гулянья и вдыханія въ себя свѣжаго воздуха. Пассажировъ на пароходѣ очень много и притомъ различныхъ національностей. Хотя здѣсь было не малое число русскихъ богомольцевъ и другихъ европейцевъ, тѣмъ не менѣе физіономія „Nemans“ была почти совершенно восточная. Европейскій костюмъ терялся на немъ въ пестротѣ азіатской одежды. Въ трюмѣ разостлано было много пестрыхъ ковровъ, и на

нихъ сидѣли турки, кто въ старинныхъ халатахъ и чалмахъ, кто въ казакинахъ и фесахъ, но съ одинаково печальными лицами и тупымъ взглядомъ Греки, въ своихъ развѣвающихся фустанеллахъ, шныряли все взадъ и впередъ, нигдѣ не находя себѣ покоя. Черногорцы и албанцы въ своихъ роскошныхъ костюмахъ вели шумный разговоръ. На верху— на палубѣ подъ тентомъ устроенъ особый шалашъ, гдѣ— какъ въ какомъ нибудь складочномъ мѣстѣ для товару, находится гаремъ нѣсколькихъ турокъ. Его довольно ревниво охраняютъ два турченка. Въ Турціи на всѣхъ пароходахъ есть подобныя отдѣленія для женщинъ. Предъ закатомъ солнца нашъ пароходъ снялся и стрѣлою помчался въ Мраморное море въ виду живописно раскинувшихся константинопольскихъ предмѣстій. Я стоялъ на палубѣ и любовался видами, подобныхъ которымъ трудно подъискать... Вотъ на шпилѣ св. Софіи догораетъ уже послѣдній лучъ солнца. Луна свѣтитъ полнымъ свѣтомъ; свѣтлые лучи ея, отражаясь въ тихихъ водахъ Мраморнаго моря, при фосфорическомъ блескѣ, положительно серебрятъ его. Любуясь такою волшебною ночью, я весь предался созерцанію и уснулъ на палубѣ. Свѣжій утренній вѣтерокъ разбудилъ меня. Съ обѣихъ сторонъ видны берега; за цѣлую ночь мы проплыли Мраморное море и скоро войдемъ въ Дарданеллы.

Утромъ въ 8 часу мы плыли около Галлиполи, важнаго города въ стратегическомъ отношеніи. Это первый турецкій городъ, который я вижу послѣ Константинополя. Съ моря онъ кажется очень живописнымъ. Бѣлые домики плотно тѣснятся на довольно скалистомъ берегу, выступая впередъ верхними этажами; а надъ ними легко взлетаетъ остроконечный минаретъ, посреди такихъ же тонкихъ стрѣльчатыхъ кипарисовъ. Съ этого мѣста собственно начинаются Дарданеллы: по берегамъ выстроены сильныя крѣпости, съ выставленными изъ нихъ громадными дулами пушекъ. Въ 10 часу мы приплыли къ Чинакъ-Кале, который нахо-

дится на европейской и азіатской сторонахъ. Здѣсь видны укрѣпленія, которыми защищается входъ въ Дарданеллы со стороны Архипелага. Пароходъ стоялъ тутъ около двухъ часовъ, выгружаясь и снова нагружаясь. Въ продолженіи этого времени наплыло изъ города множество торговцевъ-турокъ съ различными съѣстными припасами, а также съ различными глиняными сосудами въ восточномъ вкусѣ, очень изящно отдѣланными. Число пассажировъ нѣсколько увеличилось вновь прибывшими богомольцами на Аѳонъ. Они наканунѣ здѣсь высадились изъ парохода, везшаго ихъ изъ Палестины. При этомъ вышелъ съ ними маленькій казусъ, свидѣтельствующій о безконтрольности турецкихъ лодочниковъ и беззащитности русскихъ паломниковъ отъ возможнаго насилія и грабежа. Дѣло вотъ въ чемъ. Богомольцы за извѣстную цѣну сговариваются съ лодочниками, чтобы они доставили ихъ ко времени прибытія парохода. Пароходъ пришелъ. Лодочники подъ различными предлогами затягиваютъ время до тѣхъ поръ, пока не послышится второй свистокъ парохода. Въ это время они только и отплываютъ. Достигнувши середины между берегомъ и пароходомъ, лодочники начинаютъ требовать деньги; богомольцы даютъ, за сколько они условились. Турки не принимаютъ, заламливая цѣну въ четверо большую условленной. Турокъ дѣлаетъ видъ, что поворачиваетъ лодку назадъ къ берегу. А между тѣмъ пароходъ—вотъ-вотъ уйдетъ. Что тутъ дѣлать? Отдаютъ турку требуемое количество денегъ. Сейчасъ лодочники приваливаютъ къ пароходу, на скоро сбрасываютъ пассажировъ, сами ретируются, пароходъ даетъ третій свистокъ... и кончено. Ошеломленные богомольцы взываютъ о помощи, о заступничествѣ... Но напрасно: некому за нихъ заступиться,— приходится помириться съ своею судьбою и отплатить „проклятымъ бусурманамъ“ крѣпкимъ русскимъ словцомъ. Такъ теперь случилось съ пятью богомольцами, которые вмѣсто условленныхъ 50 коп. заплатили каждый по два рубля.

Изъ Чинакъ-Кале мы выѣхали въ часу первомъ. На лѣво потянулся берегъ Троады. Передъ нами была земля, какъ говоритъ Гете, самою природою созданная для славы. Тѣни Ахилла, Патрокла, Гекубы и Андромахи воскресли въ моей памяти. Все здѣсь напоминаетъ о быломъ и воскрешаетъ въ душѣ память о вѣкахъ и событіяхъ давно прошедшихъ, которые „слѣпецъ всевидящій", безсмертный Гомеръ въ своемъ поэтическомъ вдохновеніи воплотилъ въ Иліадѣ. Берега постепенно расширялись и мы входили въ Архипелагъ. Такъ какъ мы ѣхали круговымъ рейсомъ на Аѳонъ, то пароходъ взялъ направленіе на право — по направленію къ берегамъ южной Румеліи. Въ Архипелагѣ море и небо кажутся слишкомъ синими. Само же море такъ прозрачно, что какъ будто снизу оно освѣщено другимъ солнцемъ. Плаваніе по Архипелагу восхитительное, никакая прогулка не можетъ сравниться съ прогулкою по Цикладамъ. Множество острововъ разнообразятъ картину монотоннаго моря. Байронъ называлъ острова Архипелага— драгоцѣннымъ ожерельемъ вѣчно-прекраснаго моря, крестоносцы сравнивали съ разбросаннымъ по водѣ цвѣтникомъ. Я не сходилъ съ палубы и любовался почти чрезъ каждый часъ новою картиною и новымъ видомъ: едва одинъ островъ скрывался, какъ передъ нами являлся новый. Изъ видѣнныхъ мною острововъ Архипелага—по своей величинѣ, по своей живописности замѣчателенъ островъ „Самоѳракій". Нѣсколько времени мы уже плывемъ мимо береговъ южной Румеліи. Подобныхъ живописныхъ мѣстъ я еще не видалъ. Красотѣ ландшафта способствуютъ отроги балканскихъ горъ, круто спускающихся въ море. Вотъ мы плывемъ у залива Еноса, а вдали видно устье Марицы. Въ 8 ч. вечера нашъ пароходъ присталъ къ румелійскому городку—Тидидагачъ. Городокъ—маленькій, но очень живописный, будучи расположенъ у подножія балканскихъ отроговъ.

Воскресенье. 3-е іюля. Воды Архипелага. Я проснулся въ 6 часовъ утра. Меня разбудилъ неумолкаемый скрипъ

„лебедки“ (элеваторъ—блокъ), нагружающей въ люкъ нашего парохода множество бочекъ, чѣмъ-то наполненныхъ, и досокъ. Нашъ пароходъ стоялъ около города южной Румеліи—Карагача. Этотъ городъ едва замѣтенъ въ бинокль. Судя по значительной выгрузкѣ и нагрузкѣ парохода и по той оживленности, которая замѣтна была, не смотря на раннее утро, городъ этотъ, должно быть, одинъ изъ важныхъ торговыхъ пунктовъ.—Дальнѣйшее плаваніе по Архипелагу было тоже очень пріятное. Южно-румелійскіе берега чѣмъ южнѣе, тѣмъ скалистѣе; въ иныхъ мѣстахъ отроги балкановъ круто спускаются въ море и производятъ величественное, но вмѣстѣ и какое-то грустное впечатлѣніе; въ иныхъ мѣстахъ тянутся по берегу обширные зеленые луга, окаймляющіеся величественными горами, а съ другой стороны они оттѣняютъ песчанный берегъ Архипелага, служа какъ бы рамою его. Съ одной стороны видны живописные румелійскіе берега съ ихъ возвышенными горами, прекрасными лугами, въ которыхъ мирно ютятся греческія, болгарскія или турецкія деревушки, а съ другой стороны то и дѣло появляются новые острова. Изъ видѣнныхъ мною сегодня острововъ самымъ живописнымъ является островъ „Тассо“. Онъ слишкомъ гористъ, горы, начинаясь съ восточной стороны, постепенно террасообразно возвышаются къ западу и достигаютъ значительной вышины. Напротивъ Тассо—немного къ западу—находится турецкій городъ и вмѣстѣ крѣпость „Кавала“. Кавала—городокъ издали очень красивый, но въ серединѣ—по разсказамъ очень грязный. Окрестности его совершенно пустынны, не видно зелени никакой—только камень; оттого жители здѣсь очень бѣдны. Кругомъ города раскинуто очень много шалашей, гдѣ бѣдняки проводятъ лѣто и зиму. Около четырехъ часовъ нашъ пароходъ простоялъ въ Кавалѣ. Въ пятомъ часу пароходъ снялся, и мы подъ прямымъ угломъ понеслись отъ Кавалы къ Аѳону, любуясь на живописно раскинувшіеся, по правую сторону парохода, острова Тассо, а тамъ, въ туман-

ной дали, фантастически рисуются силуэты св. Аѳонской горы—цѣли нашего путешествія. Но вотъ мало-по-малу гора дѣлается яснѣе. Солнце заходитъ, скрывается за нею и золотитъ вершину ея. Чрезъ полъ-часа, много чрезъ часъ мы будемъ у цѣли—на горѣ Святой. Больше не могу писать. Иду на палубу любоваться красотами Аѳона при свѣтѣ заходящаго солнца... Здѣсь я засталъ всѣхъ богомольцевъ, со смиреніемъ и съ глубокимъ умиленіемъ смотрящихъ на св. Аѳонъ... 8 ч. вечера.

Св. Аѳонъ. Руссикъ. 4-е іюля. Понедѣльникъ. Не такъ скоро, какъ казалось, доѣхали мы до Аѳонской горы. Казалось,—вотъ, вотъ мы у цѣли, а между тѣмъ мы плыли еще часа три, покамѣстъ нашъ пароходъ поравнялся съ южною частью Аѳонской горы; а затѣмъ около часа плыли мы, обогнувши южную часть горы и вступивши въ Аѳонскій заливъ Монте-Санто, гдѣ собственно и находится Пантелеимоновскій монастырь. Все это время я, присоединившись къ богомольцамъ, стоялъ на палубѣ, любуясь на все постепенно приближающуюся гору, окутанную теперь какъ бы легкимъ покровомъ, прозрачнымъ туманомъ. Луна свѣтитъ полнымъ свѣтомъ и придаетъ горѣ положительно фантастическій видъ. Многіе изъ богомольцевъ, одушевляемые религіознымъ чувствомъ и благодарностью за то, что удостоились узрѣть св. Аѳонскую гору, изливали слезы, осѣняли себя крестнымъ знаменіемъ и били поклоны. Вотъ мы у юго-восточной части горы; скалистые утесы, лишенные всякой растительности и земли, круто нависли надъ моремъ и вотъ-вотъ, ожидая лишь малѣйшаго толчка—готовы низринуться въ море. Издали еще замѣтны на горѣ свѣтящіяся точки. Это кельи спасающихся иноковъ въ ущельяхъ скалъ, или въ чащѣ лѣса. Съ приближеніемъ къ св. горѣ число такихъ точекъ увеличивается: какъ звѣздами покрыта гора кельями, въ которыхъ какъ свѣтила подвизаются иноки, пренебрегши всѣмъ земнымъ ради вѣчнаго спасенія. Пароходъ нашъ не присталъ къ берегу, а остановился на

нѣкоторомъ разстояніи отъ него въ виду Пантелеимоновскаго монастыря, который замѣтенъ былъ теперь по довольно большому числу свѣтящихся точекъ. Обыкновенно на Аѳонъ ходятъ турецкіе пароходы—разъ въ двѣ недѣли и привозятъ богомольцевъ; но иногда для конкурренціи ходитъ и французскій чрезъ недѣлю послѣ турецкаго. Къ прибытію парохода изъ монастырей или скитовъ высылаются лодки, а иногда и мулы для перевоза богомольцевъ въ монастыри; а Пантелеимоновскій монастырь, куда наиболѣе стекаются богомольцы, обзавелся для этой цѣли паровымъ катеромъ. Но такъ какъ нашъ пароходъ не былъ срочнымъ пароходомъ, а изъ Константинополя никто не извѣстилъ телеграммою настоятеля монастыря объ отправленіи парохода съ богомольцами, то вслѣдствіе этого не было сдѣлано никакихъ распоряженій относительно встрѣчи богомольцевъ. На троекратный свистъ парохода чрезъ четверть часа приплыли лодки Андреевскаго и Ильинскаго скитовъ. На этихъ лодкахъ мы и поѣхали къ главной пристани Аѳонской горы—*Дафна*. (Въ языческія времена на этомъ мѣстѣ было селеніе и чтилище богини Дафны,—какое названіе сохранилось и до сихъ поръ). Только что мы высадились на берегъ, какъ за нами приплыла лодка изъ Пантелеимонова монастыря. Мы усѣлись и наша лодка, везомая тремя опытными болгарами—гребцами, быстро понеслась къ Руссику. Разстояніе отъ Дафны до Руссика на лодкѣ $^3/_4$ часа ѣзды, сухопутью же—1 часъ ходу. Луна зашла за горы, все поверглось въ ночную темень, кругомъ—тишина; море тихо; слышно только плесканіе вѣчно ударяющихся волнъ о скалистый берегъ, да равномѣрные взмахи веслами гребцовъ. Насъ было на лодкѣ человѣкъ 20. Между нами былъ и профессоръ С.-Петербургскаго Университета А. Цугарелли, командированный, между прочимъ, на Аѳонъ для разслѣдованія тяжбы между греками и грузинами относительно права на владѣніе Иверскимъ монастыремъ по документамъ, хранящимся въ библіотекѣ Иверскаго монастыря. Онъ долгое

время пробылъ въ Палестинѣ и въ особенности на Синаѣ, гдѣ нашелъ очень много интересныхъ грузинскихъ рукописей. Онъ дѣлился съ нами кое-какими впечатлѣніями изъ своего недавняго путешествія. Между прочимъ онъ разсказывалъ, какъ диво, что недавно у береговъ Александріи выброшенъ былъ замѣчательно большой китъ. Удивительно, какимъ образомъ онъ попалъ сюда, такъ какъ киты вообще въ южныхъ моряхъ не водятся. При этомъ замѣчательно совпаденіе: китъ выброшенъ не вдали отъ того мѣста, гдѣ Іона былъ поглощенъ китомъ и выброшенъ.—Какъ разъ во время приближенія нашего къ пристани, послышался звонъ въ монастырѣ къ заутрени. Наконецъ, пристали. На берегу уже было нѣсколько монаховъ для встрѣчи насъ и оказанія намъ услугъ, необходимыхъ въ данномъ случаѣ. Встрѣча бѣла очень радушная; посыпались извиненія, что по невѣдѣнію о прибытіи парохода не выслали на встрѣчу катера. Между иноками, вышедшими для встрѣчи насъ, было двѣ-три красныхъ фески. Это—турецкіе чиновники, на обязанности которыхъ лежитъ слѣдить за богомольцами,—не привозятъ ли они подъ видомъ богомолья пороха, динамита, ружей... Вещи мы оставили здѣсь на пристани, быть можетъ и для поверхностнаго осмотра ихъ турецкими надсмотрщиками, а насъ услужливые иноки повели куда-то вверхъ; ничего не могъ я замѣтить теперь въ ночной темнотѣ; знаю только, что мы все поднимались на гору между какими-то высокими зданіями, проходя по аллеямъ, обсаженнымъ роскошными олеандрами, красные цвѣты которыхъ при тускломъ мерцаніи фонаря казались поблѣднѣвшими. Намъ троимъ—мнѣ, Ч-му и его маленькому брату, дали на четвертомъ этажѣ приличный номерокъ съ видомъ на море. Пришедши въ номеръ, сейчасъ же уснули, даже не раздѣвшись, не смотря на просьбы иноковъ напиться чайку, кофейку или мастички,—такъ были утомлены.

Сегодня всталъ я въ 6-ть часовъ утра, и моимъ глазамъ изъ окна предстала прекрасная картина: прямо—ти-

хія воды Монте-Санто, освѣщаемыя солнцемъ, только что выглянувшимъ изъ-за высокихъ аѳонскихъ горъ, по правую сторону гористый выступъ балканскаго полуострова—*Сикия* или Лонгосъ—окутанный синимъ покровомъ; по лѣвую сторону виднѣется юго-восточная часть Аѳонскаго мыса, покрытая южными кустарниковыми растеньями, а также виденъ пикъ самой Аѳонской горы; внизу весь монастырь съ его церквами, со всѣми постройками—кельями, гостинными, мастерскими... Словомъ, монастырь по своему мѣстоположенію представляетъ одно изъ живописнѣйшихъ мѣстъ; по крайней мѣрѣ онъ такъ мнѣ представился теперь изъ моего окна.

Сегодня мы представлялись игумену монастыря отцу архимандриту Макарію. Личность о. Макарія весьма симпатична. О. Макарій принялъ насъ очень любезно, распрашивалъ о томъ, благополучно ли совершилось наше путешествіе, о Россіи, о Кіевѣ, объ Академіи, о Терновскомъ, съ которымъ онъ лично знакомъ. Въ это время привесли намъ на подносѣ гляко (желе) съ холодною водою и по рюмочкѣ мастики, за тѣмъ кофе. О. Макарій—изъ рода богатыхъ тульскихъ купцовъ Суткиныхъ. Разсказываютъ, что давно еще, лѣтъ тридцать назадъ—онъ пріѣхалъ на Аѳонъ, на поклоненіе. Здѣсь онъ сильно заболѣлъ, такъ что не оставалось почти никакой надежды на выздоровленіе. На Аѳонѣ между прочимъ существуетъ обычай, чтобы больныхъ, не подающихъ надежды на выздоровленіе, причислять къ „ангельскому чину", т. е. постричь въ монахи и при томъ въ схиму. Больной, конечно, питающій надежду на выздоровленіе и не имѣвшій въ виду постригаться, долго не рѣшается, но наконецъ, чуя неминуемое приближеніе смерти, онъ впадаетъ въ уныніе и самъ уже, какъ милости, проситъ постриженія въ той мысли, что смерть въ чинѣ ангельскомъ пріятнѣе всего Богу. Молодой купеческій сынъ—теперешній игуменъ—чуя приближеніе смерти, проситъ себѣ у игумена и духовника постриженія. Послѣ долгихъ колебаній его прямо постригаютъ въ великую схиму и отпѣваютъ заживо

въ той, конечно, увѣренности, что онъ непремѣнно умретъ. Между тѣмъ онъ ожилъ и выздоровѣлъ, и остался въ монашествѣ, отказавшись на всегда отъ родины, отъ родныхъ, отъ мірскихъ увеселеній. Своими неусыпными аскетическими подвигами и трудами, а также обильными пожертвованіями въ пользу обители онъ обратилъ на себя вниманіе всѣхъ, такъ что послѣ игумена Герасима ему вручено было братіею игуменство...

По выходѣ отъ о. игумена, мы, въ сопровожденіи инока, получившаго благословеніе сопровождать насъ, пошли разсматривать монастырь. Дѣйствительно, живописное положеніе монастыря, можно сказать, не оставляетъ желать ничего лучшаго. Онъ расположенъ на прибрежьи юго-восточнаго склона св. горы. Къ югу мѣстность эта восхитительна холмами, которые покрыты виноградниками, лавровымъ и кошарневымъ (ложечнымъ) деревомъ; прямо предъ нами разстилается безбрежная даль Архипелага; на западъ упираются въ небо, своимъ массивнымъ хребтомъ, Олимпійскія горы, а на сѣверъ, отъ самаго монастыря круто подымаются скалы холмовъ и горъ, составляющихъ собою исполинскіе уступы Аѳона. — Монастырь имѣетъ видъ правильнаго четыреугольника. Онъ представляетъ изъ себя спускающуюся по косогору массу зданій разныхъ размѣровъ, разныхъ плановъ, разныхъ архитектурныхъ стилей. Онъ обнесенъ высокими корпусами въ пять и шесть этажей. Какъ видно, эти корпуса не ветхіе, не слишкомъ давно построенные (на одномъ изъ нихъ есть годъ постройки—1866 г.); и теперь еще строится корпусъ. Почти въ серединѣ монастыря красуется семикупольный соборъ во имя св. великомученика Пантелеимона, довольно обширный, съ тремя выступами алтаря, двумя по бокамъ для клиросовъ и свѣтлою галлереею со входа. По срединѣ соборъ перегороженъ поперечною стѣною съ небольшою дверью, ведущею въ другую половину собора. Изъ большаго главнаго купола спускается на восьми мѣдныхъ цѣпяхъ великое поликандило

или *хоръ*. Иконостасъ очень изящный,—деревянный, но сплошь вызолоченный. Онъ, говорятъ, присланъ изъ Россіи. Изъ иконъ великолѣпнѣе всѣхъ украшена икона св. Пантелеимона. На сѣверо-востокъ отъ соборной церкви возвышается церковь во имя святителя Митрофана. Она стоитъ на довольно большомъ возвышеніи сравнительно съ соборомъ, такъ что къ ней нужно взбираться по лѣстницѣ. Она, какъ видно изъ надписанія, освящена 23 ноября 1846 г. во имя св. Митрофана, 1-го епископа воронежскаго. Эта церковь первоначально предназначалась быть соборною церковью для русскаго братства; но она съ увеличеніемъ числа братіи оказалась малою, а потому выстроена другая соборная церковь во имя Покрова Божіей Матери. Она помѣщается въ третьемъ ярусѣ русскаго корпуса, прилегающаго къ церкви св. Митрофана. По формѣ своей она представляетъ смѣсь базилики съ византійскимъ стилемъ: сначала отъ входа она имѣетъ форму базилики и раздѣляется двумя рядами колоннъ по три отдѣла или корабля, а далѣе она превращается въ византійскій храмъ съ куполомъ. Я первый разъ здѣсь увидалъ подобное смѣшеніе двухъ формъ храма. Храмъ вообще очень свѣтелъ, обширенъ и удобенъ. Кромѣ этихъ главныхъ храмовъ есть еще здѣсь около 12, такъ называемыхъ, параклисовъ въ честь разныхъ святыхъ. Довольно долго мы прохаживались по аллеямъ, усыпаннымъ мѣстнымъ твердымъ камнемъ и обсаженнымъ роскошными олеандрами съ роскошно распустившимися на нихъ букетами.

Въ 9 часу вечера пошли мы къ морю покупаться. Вечеръ стоялъ чудесный; вечерняя заря тускнѣла на западѣ; изъ-за горъ Аѳона скромно въ небо выплыла луна и облила своимъ кроткимъ, мягкимъ свѣтомъ и небо и землю. Гора приняла положительно фантастическій видъ; море, освѣщаемое лунными лучами, представляло блестящую зеркальную поверхность, не волнуемую никакимъ движеніемъ вѣтра; только слышно было маленькое и рѣдкое плесканіе на бе-

регу. Мнѣ раньше говорили, что при самой тихой погодѣ на берегу моря всегда бываетъ слышенъ плескъ и какой-то гулъ, или шумъ. Теперь я это провѣрилъ и дѣйствительно услыхалъ какой-то неопредѣленный гулъ, какой-то таинственный шумъ,—таинственный въ особенности при такой обстановкѣ, въ какой мы теперь находились—вблизи святой обители, гдѣ звонили ко всенощному бдѣнію по случаю праздника въ честь аѳонскаго святителя Аѳанасія. Невольно объятъ я былъ благоговѣйнымъ настроеніемъ въ виду такой св. тишины, которую не нарушаетъ никакая мірская забота.

Покупавшись и насладившись природою, мы пришли въ свою келью. Чрезъ нѣсколько минутъ постучался въ дверь нашей кельи нашъ проводникъ съ обычною при этомъ молитвою: „Молитвами св. отецъ нашихъ Господи Іисусе Христе, Боже нашъ, помилуй насъ". „Аминь", отвѣтили мы, и онъ вошелъ, перекрестился три раза и пригласилъ насъ на бдѣніе, которое совершается теперь по случаю завтрашняго праздника въ честь св. Аѳанасія Аѳонскаго, высокочтимаго на всемъ Аѳонѣ. Мы пошли въ соборную церковь св. Пантелеймона, гдѣ совершалось богослуженіе на греческомъ языкѣ. Когда мы вошли въ соборъ, то въ это время началось освѣщеніе церкви въ разныхъ мѣстахъ и на разныхъ высотахъ лампадами и свѣчами. Для большей торжественности и освѣщенія зажженъ былъ и хоръ, приведенный въ круговое движеніе. Всѣ эти приготовленія дѣлались для торжественнаго совершенія малаго входа. Вскорѣ начался и входъ, который совершенъ былъ съ большою торжественностью. Въ немъ участвовало 24 священника во главѣ съ Амфилохіемъ, епископомъ патмосскимъ. Чудное и умилительное торжество! Но великимъ диссонансомъ въ этомъ торжествѣ было пѣніе греческое. Для человѣка, имѣющаго хоть сколько нибудь музыкальное ухо, это пѣніе невыносимо; потомъ я нѣсколько привыкъ къ нему, но оно не производило на меня ни малѣйшаго дѣйствія. Это не голосовое пѣніе, а носовое; греческій псалтъ ad libitum выводитъ какія-то завыванья, а остальные аккомпанируютъ

сму, гнуся при этомъ. Но что главное, сколько я ни силился, не могъ понять почти ни одного слова изъ ихъ пѣнія. Это объясняется тѣмъ, что греки любятъ въ пѣніи употреблять, такъ называемыя *кратимата*. Кратимата—это ни что иное, какъ дополненія къ каждому слогу слова, или такъ называемыя въ нотныхъ книгахъ древней русской церкви *попѣвки*. Эти кратимата состоятъ изъ какихъ нибудь слоговъ; чаще всего мнѣ приходилось слышать кратимата изъ слоговъ: не-не-не... и рай, рай, рай... Это совершенно не соотвѣтствуетъ цѣли пѣнія вообще, а церковнаго въ особенности, которое должно быть разумно и удобопонятно, для чего правильное произношеніе словъ является однимъ изъ необходимѣйшихъ условій. Слушая подобное пѣніе и не находя въ немъ положительно никакого сладкозвучія и умиленія, я спрашивалъ самого себя: гдѣ то сладкозвучіе въ пѣніи, которое восхитило пословъ Владиміровыхъ въ Софіи во время богослуженія?. Надо полагать, что дѣйствительно когда-то существовало сладкозвучное пѣніе въ Греціи, но затѣмъ, вслѣдствіе тяжелыхъ историческихъ обстоятельствъ, это сладкозвучное пѣніе утратилось.

По возвращеніи священниковъ въ алтарь, вечерня продолжалась обычнымъ порядкомъ съ однимъ череднымъ священникомъ. Греческое чтеніе мнѣ очень понравилось: чтеніе было громкое, ясное, вразумительное. Мы вышли изъ церкви, когда начались послѣ просительной эктеньи стихиры на стиховнѣхъ. Стихиры обыкновенно поются, такъ называемымъ у грековъ, способомъ Ακοξαντόρια, т. е. повторяются слова изъ извѣстной стихиры или псалма, предварительно прочитанныя канонархомъ. Было около 11 часовъ, когда мы вышли, такъ какъ утомились, давши себѣ слово когда нибудь простоять до конца на Аѳонскомъ всенощномъ бдѣніи. А Аѳонское всенощное бдѣніе представляетъ нѣчто особенное: оно продолжается около 14 часовъ. Начинается оно около 6 часовъ вечера и продолжается чрезъ всю ночь до 6 часовъ утра, а за тѣмъ бываетъ литургія, которая продолжается около 2-хъ часовъ, такъ что

вся служба вообще продолжается 14 часовъ. Боже мой, какъ это трудно. Я видѣлъ иноковъ съ отекшими ногами; ноги положительно представляли одну сплошную массу мяса. Мнѣ иноки разсказывали, что сначала отъ непривычки послѣ такихъ бдѣній бываютъ обмороки, столбняки, ноги становятся какъ колоды, отекаютъ, многіе страдаютъ грыжею... Всенощное бдѣніе шло въ это время также въ церкви Покрова Божіей Матери, но мы не пошли туда, такъ какъ усталость дорожная еще сильно давала себя чувствовать.

Св. Аѳонъ. Воскресенье. 5-е іюля. Пантелеймоновскій монастырь. Сегодня мы были на торжественномъ богослуженіи въ русской соборной церкви во имя Покрова Божіей Матери, гдѣ въ сослуженіи многихъ иноковъ и игумена о. Макарія служилъ патмосскій епископъ Амфилохій, бывшій до епископства въ числѣ братія этого монастыря. Служеніе было дѣйствительно торжественное и по своей благоговѣйности производило сильное впечатлѣніе на всѣхъ молящихся. Мнѣ, какъ пѣвчему и любителю пѣнія, интересно было послушать пѣніе русскихъ иноковъ. Пѣло два хора или одинъ хоръ, раздѣленный на два клироса. Пѣніе на меня не произвело особеннаго впечатлѣнія,—я бо́льшаго ожидалъ. Правый хоръ поетъ еще довольно хорошо, но лѣвый—нельзя похвалить; отсутствіе или недостатокъ первыхъ голосовъ (высокихъ теноровъ) какъ въ томъ, такъ и другомъ хорѣ даетъ себя замѣтно чувствовать, что отражается на общемъ характерѣ пѣнія; басы хороши—въ особенности баритоны,—но злоупотребляютъ своимъ превосходствомъ, такъ что заглушаютъ другіе голоса. Отсюда отсутствіе въ пѣніи мелодичности и мягкости. Это можно было бы устранить, если бы среди нихъ былъ человѣкъ, понимающій искусство пѣнія. Регентъ у нихъ изъ монаховъ самоучка, не много понимающій въ пѣніи. Мнѣ говорили, что у нихъ есть регентъ, хорошо понимающій дѣло, о. Григорій; но онъ живетъ вдали отъ монастыря въ кельѣ и только рѣдко посѣщаетъ Руссикъ, преимущественно въ большіе празд-

вики и беретъ управленіе хоромъ, который поетъ тогда несравненно лучше, чѣмъ теперь. Я ожидалъ встрѣтить здѣсь какіе нибудь старинные напѣвы, исключительно самобытные Аѳонскіе, какъ напр. кіевскій напѣвъ; но ошибся. На литургіи, по крайней мѣрѣ, теперь я услышалъ только „Тебе поемъ", которое по своему напѣву представляетъ нѣчто особенное и, кажется, самобытное произведеніе Аѳона, а что касается херувимской пѣсни, „Милость мира", „Достойно есть"... то все *партесное,* нотное. Меня удивило и мнѣ показалось страннымъ то, что здѣсь большинство елееле разбираетъ ноты, а между тѣмъ берутся за исполненіе нотныхъ произведеній Бортнянскаго, для чего требуется, помимо знанія нотъ, еще умѣнье понимать это произведеніе, чтобы выполнить его болѣе или менѣе удовлетворительно. Херувимскую пѣснь пѣли 4 № (c-dur) Бортнянскаго; исполненіе было очень не удовлетворительное: безъ всякихъ оттѣнковъ forte и piano, а главное такимъ быстрымъ темпомъ, что діаконъ во время пѣнія херувимской не успѣлъ совершить обычнаго при этомъ кажденія, пѣвчіе должны были повторить ее, но при повтореніи, къ моему удивленію, они начали уже другой № херувимской пѣсни и другаго композитора. „Милость мира" пѣли сочиненія свящ. Виноградова и притомъ очень хорошо. Впрочемъ, говоря, что здѣсь нѣтъ особенныхъ напѣвовъ, я долженъ оговориться: они есть, должно быть, но сегодня ради большаго праздника или почему либо другому захотѣлось спѣть повычурнѣе что нибудь, *партесное*; а съ другой стороны особенные напѣвы скорѣе можно услышать на всенощномъ бдѣніи въ особенномъ пѣніи гласовъ и стихиръ осмогласника. Я имѣю основаніе такъ думать, потому что напѣвъ стихиръ „на блаженныхъ", пѣтыхъ на 4-й гласъ, былъ какой-то особенный, не слыханный мною доселѣ нигдѣ. Напѣвъ этотъ очень мелодичный и производитъ особенное впечатлѣніе мольнымъ ниспаденіемъ голосовъ на третьемъ колѣнѣ. Особеннымъ напѣвомъ, полагаю, отличаются и всѣ гласы. Въ общемъ пѣніе хорошее,—въ особенности, если сравнить

его съ греческимъ. Нужно при этомъ принять во вниманіе, что хоръ почти никогда не поетъ въ своемъ полномъ составѣ, такъ какъ за разъ идетъ богослуженіе въ нѣсколькихъ церквахъ, и хоръ раздѣляется, а съ другой стороны нужно принять во вниманіе и то, что голоса здѣсь никогда не имѣютъ отдыха, а постоянно и почти цѣлый день въ дѣйствіи. Неудивительно, поэтому, если замѣчается усталость голосовъ, въ особенности первыхъ.

По окончаніи литургіи, почетные гости—богомольцы, въ томъ числѣ и мы, были приглашены въ главный архондарикъ (гостинную), гдѣ о. Макарій благословилъ насъ просфорою и намъ предложено было по чашкѣ чаю и кофе. Затѣмъ, чтобы ознакомиться съ нѣкоторыми порядками монастырской жизни, мы приглашены были откушать въ общую трапезу. Намъ указано было мѣсто на первомъ мѣстѣ и мы сѣли. Отца игумена еще не было; всѣ монахи, числомъ около 400, безмолвно сидѣли, съ сложенными на груди крестообразно руками, каждый на своемъ мѣстѣ, ожидая прибытія игумена. Какое-то особенное впечатлѣніе произвела на меня эта общая трапеза, напоминавшая мнѣ первобытныя времена христіанства, когда все было общее и всѣ въ единомысліи принимали участіе въ преломленіи хлѣба. Но вотъ послышался звонъ, изъ церкви выходитъ и направляется въ трапезу о. Макарій въ мантіи, сопровождаемый старшею братіею и экклесіархами, несущими подсвѣчники, и при пѣніи тропаря святому. Всѣ встали и сотни черныхъ клобуковъ всполошились. Настоятель благословилъ всѣхъ, сѣлъ на первое мѣсто и всѣ начали вкушать предложенное; въ это же время взошелъ на каѳедру очередный инокъ и началъ читать житіе св. Аѳанасія. Такъ какъ мнѣ не хотѣлось ѣсть вообще, а поставленныя блюда не могли возбудить аппетита, то я весь предался слушанію житія св. Аѳанасія. И прекрасно сдѣлалъ, потому что я познакомился съ житіемъ одного изъ столбовъ и первосвятителей аѳонскихъ и первымъ основателемъ на Аѳонѣ одного изъ труднѣйшихъ родовъ монашеской жизни и вмѣстѣ са-

маго спасительнаго — общежительнаго или киновитскаго. Св. Аѳанасій, жившій въ десятомъ вѣкѣ, былъ человѣкъ дѣйствительно замѣчательный, какъ это видно изъ его житія. Будучи знатнаго происхожденія, онъ получилъ блистательное образованіе въ училищахъ константинопольскихъ и самъ потомъ проходилъ въ нихъ должность наставника съ такимъ отличіемъ, что сдѣлался извѣстнымъ императору. Но, избѣгая мірскихъ почестей и будучи склоненъ къ иночеству, онъ удалился сначала въ кименскую обитель къ препод. Михаилу Малеину, отъ руки котораго и принялъ постриженіе, а затѣмъ, не желая быть преемникомъ преподобнаго въ игуменствѣ, онъ тайно удалился на Аѳонъ подъ именемъ неграмотнаго Варнавы. Но здѣсь онъ скоро былъ узнанъ. Любя безмолвіе и убѣгая славы человѣческой, св. Аѳанасій отошелъ въ пустыню, на самый край дикой горы, далеко отъ жилищъ другихъ отшельниковъ, и, построивъ тамъ себѣ кущу на лѣсистомъ холмѣ, подвизался въ безмолвіи. Быстро распространилась молва о такомъ знаменитомъ подвижникѣ. Узналъ о немъ и бывшій его другъ, а теперь императоръ Никифоръ Фока, который прислалъ сокровища св. Аѳанасію и умолялъ его устроить кельи на Аѳонѣ, для совмѣстнаго ихъ жительства. Долго не соглашался св. Аѳанасій оставить свое уединеніе, но, наконецъ, уступая просьбамъ своего именитаго друга, онъ построилъ для него сперва монашескую келью, съ небольшимъ храмомъ во имя св. Предтечи, потомъ началъ строить у подножія горы большую церковь въ честь Благовѣщенія Пресв. Богородицы. Вмѣстѣ съ церковью онъ построилъ много келлій для собиравшагося вокругъ него братства, также трапезу, больницу, страннопріимницу и все, что нужно для жизни монастырской. Когда всѣ зданія были окончены, препод. Аѳанасій учредилъ общежительный монастырь, по подобію древнѣйшихъ палестинскихъ общежитій. Уставъ житія иноческаго взялъ онъ изъ палестинской лавры Саввы Освященнаго. Такимъ образомъ, явилась на Аѳонѣ

впервые иноческая община, или въ собственномъ смыслѣ монастырь общежительный. Это было нововведеніемъ на Аѳонѣ и потому на Аѳанасія вознегодовала вся св. гора, видя въ немъ раззорителя древнихъ уставовъ пустынныхъ, древняго житія безмолвнаго. Поэтому, недовольные старцы послали въ Царьградъ прота своего, просить государя— Іоанна Цимисхія, преемника Никифора, чтобы удаленъ былъ съ горы аѳонской нововводитель и разрушены были всѣ заведенія его для общественнаго хозяйства. Императоръ вызвалъ обвиняемаго къ себѣ и сильно возлюбилъ его. Вскорѣ за этимъ, съ согласія успокоенныхъ аѳонцевъ и по побужденію императора, былъ написанъ новый уставъ (Τυπικόν), для руководства, въ будущемъ, всей горы аѳонской, киновій ея и отдѣльно живущихъ отшельниковъ. Съ этихъ поръ (972 г.) лавра св. Аѳанасія начала процвѣтать. Слава о великомъ основателѣ ея и о заведенномъ имъ на Аѳонѣ общежитіи распространилась далеко, не только въ царствѣ греческомъ, но и за предѣлами его. Къ нему стеклось болѣе 3000 учениковъ, изъ разныхъ странъ, даже изъ отдаленныхъ Грузіи и Арменіи, и ученики эти были различнаго званія и сана; даже настоятели монастырей оставляли свое начальство и поступали подъ руководство св. Аѳанасія. Св. Аѳанасій мученически погибъ подъ развалинами новоустрояемаго имъ храма во время осмотра за постройкою его. Дѣло св. Аѳанасія не погибло и общежительный образъ монашеской жизни въ особенности привился на Аѳонѣ и составляетъ самый высшій образъ ея. Пантелеимоновскій монастырь — тоже киновія. Такимъ образомъ, сидя въ трапезѣ, я насладился, если не вещественною, то духовною пищею, ознакомившись по житію св. Аѳанасія съ исторіею возникновенія киновіи на Аѳонѣ.

Наконецъ по удару колокольчика всѣ встали и началось торжественное и громогласное пѣніе: „Достойно есть". Всѣ умѣющіе пѣть принимали участіе въ пѣніи, такъ что выходило дѣйствительно величественно. Само по себѣ „До-

стойно есть“ прекраснаго напѣва; подобнаго напѣва я нигдѣ не слыхалъ и, кажется, нигдѣ больше не услышу, такъ какъ оно самобытное аѳонское произведеніе. Впродолженіи пѣнія разносятъ по всей братіи просфору, такъ называемую панагію—въ честь Богоматери, которая предварительно разламывается на нѣсколько частей. Отъ этихъ частей, разносимыхъ экклесіархами, отламываются затѣмъ каждымъ инокомъ частицы и съѣдаются, но напередъ ихъ держатъ нѣсколько надъ кадильницею. Затѣмъ, при выходѣ по лѣвой сторонѣ становится игуменъ, а по другую сторону лежатъ ницъ на полу три лица: поваръ, трапезарь и чтецъ, прося извиненія за какую нибудь оплошность. Но это еще не все: всѣ идутъ еще въ церковь, гдѣ бываетъ краткое моленіе о живыхъ и умершихъ и многолѣтіе русскому царю и патріарху; и этимъ заканчивается вся церемонія обѣда.

Сегодняшняя трапеза состояла изъ трехъ блюдъ, сразу поданныхъ, а потому и холодныхъ: борща съ различною зеленью, соуса изъ соленой рыбы и кусочка сыру; причемъ предъ каждымъ стоитъ красовуля винограднаго вина. Подобная роскошь допускается только въ праздничные дни; а въ будни трапеза большею частью состоитъ изъ растительной пищи, приготовленной на постномъ маслѣ, да „масличекъ“, которыя растутъ въ большомъ изобиліи на Аѳонѣ, и къ которымъ очень пристрастны монахи. Въ понедѣльникъ, среду и пятницу трапеза бываетъ только разъ въ сутки, да и то безъ масла. Я сегодня въ общей трапезѣ ни до чего не дотронулся, предварительно разстроивши себѣ желудокъ. Намъ нѣсколькимъ—въ числѣ 8 человѣкъ—даютъ отдѣльный столъ, а не въ общей трапезѣ. Понятно, что здѣсь, снисходя къ нашей немощи, даютъ нѣсколько лучшій столъ, хотя тоже преимуществуетъ растительная пища. Приборъ столовый почти всегда бываетъ на перемѣнъ шесть; думаешь себѣ сначала, вотъ будетъ обѣдъ! Дѣйствительно шесть перемѣнъ, но только: маслины—блюдо, огурцы, картофель, какое-то турецкое просо, борщъ съ

какою то растительностью, да рыбныя котлеты. Послѣ обѣда я пошелъ прогуляться по монастырскому подворью и ближайшимъ окрестностямъ монастыря. Прогуливаясь, я встрѣтился съ знакомымъ монахомъ, который, на желаніе мое показать мнѣ что нибудь интересное, повелъ меня въ усыпальницу монастырскую. Въ этой усыпальницѣ находится множество череповъ, симметрично расположенныхъ на полкахъ, а также множество костей въ большихъ ящикахъ. Здѣсь на Аѳонѣ изстари ведется обычай черезъ три года раскапывать могилу умершаго инока и убирать черепъ его и кости въ общую усыпальницу, а въ опроставшіяся могилы кладутъ новыхъ покойниковъ. Оттуда я пошелъ прогуливаться по тѣнистымъ олеандровымъ и масличнымъ аллеямъ. Незамѣтно зашелъ я довольно далеко отъ монастыря—къ огородамъ монастырскимъ. Огороды монастырскіе представляютъ изъ себя нѣчто замѣчательное по обработкѣ; во всемъ видна искусная рука огородника. Изъ разспросовъ я узналъ, что монахъ, завѣдующій огородами, въ мірѣ былъ огородникомъ и здѣсь же получилъ такое послушаніе. Въ монастырѣ вообще дается каждому послушаніе, сообразное съ его способностями. На огородахъ здѣсь въ большомъ изобиліи растутъ: огурцы, арбузы, перецъ, баклажаны синіе и красные, фасоль, картофель, турецкое просо. По прекраснымъ аллеямъ огорода въ это время расхаживали иноки, иные попарно, но большею частью въ одиночку послѣ вечерни, въ ожиданіи повечерія. Встрѣчаясь они, не подымая глазъ, только говорили кланяясь: „благословите“. Это обычное привѣтствіе на Аѳонѣ. Лица всѣхъ иноковъ смиренныя и сосредоточенныя..., всѣ о чемъ-то думаютъ... Но въ разговорахъ очень ласковы и предупредительны. Здѣсь я познакомился съ нѣкоторыми иноками, которые и сопровождали меня назадъ въ монастырь. Мы шли по берегу моря. Въ это время море было слишкомъ грозное: большія волны съ дикимъ ревомъ ударялись о монастырскій берегъ, такъ что насъ достигали брызги. Немного раньше—часа три назадъ—оно было спо-

койно; но вдругъ поднялся шквалъ и забушевало море, такъ что переворотило даже одно монастырское судно, на которомъ были вещи преосвященнаго Амфилохія, отправлявшаго ихъ на островъ Патмосъ—въ свою епархію, куда и онъ вскорѣ имѣлъ прибыть. Налюбовавшись картиною разсвирѣпѣвшаго моря и немного успокоившись, я съ сопровождавшими меня иноками пошелъ въ церковь на повечеріе.

Руссикъ. Среда. 6-е іюля. Жара невыносимая. При этомъ чувствуется какое то разслабленіе, какая то апатія; обуяла какая то лѣнь. Кругомъ тоже никакого движенія, никакой дѣятельности. Братія вся спитъ, чтобы ночью бодрствовать. Какъ бы скорѣе отправиться въ путешествіе по горѣ: все-таки оживитъ разнообразіе впечатлѣній. Нужно будетъ непремѣнно завтра отправиться, такъ какъ время быстро идетъ, а на путешествіе потребуется около двухъ недѣль. Путешествіе думаю совершать на мулѣ, потому что при моей болѣзни не мыслимо путешествовать пѣшкомъ.

Прохаживаясь по корридору предъ вечеромъ, я замѣтилъ въ кельѣ монаха, что то прилежно читающаго. Я поинтересовался узнать, что за книга; оказалось—греческая книга философско-богословскаго содержанія. Этотъ монахъ человѣкъ довольно развитый и начитанный. Но онъ на Аѳонѣ почти съ дѣтства; образованія нигдѣ не получилъ,—вполнѣ самоучка. Поэтому я не мало удивился, когда онъ мнѣ изъ потаеннаго мѣста показалъ два огромныхъ тома логики Милля. Признаюсь, Милль въ монашеской кельѣ просто поразилъ меня. Когда я спросилъ его, зачѣмъ онъ такъ прячетъ эту книгу, то онъ сказалъ, что по ихъ уставу не позволяется имѣть у себя подобныя книги. Но онъ сильно любитъ чтеніе, и преимущественно—чтеніе книгъ философскаго характера, „такъ какъ подобныя книги шевелятъ мысль, способствуютъ познанію сущности вещей, возводятъ умъ къ познанію абсолюта“... и въ подобномъ родѣ онъ началъ распространяться о пользѣ философіи и занятія ею. Но все это онъ говорилъ какъ то съ трудомъ, и притомъ вѣяло

отъ этихъ высокопарныхъ словъ поверхностностью. Я сразу увидѣлъ въ немъ не цѣлостную монашескую личность, непосредственно преданную идеѣ монашества, а раздвоенную, разъѣдаемую холоднымъ анализомъ разсудка. Предо мною дѣйствительно была личность, еще не утвердившаяся въ своихъ воззрѣніяхъ... При этомъ онъ высказалъ даже нѣсколько „либеральнымъ" мыслей относительно безотрадности своего положенія въ монастырѣ, гдѣ отнята всякая самостоятельность и гдѣ нѣтъ средствъ къ самообразованію. Еще познакомился я съ нѣкоторыми „либералами-монахами", которые недовольны своимъ положеніемъ и всячески стараются не подчиняться во всей силѣ строгости монастырскаго устава. Говоря о либералахъ-монахахъ, я долженъ оговориться. Понятіе Аѳонскаго „либерала-монаха"—слишкомъ относительное понятіе. Этимъ названіемъ я только рельефнѣе хочу оттѣнить строгость аѳонской монастырской жизни, которая, при всей высотѣ своей, не можетъ же быть безъ маленькихъ пятенъ. Это „либеральничаніе" обнаруживается въ неподчиненіи нѣкоторымъ правиламъ монастырскаго устава, которыя, на первый взглядъ, кажутся какъ бы излишними и мелочными, но которыя собственно и имѣютъ большое дисциплинарное значеніе. Такъ они позволяютъ себѣ купаться вопреки существующему запрещенію, не выстаиваютъ утомительныхъ бдѣній и т. под. Большею частью позволяютъ себѣ эти вольности такъ называемые рясофоры, т. е. монахи, находящіеся на низшей ступени высокой монашеской жизни и не утвердившіеся еще въ ней, а потому и подвергающіеся искушеніямъ всякаго рода. Мало по малу и эти монахи, руководимые своими опытными старцами, утверждаются въ иноческомъ подвижничествѣ и восходятъ по всѣмъ ступенямъ монашеской жизни. Правда, бываютъ исключенія; но гдѣ ихъ нѣтъ?

Четвергъ. 7-е іюля. Сегодня съ Божіею помощію и благословеніемъ о. игумена мы въ четыре часа по полудни отправились въ путешествіе по аѳонскимъ монастырямъ. Полагаемъ, что на путешествіе по всѣмъ монастырямъ потребуется

около двухъ недѣль, поэтому мы запаслись одною перемѣною бѣлья. Кромѣ этого съ благословенія игумена намъ выдали для облегченія путешествія: башмаки (сандаліи), шерстяные чулки и для охраненія отъ сырости шерстяную куртку (власяницу). Власяница, какъ я узналъ, составляетъ самую необходимую одежду во время путешествія по горѣ, такъ какъ она предохраняетъ во время частыхъ переѣздовъ по горнымъ кряжамъ и ущельямъ отъ пронзительнаго вѣтра, называемаго здѣсь „опоемъ", и отъ въѣдающейся въ кости сырости. Запасшись всѣмъ только крайне необходимымъ для путешествія, мы двинулись въ путь на мулахъ. Нашъ кортежъ состоялъ изъ пяти человѣкъ: меня, Ч—каго, его брата, сопровождающаго насъ монаха о. Діонисія и проводника — болгарина Григорія. У насъ — первыхъ четырехъ есть мулы, а у проводника—нѣтъ,—на его обязанности лежитъ идти впереди пѣшкомъ и указывать дорогу. Мулы намъ ничего не стоятъ: въ распоряженіи каждаго монастыря, скита и даже большой кельи есть мулы, которые даются богомольцамъ, не могущимъ почему либо путешествовать пѣшкомъ. Для сопровожденія богомольцевъ полагается съ благословенія игумена инокъ, болѣе или менѣе знакомый съ мѣстностью. Намъ данъ въ проводники землякъ нашъ—кишиневецъ — схимонахъ, Діонисій, прекраснѣйшій, добрѣйшій и симпатичный старичекъ. Мы сразу къ нему привязались и полюбили его.

Принарядившись, по указанію о. Діонисія, въ дорожную одежду, мы сѣли на муловъ, хотя я и привыкъ къ верховой ѣздѣ и люблю ее, но тѣмъ не менѣе на мулахъ сначала чувствовалось какъ-то неловко. Мнѣ попался очень красивый муленокъ—зарко—весь бѣлый, какъ молоко. Я взялъ было его за поводъ, думая править имъ, но оказалось, что это напрасно. Болгаринъ объяснилъ мнѣ, что мулъ требуетъ въ путешествіи совершенной самостоятельности и что вполнѣ можно довѣриться ему, какъ опытному спеціалисту. Я такъ и сдѣлалъ, и мулъ вполнѣ оправдалъ лестный о немъ отзывъ нашего проводника: равномѣрно пошелъ онъ

подъ гору, карабкаясь своими маленькими копытами, какъ коза, по каменьямъ почти надъ самою бездною, предварительно обнюхавши почву и узнавши такимъ образомъ крѣпость и плотность (камней) грунта. Вообще мулъ почему-то избираетъ тропинку надъ самою бездною, куда, во избѣжаніе головокруженія, не стараешься и заглядывать. Мы всѣ ѣхали гуськомъ, а впереди насъ шелъ болгаринъ, указывающій дорогу. Между мулами существуютъ тоже своего рода заправилы, которые всегда стараются попасть впередъ, чтобы въ свою очередь быть указателями пути для другихъ муловъ. Мулы, предоставленные себѣ, не злоупотребляютъ свободою, а ведутъ себя, какъ нельзя лучше: гдѣ нужно, остановятся; увидятъ водопой—подойдутъ, напьются, отдохнутъ и дальше. Вообще, это преполезное животное. Правда, онъ нѣсколько упрямъ и съ чувствомъ собственнаго достоинства и потому не любитъ никакихъ понуканій, въ противномъ случаѣ отомститъ. Такъ я чуть не поплатился было за невѣжливое обращеніе съ моимъ муломъ. Сѣвши подамски, спустивши въ одну сторону ноги (большую часть путешествія я *такъ* совершалъ, находя для себя выгоднымъ такое сидѣніе, въ особенности принимая во вниманіе несоразмѣрную ширину деревяннаго сѣдла), я какъ-то нечаянно хлестнулъ сорванною вѣточкою каштана своего мула, а онъ такъ понесся, что я еле-еле удержался и то благодаря тому, что проводникъ болгаринъ успѣлъ скоро остановить разсерженнаго мула. Вообще мулъ умѣетъ мстить и очень злопамятенъ; онъ непремѣнно отомститъ обидѣвшему его, прижавъ ноги сѣдока къ стѣнѣ или къ камню, такъ что до крови обдеретъ колѣна, или нарочно упадетъ на переднія ноги какъ разъ передъ лужей, съ тѣмъ чтобы вы шлепнулись въ грязь.

Страшная жара была, когда мы выѣхали. Солнце только недавно спустилось съ зенита по направленію къ западу и страшно пекло. Мы направлялись въ русскій Андреевскій скитъ, находящійся на двухчасовомъ разстояніи отъ Руссика, гдѣ намѣревы ночевать. Путь лежалъ по гор-

вой тропѣ, которая извѣтвлялась по разнымъ направленіямъ. Взору нашему представлялась длинная цѣпь горныхъ высотъ, расположенныхъ уступами; думаешь, вотъ-вотъ за ними долженъ быть или скатъ, или равнина, на самомъ же дѣлѣ нѣтъ; за первыми высотами, ограничивающими нашъ горизонтъ, являются другія высоты, а за ними третьи... Растительность въ этой западной сторонѣ не роскошная; почти на обголенныхъ скалахъ въ изобиліи ростутъ преимущественно мелкія кустарниковыя растенія; за тѣмъ—маслячныя деревья, каштаны, платаны, кошарневое дерево, котораго сравнительно наибольше, дубъ есть, но очень тощій—не чета роскошному русскому дубу. Путь къ Андреевскому скиту лежитъ мимо стараго нагорнаго Руссика, отстоящаго отъ Новаго Руссика на разстояніи ³/₄ часа, куда мы и заѣхали на время отдохнуть и осмотрѣть монастырь. Мѣстность стараго Руссика чрезвычайно тихая и уединенная. Почти со всѣхъ сторонъ онъ окруженъ нагорнымъ лѣсомъ, только сѣверо-западная часть открыта и отсюда прекрасный видъ на заливъ св. горы. Оставшіяся разрушенныя стѣны, поросшія травою и увитыя плющемъ, свидѣтельствуютъ о быломъ этого монастыря. Обращаясь къ моему „Путеводителю по св. Аѳонской горѣ", я нахожу весьма краткія свѣдѣнія о прошломъ этого монастыря. Въ 1169 г. Соборомъ Аѳонскихъ игуменовъ отданъ былъ русскимъ второстепенный монастырь св. Пантелеимона Солунскаго. Во время владычества татаръ въ Россіи, въ русскомъ Пантелеимоновскомъ монастырѣ жили сербскіе монахи, поселившіеся здѣсь вскорѣ по постриженіи въ этомъ монастырѣ сербскаго царевича Растка, сына сербскаго князя Стефана Немаля I-го, подъ именемъ Саввы, который впослѣдствіи былъ архіепископомъ сербскимъ. Къ славному прошлому этого монастыря и принадлежитъ именно это событіе. Извѣстна исторія этого постриженія. Около 1180 года, нѣкоторые изъ русскихъ святогорскихъ иноковъ пришли къ великому жупану Стефану для испрошенія милостыни своей обители св. Пантелеимона. Своими разсказами о ти-

хой, безмятежной и богоугодной жизни аѳонскихъ иноковъ они настолько плѣнили младшаго сына князя Растко, отъ природы расположеннаго къ монашеской жизни, что онъ рѣшился тайно отъ родителей удалиться на Аѳонъ. Однако, родители, угадывая, куда удалился сынъ ихъ, послали за нимъ на Аѳонъ вѣрныхъ людей, чтобы они привели его. Посланные нашли его въ Пантелеймоновомъ монастырѣ, но еще непостриженнымъ. Не желая разстаться съ Аѳономъ, Растко упросилъ игумена постричь его. И дѣйствительно, того же дня, во время всенощнаго бдѣнія, когда прекрасно угощенные посланные спали, Растко произнесъ обѣтъ иночества въ небольшомъ храмѣ на высокой башнѣ и наименованъ былъ Саввой. Оттуда, на другой день, показавшись посланнымъ, сбросилъ къ нимъ съ башни княжескія одежды и просилъ отвезти ихъ къ родителямъ вмѣстѣ съ письмомъ, въ которомъ просилъ родителей не скорбѣть о немъ, а лучше молить Бога, чтобы Онъ помогъ ему благоуспѣшно совершить избранный имъ путь. Разгнѣвался Стефанъ Немань и отправился въ монастырь съ жестокимъ намѣреніемъ, но Богъ смягчилъ его сердце, онъ самъ принялъ монашество съ именемъ Симеона и почилъ въ одномъ изъ монастырей, основанныхъ св. Саввою.

По паденіи Сербскаго царства, въ этомъ монастырѣ жили главнымъ образомъ греки, хотя были и русскіе иноки. Извѣстный паломникъ Барскій, бывши два раза на Аѳонѣ въ 1725 г. и 1744 г., говоритъ, что въ первое путешествіе еще видѣлъ здѣсь русскихъ. Онъ говоритъ: „пришедши въ сей монастырь (1725) и пребывши въ немь время довольно, обрѣтохъ нѣколико иноковъ россійскихъ, и пѣніе ихъ и чтеніе слышахъ[1])“... Во второе же путешествіе онъ нашелъ тамъ уже однихъ грековъ. Но, около 1765 г. и они оставили его по причинѣ крайней ветхости и создали новый, малый монастырь, уже на берегу моря, на той же сторонѣ

---

[1]) Пѣшеходца Вас. Гр. Барскаго путешествіе къ святымъ мѣстамъ, ч. 2-я стр. 690. С.-Петербургъ, иждивеніемъ Императ. Академіи наукъ, 1785 года.

Аѳона, но подъ именемъ русскаго,—это настоящій новый русскій Пантелеимоновскій монастырь. Теперь только видны развалины древняго Руссика. Здѣсь мнѣ говорили, что въ развалинахъ церкви, лѣтъ десять назадъ, найдена на каменной плитѣ икона, изображающая великомученика Пантелеимона съ развернутымъ свиткомъ, на которомъ начертаны слѣдующія слова: *„друзья мои! потщитеся, и не вотще будетъ трудъ вашъ“*,—въ чемъ, по словамъ разсказывавшаго это инока, выражается побужденіе къ возобновленію запустѣвшей обители. И дѣйствительно, до русско-турецкой войны, во время сильныхъ препирательствъ новаго Руссика съ сосѣдними греческими монастырями, оспаривавшими право существованія русскаго монастыря на новомъ мѣстѣ, на землѣ, принадлежащей имъ, русская иноческая братія думала возобновить старый Руссикъ и возвратиться на прежнее мѣсто. Съ этою цѣлью даже заложенъ былъ большой соборный храмъ. Но когда эти препирательства уладились въ пользу русскихъ, мысль о возобновленіи стараго Руссика оставлена. Жаль во всякомъ случаѣ, если соборъ не будетъ оконченъ. Судя по фундаменту и мраморнымъ колоннамъ, которыя уже успѣли поставить, этотъ соборъ былъ бы красою Аѳона. Въ настоящее время здѣсь братіи не болѣе 20 человѣкъ.—Поклонившись частицамъ мощей св. угодниковъ, мы, въ сопровожденіи завѣдующаго этимъ монастыремъ—о. Мины, отправились въ архондарикъ, гдѣ, по восточному обычаю, намъ предложено было по рюмкѣ мастики, глико и по чашкѣ кофе. Въ этомъ архондарикѣ я замѣтилъ на стѣнѣ картину, изображающую видъ этого монастыря; картина въ высшей степени аляповатая и не стоила бы никакого вниманія. Но оказалось, что это картина извѣстнаго путешественника по св. мѣстамъ Барскаго, по крайней мѣрѣ внизу написано: „видъ стараго нагорнаго Руссика на Аѳонѣ монастыря. Трудъ достопамятнаго русскаго путешественника Барскаго“. Я сомнѣваюсь, чтобы эта картина принадлежала Барскому, а скорѣе какому нибудь

неискусному маляру, прикрывшемуся такимъ извѣстнымъ именемъ.

Отъ Стараго Руссика путь нашъ лежалъ все подъ гору. Солнце уже не такъ пекло и при томъ, такъ какъ здѣсь растенiе нѣсколько роскошнѣе, то мы большею частью ѣхали въ тѣни. Наконецъ, мы достигли хребта горы, откуда открывается прекрасный видъ: съ одной стороны, безбрежный Архипелагъ съ его многочисленными островами, а съ другой—воды залива Монте-Санто, ярко освѣщаемыя лучами заходящаго солнца. Вершина Аѳона, позлащенная солнечными лучами, видна вся, какъ на ладони; кажется, она очень близко, а между тѣмъ, по словамъ проводника, до нея будетъ верстъ 50. Какъ прекрасенъ этотъ шпиль, опоясанный теперь бѣлымъ облакомъ, точно серебрянымъ поясомъ. Внизу, по бокамъ почти на всемъ протяженiи горы, виднѣется множество монастырей, скитовъ, а еще болѣе живописно расположенныхъ келлiй, которыми такъ густо усѣяна св. гора. Около получаса стояли мы на хребтѣ, любуясь такими живописными видами. Спускаемся внизъ, и уже совершенно другая природа: растенiя гораздо пышнѣе и роскошнѣе и притомъ другiя; напр. здѣсь очень много орѣшника, котораго на западной сторонѣ не видно, попадаются еще другiя растенiя, названiя которыхъ я не знаю. Такая роскошная растительность объясняется тѣмъ, что эта часть доступна влiянiю вѣтровъ, умѣряющихъ жару и разносящихъ влагу. Здѣсь уже мы были совершенно избавлены отъ палящихъ лучей солнца, такъ какъ солнце уже давно было за горами. Но за то путь слишкомъ труденъ, такъ какъ тропинка каменистая и слишкомъ ухабистая, такъ что мулы прыгали, какъ козы.—Было близко къ закату солнца, когда мы остановились предъ вратами скита и слѣзли съ муловъ. Нашъ чичероне, о. Дiонисiй пошелъ напередъ доложить о прiѣздѣ богомольцевъ. Минутъ черезъ пять явилось два инока, которые весьма любезно предложили намъ прiютъ. Въ монастырѣ только что отошла вечерня, и вся братiя вы-

ходила изъ церкви. Настоятеля скита о. Θеодорита не было въ монастырѣ,—онъ уѣхалъ въ Россію за сборомъ пожертвованій въ пользу строющагося здѣсь собора. Вмѣсто него насъ весьма радушно принимали оставленные имъ для управленія монастыремъ старцы. Насъ пригласили въ архондарикъ, гдѣ предложено было обычное на востокѣ угощеніе, а затѣмъ угостили чаемъ. Чай мы пили на балконѣ 3-го этажа. Предъ нами открылось живописнѣйшее положеніе монастыря: съ одной стороны—террасообразная возвышенность, покрытая роскошною зеленью со множествомъ келлій, то кроющихся, то выказывающихся посреди виноградниковъ или въ кущахъ орѣшника и смѣшаннаго лѣса, съ другой стороны—виднѣются тихія воды Эгейскаго моря съ его островами Тассо, Самоθраки, Псибро. На югъ гордо высится шпиль святой горы, видимый во всемъ его великолѣпіи вдавшимся въ пучину морскую отъ самой подошвы и до заоблачной высоты, какъ бы вѣковой стражъ пустыни и свидѣтель подвиговъ насельниковъ его. Андреевцы въ особенности гордятся благорастворенiемъ въ ихъ мѣстности воздуха. И дѣйствительно, здѣсь воздухъ, составляя какъ бы среднее между горнымъ и приморскимъ, особенно благорастворенъ; днемъ онъ не имѣетъ рѣзкости и духоты, свойственной южнымъ климатамъ, а ночью пронзительной сырости, подъ часъ весьма чувствительной на Аθонѣ. Мнѣ кажется, что по красотѣ мѣстоположенія Андреевскій скитъ занимаетъ первое мѣсто. За это онъ еще издревле получилъ названіе „Серай“ (турецкое слово, что значитъ „красивый дворецъ“), какое названіе осталось за нимъ и до сихъ поръ. Андреевскій скитъ основанъ первоначально въ видѣ келліи вселенскимъ патріархомъ Аθанасіемъ, въ XVII вѣкѣ; здѣсь онъ избралъ себѣ мѣсто для жительства на покоѣ. Но Аθанасій вскорѣ поѣхалъ въ Россію и на возвратномъ пути скончался въ Лубнахъ, гдѣ почиваютъ нетлѣнно мощи его. Келья эта отстроена, по истеченіи болѣе столѣтія послѣ смерти Аθанасія, патріархомъ Серафимомъ,

который также умеръ въ Лубнахъ. Послѣ этого все начало приходить въ упадокъ и дряхлѣть. Оставшаяся братія перешла въ Ватопедскую обитель и, за дарованіе имъ тамъ пріюта и содержанія, передали келлію серайскую Ватопеду, собственностью котораго она сдѣлалась въ самыя неблагопріятныя времена для всего Аѳона. Смуты греческаго возстанія (въ 20 годахъ настоящаго столѣтія) уничтожали благосостояніе обителей св. горы. Ватопедъ тоже не имѣлъ желанія собственными средствами поддержать келлію серайскую. Она начала переходить въ наемъ изъ рукъ въ руки; мало по малу эта прекрасная собственность клонилась къ разрушенію; снаружи все ветшало, внутри все черпѣло, приходило въ упадокъ. Вокругъ келліи погибали, насажденные при патріархахъ, виноградникъ, орѣшники и вся роскошная растительность; изъ жилища начали расхищать имущество, ломали мраморъ, живопись портилась... Такъ было до 1841 года; въ это время она пріобрѣтена была русскими подвижниками Виссаріономъ и Варсонофіемъ. Они не допустили келлію до паденія, и она нѣсколько устроилась и украсилась. Но начало собственно процвѣтанія келліи положилъ извѣстный путешественникъ по востоку А. Н. Муравьевъ, который, путешествуя въ 1849 году по Аѳону, обратилъ особенное вниманіе на эту келью, гдѣ и пробылъ около шести недѣль. По его ходатайству предъ монастырскими властями Ватопеда, въ вѣдѣніи котораго находилась эта келья, келья серайская была переименована въ скитъ. Съ этихъ-то поръ и началось процвѣтаніе скита, благодаря съ одной стороны покровительству Муравьева, сдѣлавшагося ктиторомъ этой обители, а съ другой стороны— благодаря стараніямъ игумена Ѳеодорита и помощниковъ его; такъ что скитъ скоро разросся и какъ по своей обширности, такъ равно и по числу братіи, которой числится въ скиту приблизительно до 250 человѣкъ, вполнѣ не уступаетъ монастырямъ. Съ большою признательностью и любовью вспоминаютъ Андреевцы о константинопольскомъ

патріархѣ Анѳимѣ, занимавшемъ патріаршій престолъ въ 70 годахъ. Онъ въ особенности, по ихъ словамъ, питалъ расположеніе къ этому скиту, и это выразилось въ слѣдующемъ. Въ 1872 году (въ этомъ году—или годомъ раньше, или позже, — сами иноки, разсказывавшіе объ этомъ, точно не припомнятъ) онъ прислалъ игумену Ѳеодориту крестъ, архимандричью мантію и грамоту, въ которой объявлялъ Андреевскій скитъ ставропигіальнымъ или патріаршимъ скитомъ. Отецъ Ѳеодоритъ названъ былъ въ этой грамотѣ не *дикеемъ*, какъ обыкновенно называютъ настоятелей зависимыхъ скитовъ, а *игуменомъ*. Однимъ словомъ, съ этихъ поръ упрочена самостоятельность скита. Всѣ эти знаки патріаршаго благоволенія къ отцу Ѳеодориту и его обители не освобождали Андреевскій скитъ отъ его зависимости отъ Ватопеда; но этимъ только отвращалась возможность отъ передачи его въ вѣдѣніе или наемъ другаго монастыря. Ватопедское духовное начальство не замедлило сдѣлать отца Ѳеодорита архимандритомъ къ великой радости всей братіи. Распрашивая о взаимныхъ отношеніяхъ ихъ къ Ватопедцамъ, я узналъ, что между ними существуютъ самыя прекрасныя, братскія отношенія, не въ примѣръ напр. Ильинскому скиту, ведущему вѣчную тяжбу съ греческимъ монастыремъ Пантократоромъ, въ вѣдѣніи котораго онъ находится. Андреевцы, впрочемъ, говорили, что такое братское отношеніе ихъ къ Ватопедцамъ составляетъ одно изъ счастливыхъ исключеній, такъ какъ вообще на Аѳонѣ существуетъ довольно сильная вражда между русскими и греками, вліяніе которой они и на себѣ испытываютъ.... Послѣ чаю два старца—инока, изъ числа завѣдующихъ монастыремъ, предложили намъ прогуляться и поближе познакомиться со скитомъ, на что мы съ удовольствіемъ согласились.

Услужливые и добрые монахи повели насъ по всей усадьбѣ скита. Усадьба не велика—всего около 15 десятинъ; между тѣмъ келліи нѣкоторыя владѣютъ большимъ количествомъ земли. Скитъ старался увеличить свою усадьбу покупкою двухъ сосѣднихъ греческихъ и сербскихъ (принадлежащихъ сербскому монастырю Хилендарю) келлій; но греческіе монастыри, въ вѣдѣніи которыхъ находятся эти келліи,

не согласились продать; тоже самое сдѣлали и хилендарцы, хотя эти кельи находятся слишкомъ далеко отъ монастыря. Съ чувствомъ прискорбія разсказывали старцы о враждебныхъ отношеніяхъ къ нимъ сосѣднихъ греческихъ келліотовъ, вслѣдствіе чего они чувствуютъ большой недостатокъ въ водѣ, такъ какъ келліоты отводятъ направленіе воды въ ручьяхъ и такимъ образомъ мѣшаютъ возможности пользоваться водою большой Андреевскій скитъ. Во избѣжаніе непріятностей Андреевцы построили двѣ большія цистерны, которыя зимою и во время дождей наполняются водою и снабжаютъ всю братію. Усадьба не велика, но очень живописна и прекрасно обработана, благодаря преимущественно трудамъ одного инока малоросса.

Насъ повели въ усыпальницу, гдѣ я не надѣялся найти что нибудь интересное и новое кромѣ череповъ, видѣнныхъ мною уже въ Руссикѣ. Но я ошибся; череповъ здѣсь гораздо меньше, чѣмъ въ Руссикѣ,—что объясняется недавнимъ происхожденіемъ скита, но за то я нашелъ здѣсь нѣчто невиданное тамъ,—довольно много веригъ желѣзныхъ, которыми заковывали себя подвижники. Обыкновенно вериги носятся тайно отъ другихъ, и тайна такого подвижничества обнаруживаетя по смерти подвижника, съ котораго тогда и снимаютъ ихъ; но нѣкоторыя вериги отъ несоразмѣрности ихъ съ туловищемъ и отъ долгаго ношенія на столько въѣдаются въ тѣло, что ихъ нельзя снять; поэтому ихъ снимаютъ черезъ три года, когда трупъ выкапываютъ изъ могилы, и полагаютъ ихъ въ усыпальницу, какъ свидѣтельство подвижнической жизни. Тутъ же мнѣ сказали, что и теперь есть нѣсколько иноковъ, тайно носящихъ вериги; сказали также объ одномъ замѣчательномъ подвижникѣ Андреѣ, давшемъ обѣтъ молчанія, который уже около 12 лѣтъ не говоритъ ни слова. Я выразилъ сильное желаніе видѣть этого подвижника. Со мною пошелъ одинъ изъ старцевъ, предупредивши, что онъ вообще не любитъ посѣщеній, а тѣмъ болѣе долгихъ; поэтому просилъ не засиживаться, чтобы не побезпокоить подвижника. Келлія его находится въ задней части монастыря и стоитъ совершенно особнякомъ. На стукъ въ дверь и обычное Аѳонское привѣтствіе дверь

отворилась и мнѣ представилась изсохшая фигура подвижника, который мимикою пригласилъ васъ сѣсть. Старецъ, пришедшій со мною, отрекомендовалъ меня и высказалъ ему о моемъ сильномъ желаніи видѣть его, благодаря чему онъ рѣшился побезпокоить его. Съ минуту молчали мы; въ это время онъ пристально смотрѣлъ на меня, такъ что мнѣ просто не ловко сдѣлалось, и я потупилъ взоръ. Затѣмъ взялъ онъ находящійся предъ нимъ листъ бумаги и написалъ: „Гдѣ учитесь"? Въ Кіевѣ, говорю, въ духовной Академіи. „Чему учитесь"? Разнымъ наукамъ, но преимущественно богословскимъ. „Вѣрите"? Вѣрю. „Да будетъ Божья благодать съ вами и да сохранитъ васъ Царица Небесная", и откинулъ бумагу въ сторону, давая этимъ, должно быть, понять, что слѣдовало бы оставить его. Но я, пораженный его подвигомъ, началъ говоритъ ему о тяжести подвига безмолвія и кстати или некстати спросилъ о причинѣ его безмолвія. Не отвѣчая мнѣ прямо на вопросъ, онъ написалъ: „Господь нашъ Іисусъ Христосъ говоритъ: глаголю вамъ, яко всяко слово праздное, еже аще рекутъ человѣцы, воздадятъ о немъ слово въ день судный: отъ словесъ бо своихъ оправдишися, и отъ словесъ своихъ осудишися". На вопросъ мой—долго ли онъ подвизается?—отвѣчалъ, т. е. написалъ: „Богу вѣдомо". Послѣ этого всталъ и далъ мнѣ двѣ книжечки: „о благодатныхъ исцѣленіяхъ, совершившихся предъ святою иконою Божіей Матери, въ скорбѣхъ и печалѣхъ утѣшеніе" и „о вредѣ табака". Я вышелъ, проникнутый чувствомъ глубокаго уваженія къ подвижнику.

Послѣ ужина мы всѣ вышли на балконъ и долго, долго любовались живописнымъ положеніемъ скита въ горахъ, изъ за которыхъ теперь скромно выглядывала луна. Тишина; все безмолвствуетъ; слышны—только журчаніе водъ, жужжаніе миріадъ насѣкомыхъ и звонки бродящихъ муловъ. Подъ такимъ обаяніемъ тишины я начинаю мало по малу

дремать; ухожу съ балкона въ прекрасный номеръ, услаждаясь при этомъ мыслью о предстоящемъ сладкомъ снѣ.

Ильинскій скитъ. Пятница. 8-е іюля. Напрасно услаждался я мыслью о сладкомъ снѣ; только что заснулъ, какъ пронзительный звонъ колокольчика разбудилъ меня. Въ часъ ночи начинается утреннее богослуженіе въ монастыряхъ и сильнымъ звономъ колокольчика приглашаютъ всѣхъ въ церковь. Живой будильникъ подходитъ къ кельи съ словами: „молитвами.... помилуй насъ“. Если въ отвѣтъ послышится „Аминь“, то онъ идетъ далѣе. Точно также этотъ будильникъ подошелъ къ моей келліи, но на свое привѣтствіе не получилъ отвѣта; думая, что я сплю, началъ сильнѣе звонить и толкнулъ ногою объ дверь, такъ что я принужденъ былъ отворить дверь и показалъ видъ недовольства; но онъ извинился (обычное извиненіе у аѳонцевъ: „простите“), говоря, что онъ думалъ, что тутъ монахъ спитъ. Послѣ этого я не могъ уже хорошо уснуть, а только дремалъ, а подъ утро былъ приглашенъ присутствовать на литургіи. Я сталъ вмѣстѣ съ пѣвчими на клиросѣ и пѣлъ. Здѣсь поютъ хорошо; мнѣ показалось, что даже лучше, чѣмъ въ Руссикѣ; хотя и здѣсь большею частью *партесное* пѣніе. Послѣ литургіи мы прикладывались къ чудотворной иконѣ Божіей Матери, именуемой „въ скорбѣхъ и печалѣхъ утѣшеніе“ и къ останкамъ мощей святыхъ угодниковъ. Церковь просторная, свѣтлая и чрезвычайно изящно украшенная. Вообще она вполнѣ пригодна для скита. Поэтому, мнѣ кажется, что постройка новаго соборнаго храма будетъ роскошью для Андреевцевъ. Фундаментъ собора уже отстроенъ. Этотъ храмъ заложенъ собственноручно Его Императорскимъ Высочествомъ Великимъ Княземъ Алексѣемъ Александровичемъ 16-го іюня 1867 года, а началъ строиться только въ 1880 и 1882 г. на собранныя доброхотныя пожертвованія въ Россіи; теперь постройка пріостановлена за отсутствіемъ денегъ; для сбора пожертвованій на постройку этого храма и уѣхалъ

въ Россію игуменъ Θеодоритъ. Соборъ, судя по фундаменту, будетъ величественный.

Послѣ литургіи мы отправились въ Карею, которая отстоитъ всего на 1/4 часа отъ скита. Карея—это маленькій монашескій городокъ, отстроенный на манеръ всѣхъ восточныхъ городовъ: улицы—кривыя и узкія; дома сжаты въ кучу и лѣпятся другъ на друга; по улицамъ съ обѣихъ сторонъ устроены лавки, гдѣ заѣзжіе купцы продаютъ разные товары, преимущественно необходимые въ монашескомъ быту. Вообще, Карея—это иноческій базаръ, гдѣ иноки сбываютъ свои ручныя произведенія, а въ замѣнъ этого пріобрѣтаютъ ткацкія матеріи, свѣчи, сахаръ... Лавки есть довольно богатыя, хотя, какъ видно, торговля идетъ не слишкомъ бойко: продавцы апатично, подогнувши ноги, сидятъ на прилавкахъ, покуривая свои кальяны. Не слышно здѣсь ни криковъ, ни шума, столь обычнаго на базарахъ, а все какъ то обходится тихо и мирно. Говорятъ, городокъ нѣсколько оживляется въ базарные дни, которые бываютъ по субботамъ.

Будучи торговымъ центромъ Аθона, Карея вмѣстѣ съ этимъ служитъ средоточіемъ гражданскаго и духовнаго управленія. Здѣсь живетъ особый каймакамъ, турецкій чиновникъ, состоящій подъ начальствомъ у Салоникскаго генералъ-губернатора. Каймакамъ на Аθонѣ имѣетъ только полицейскую власть, да и то употребляетъ ее преимущественно лишь по требованію мѣстнаго синода, называемаго „Протатъ“ (отъ πρῶτος—первый). Протатъ состоитъ изъ двадцати членовъ или представителей (антипросопы) двадцати аθонскихъ монастырей. Эти антипросопы постоянно живутъ въ Кареѣ въ такъ называемомъ кунакахъ монастырскихъ и, по мѣрѣ накопленія дѣлъ, собираются вмѣстѣ для обсужденія и рѣшенія ихъ. Протатъ правитъ только всѣми мѣстными дѣлами: разбираетъ монастырскія тяжбы, разсматриваетъ жалобы скитянъ и келліотовъ на монастыри и судитъ монаховъ за особенно важныя преступленія. Въ церковномъ же

отношеніи, каноническомъ и духовно-административномъ, Аѳонъ зависитъ отъ константинопольскаго патріарха, и всѣ монастыри его суть монастыри патріаршіе, ставропигіальные, то-есть независимые отъ мѣстныхъ или сосѣднихъ епископовъ и митрополитовъ.

Изъ древностей въ Кареѣ замѣчателенъ соборъ въ честь *Успенія Пресвятыя Богородицы.* Барскій говоритъ, что онъ „созданъ еще отъ Благочестиваго царя *Константина* въ 335 году..., его же послѣди отступникъ *Іуліанъ* въ 362 году сожже, иже и до нынѣ на стѣнахъ внутрь очернѣлый отъ дыма зрится“ [1]). Но этотъ памятникъ древности представляетъ изъ себя слишкомъ печальный видъ. Смотря на него, никогда нельзя догадаться, что это церковь, тѣмъ болѣе, что она безъ колоннъ и купола. Вокругъ нея нѣтъ ни малѣйшей ограды и она застроена со всѣхъ сторонъ безобразными домами; наружному виду соотвѣтствуетъ и внутренній: стѣны почернѣлыя, потрескавшіяся... Архитектура собора очень проста: въ основаніи онъ представляетъ продолговатый четыреугольникъ, внутри коего вложенъ крестъ съ неравномѣрными оконечностями. Параллельно внѣшнимъ стѣнамъ идутъ двѣ стѣны, раздѣляющія церковь на три продольныя части: среднюю—высочайшую и широчайшую, и двѣ боковыя.

Всѣ внутреннія стѣны покрыты священными изображеніями. Эта живопись приписывается замѣчательному художнику XV вѣка (а по нѣкоторымъ XII), Панселлину; по крайней мѣрѣ Барскій говоритъ, что этотъ храмъ „познавается отъ древняго зѣло искуснаго въ немъ иконописанія, еже сотвори пресловутый нѣкій Панселинъ“ (605 ст.). Этотъ Панселлинъ въ устахъ аѳонитовъ является какимъ то миѳическимъ существомъ, окруженнымъ ореоломъ святости; но

[1]) Пѣшеходца В. Г. Барскаго Путешествіе къ Святымъ мѣстамъ. Ч. 2-я стр. 604. 1785 года.

сами они не имѣютъ о немъ никакого свѣдѣнія. Общее мнѣніе—что онъ замѣчательный живописецъ. Его живописью украшено, говорятъ, нѣсколько церквей и между прочимъ Карейская. Насколько я могу судить о живописи, не касаясь техническихъ особенностей, и насколько позволяетъ судить о себѣ сама живопись, слишкомъ испортившаяся отъ сырости (говорятъ, что въ одно время этотъ храмъ былъ безъ кровли), почернѣвшая отъ дыму и портящаяся отъ осыпанія стѣнъ, я скажу, что эти изображенія прекрасны, выразительны и вообще производятъ прекрасное впечатлѣніе и обнаруживаютъ въ художникѣ замѣчательный талантъ. Все превосходство этой древней живописи въ особенности представляется по сравненію съ новою, которою украшенъ притворъ храма. Кромѣ стѣнной живописи есть здѣсь нѣсколько древнихъ образовъ, писанныхъ на деревѣ. Такова—въ иконостасѣ *икона Спасителя*, окруженная другими малыми иконами разныхъ святыхъ и почитаемая чудотворною. Но самою древнѣйшею изъ всѣхъ иконъ считается чудотворная икона Божіей Матери, называемая „Достойно есть", взятая изъ келльи на капсольской возвышенности,—что противъ русскаго скита св. Андрея. Она теперь находится на горнемъ мѣстѣ. Она слишкомъ потемнѣлая, такъ что еле со свѣчею кое что разглядишь: ликъ Богоматери чрезвычайно умильный, а на рукахъ въ свободномъ положеніи Божественный Младенецъ. О названіи этой иконы разсказываютъ слѣдующее чудо. Она сначала принадлежала одному безмолвному. Однажды предъ этою иконою долго молился онъ и усердно пѣлъ: Честнѣйшую херувимъ и славнѣйшую безъ сравненія серафимъ и проч. Вдругъ въ его кельѣ показался благообразный монахъ и, назвавшись Гавріиломъ, началъ внушать ему, что предъ этою пѣснію надобно всегда пѣть: „достойно есть, яко во истину, блажити тя Богородицу, присноблаженную и пренепорочную и матерь Бога нашего". А дабы эти слова не изгладились изъ памяти, Гавріилъ перстомъ своимъ начер-

талъ ихъ на каменной плитѣ, и потомъ скрылся. Старецъ, понявъ, что у него былъ архангелъ, явился къ проту святой горы съ начертанною на плитѣ пѣснію. А святогорскій протъ увѣдомилъ о всемъ этомъ цареградскаго патріарха и царя, и отослалъ къ нимъ и самую плиту, чудесно исписанную. Съ той поры постановлено было пѣть во всѣхъ церквахъ: *Достойно есть*... Событіе это случилось въ X вѣкѣ. Спрашивалъ я о судьбѣ этой литографіи, но не получилъ отъ аѳонцевъ отвѣта. Во всякомъ случаѣ происхожденіе этой пѣсни раньше X вѣка. Она воспѣта была еще отцами третьяго вселенскаго собора (431 г.), опредѣлившими величать пресвятую дѣву Марію Богородицею. Но эта пѣснь, будучи извѣстною раньше, не была до X вѣка въ составѣ литургіи. Преосвященный Порфирій въ своемъ извѣстномъ сочиненіи объ Аѳонѣ, принимая это видѣніе объясняетъ его такимъ образомъ. По его мнѣнію, пѣть *Достойно есть* во время литургіи установлено было великою цареградскою церковію въ десятомъ вѣкѣ. Когда же цареградскій патріархъ, или царь Василій Порфирородный предписалъ проту св горы Аѳонской, чтобы во всѣхъ обителяхъ тамъ пѣли эту пѣснь послѣ возгласа іерея: *Изрядно о Пресвятѣй*; тогда не всѣ аѳониты подчинились этому предписанію. Между ними нашлись ревнители старины. Къ числу такихъ ревнителей принадлежалъ и тотъ безмолвникъ. Ему нелюбо было литургійное нововведеніе. Однако совѣсть, надо полагать, упрекала его за непослушаніе великой церкви Христовой и за отщепенство отъ прочихъ собратій на Аѳонѣ, ублажавшихъ во время литургіи Богородицу присноблаженную и пренепорочную и матерь Бога нашего. Подъ вліяніемъ такой внутренней борьбы онъ, ночью, послѣ долгой молитвы предъ иконою Богоматери, сталъ какъ самъ не свой, и въ такомъ возбужденномъ состояніи души увидѣлъ зракъ архангела Гавріила, нѣкогда благовѣствовавшаго пресвятой Маріи радость велію, и услышалъ отъ него повелѣніе пѣть древнюю пѣснь: *Достойно есть*, которая въ видѣніи его въ

туже минуту писалась перстомъ архангела какъ бы на плитѣ. „Называйте это событіе, какъ хотите, чудеснымъ, сверхъестественнымъ, или естественнымъ, психическимъ. Но оно совершилось, и повліяло на многихъ упрямыхъ аѳонитовъ такъ, что они приняли литургійное нововведеніе" [1]).

Вышли мы изъ собора съ прискорбіемъ, что соборная церковь всей горы аѳонской представляется такою запущенною.

Изъ собора мы пошли въ такъ называемую *типикарницу.* Типикарницею называется келья, устроенная еще св. Саввою сербскимъ и снабженная отъ него особеннымъ уставомъ—τυπικόν. Онъ здѣсь хранится и показывается желающимъ видѣть его. Онъ написанъ по славянски на довольно длинномъ свиткѣ изъ кожи, и подписалъ собственноручно св. Саввою. Сама келья очень древняя, но со многими позднѣйшими передѣлками. При ней построенъ теперь конакъ Хилендарскаго монастыря.

Отъ Кареи на $^{1}/_{4}$ часа къ югу находится монастырь греческій Котломушъ, куда мы теперь и отправились пѣшкомъ. Котломушъ—турецкое слово (испорченное отъ куртурмушъ) по-русски означаетъ „освобожденный". Полагаютъ, что онъ такъ названъ вслѣдствіе чудеснаго избавленія отъ разгрома варваровъ, разорявшихъ другіе монастари. Монастырь этотъ основанъ еще въ XII в. Императоромъ Алексѣемъ Комненомъ. Въ настоящее время его полуразрушающіяся зданія свидѣтельствуютъ о бѣдности монастыря. Одно только мѣстоположеніе его завидное, такое же какъ и Кареи. Игумена не было дома; вмѣсто него насъ встрѣтилъ одинъ изъ эпитроповъ монастыря о. Харитонъ, очень представительный инокъ. Оказалось, что онъ кромѣ греческаго языка знаетъ еще и молдавскій, на которомъ и я нѣсколько

---

[1]) Пр. Порфирій. Аѳонъ. 168 стр.

говорю, и мы довольно долго бесѣдовали. Онъ разумный человѣкъ и состоитъ антипросопомъ монастыря въ Протатѣ. О монастырѣ говорилъ, что онъ нѣсколько разъ подвергался пожарамъ и что онъ очень бѣденъ вслѣдствіе отсутствія поклонниковъ и благодѣтелей (впрочемъ—это обычная жалоба у греческихъ иноковъ). Здѣсь соборный храмъ во имя *Преображенія Господня.* Стѣнная живопись довольно древняя, какъ это видно изъ надписи надъ главною дверью, ведущею изъ притвора въ храмъ—7048 (1540); но представляется еще довольно свѣтлою. Прикладывались здѣсь къ мощамъ. Между прочимъ здѣсь находится часть правой ноги святой праведной Анны, матери Пресвятыя Богородицы; рука св. Евстратія; глава св. Алипія столпника, именемъ котораго назывался нѣкогда монастырь вблизи Кутлумуша, слѣдовъ котораго теперь и не существуетъ.

По обильной трапезѣ въ Андреевскомъ скиту, мы отдохнули, напились чаю и направили путь свой въ Ильинскій скитъ, находящійся отсюда на полтора часа разстоянія. При прощаніи съ братіею скита намъ предложили записать свои адресы въ особо заведенной для того книгѣ и оцѣнить ихъ пріемъ. Нечего и говорить, какъ мы оцѣнили ихъ пріемъ; „любовь, простота и искренность, писалъ между прочимъ я, украшаютъ братію сего скита"...

Ильинскій скитъ находится въ сѣверовосточномъ направленіи отъ Андреевскаго скита. Путь сюда вообще не представляетъ особенныхъ трудностей, такъ какъ нѣтъ большихъ горъ; но теперь онъ былъ утомителенъ, такъ какъ солнце немилосердно палило, и по пути нѣтъ большаго лѣса, въ тѣни котораго можно бы укрыться, а все мелкіе кустарники. Часовъ въ 7 вечера мы прибыли въ Ильинскій скитъ. Этотъ скитъ находится на сѣверо-восточномъ склонѣ Аѳонской горы, и расположенъ на весьма красивомъ прибрежномъ холмѣ. Мѣстность пустынная: съ трехъ сторонъ,—сѣверной, западной и южной, скитъ окруженъ высокими горами, покрытыми вѣчною зеленью лѣсовъ и

кустарниковъ. На востокъ—видъ на море, совершенно открытый и весьма живописный. У самаго берега моря красуется греческій монастырь *Пантократоръ*. Далѣе на громадномъ разстояніи виднѣются острова *Имвро* и *Самоѳраки*; къ югу —обширный *Лемносъ*, къ сѣверу *Тассо*, а на сѣверо-западѣ тянется заоблачная цѣпь горъ Македоніи. Къ сѣверо-западу отъ скита бѣлѣется среди горъ небольшой болгарскій скитъ—называемый *Ксилургу*,—первое мѣстопребываніе русскихъ еще въ X вѣкѣ. Ильинскій скитъ основанъ въ 1757 году старцемъ Паисіемъ Величковскимъ, знаменитымъ по своей высоко-духовной жизни и по своимъ переводамъ святоотеческихъ писаній съ греческаго на Русскій языкъ. Затѣмъ много способствовалъ устройству скита въ 30-хъ годахъ настоящаго столѣтія о. Аникита, бывшій князь Шихматовъ - Ширинскій. Въ настоящее время скитъ находится въ вѣдѣніи греческаго монастыря — Пантократора и представляетъ строгую киновію.

Насъ встрѣтилъ игуменъ скита о. Товія. Онъ малороссъ по происхожденію—уроженецъ Харьковской губерніи. Личность замѣчательно добрая. До переселенія своего на аѳонскую гору и поступленія въ Ильинскій скитъ, о. Товія (по его словамъ) проживалъ въ одномъ изъ Россійскихъ монастырей (Ахтырскомъ, Харьковской губерніи), и тамъ заслужилъ санъ іеродіакона. Въ Ильинскомъ скиту былъ посвященъ въ іеромонаха, послѣ чего удалился на Капсокалибу (пустынное мѣсто), гдѣ и прожилъ въ уединенной келльѣ,—болѣе десяти лѣтъ. По убѣдительному приглашенію и просьбамъ братіи опять возвратился въ Ильинскій скитъ и 8-го сентабря 1879 года избранъ братіею въ настоятели скита, хотя и противъ желанія. О. Товія дѣйствительно тяготится своимъ положеніемъ и съ особенною любовью вспоминаетъ о своей уединенной, чисто созерцательной жизни и всѣ помыслы его туда устремлены. Положеніе становится еще тягостнѣе при той непрерывной борьбѣ за существованіе, которая изстари ведется ими съ Пантократоромъ, стремящимся

прекратить существованіе скита. Однимъ словомъ, между Ильинцами и Пантократорцами — русскими и греками существуетъ сильнѣйшая вражда. Вотъ уже нѣсколько лѣтъ идетъ судебный процессъ въ Константинополѣ; неизвѣстно, чѣмъ кончится. Просто невѣроятно, что приходилось слышать. Напр. о. Товія разсказывалъ, что Пантократорцы не позволяютъ имъ ничего выгружать и недавно потопили сѣно, привезенное для обители изъ ихъ метоха (дачи) на островѣ Тассо. А вотъ другой фактъ—еще возмутительнѣе. Здѣсь намѣрены строить соборъ, основной камень котораго заложенъ по велѣнію Великой Княгини Александры Петровны въ 1881 году во время посѣщенія ею береговъ Аѳонской горы. (Такъ какъ женщинамъ не позволяется быть на Аѳонѣ, то Великая Княгиня, не нарушая этого древняго обычая съ парохода созерцала св. гору).

Греки же не позволяютъ ломать камня необходимаго для постройки собора, требуя покупать его на пуды. По неволѣ, поэтому, согласишься съ о. Товіею, который говоритъ, что дешевле обойдется привезти что нибудь изъ Россіи, чѣмъ здѣсь пріобрѣсти. Ильинцы надѣются на патріарха, который держитъ ихъ сторону и на русскаго посла въ Турціи Нелидова. Но врядъ ли они, по сознанію ихъ же, смогутъ успѣть въ чемъ нибудь, такъ какъ Пантократорскіе монахи не хотятъ знать патріарха, а тѣмъ болѣе русскаго посла. Имъ можетъ и желаетъ помочь Турція, которая, по словамъ Ильинцевъ, ищетъ только повода проявить свою ненависть къ грекамъ, въ недавнее время обвинявшимъ русскихъ монаховъ въ тайномъ заговорѣ. Въ минувшую русско-турецкую войну греки опубликовали въ константинопольскихъ газетахъ, что русскіе иноки—заговорщики, что въ ихъ монастыряхъ цѣлые арсеналы и всѣ они собираются для совѣщаній въ Пантелеймоновскомъ монастырѣ подъ предсѣдательствомъ о. Іеронима, монастырскаго духовника. На Аѳонъ на военномъ пароходѣ прибылъ паша, осмотрѣлъ, перетрусилъ, но положительно ничего не нашелъ, и па-

столько былъ очарованъ о. Макаріемъ и престарѣлымъ духовникомъ, что, поѣхавши въ Константинополь, исхлопоталъ о. Макарію предъ султаномъ высокій орденъ *Меджидіе.* Но ильинцы не желаютъ сюда вмѣшивать Турцію, какъ нехристіанскую державу, а желали бы вмѣшательства Россіи, высказывая при этомъ сожалѣніе, зачѣмъ русскіе аѳонскіе монахи не воспользовались предложеніемъ бывшаго посла Игнатьева принять подданство Россіи. Говорятъ, сильно воспротивились предложенію Игнатьева Пантелеимоновцы.

Суббота. 9-е іюля. Звонъ колокольчика не будилъ меня, такъ какъ предусмотрительный о. Товія распорядился, чтобы въ наше отдѣленіе не ходилъ живой будильникъ. Не смотря на это, я все-таки не хорошо спалъ, хотя, повидимому, всѣ условія способствовали этому: прекрасный уютный номерокъ, чисто и даже роскошно постланная постель, отсутствіе мучительныхъ аѳонскихъ скипповъ, однообразный, убаюкивающій шумъ моря... Причиною этому — ненормальное состояніе желудка. Вообще желудокъ мой покамѣсть не мирится еще съ аѳонскою пищею: исключительное употребленіе растительный и рыбной пищи вредитъ моему желудку, въ особенности при употребленіи ея въ такомъ обильномъ количествѣ, въ какомъ, по необходимости, приходится употреблять ее.

Были на литургіи въ соборномъ храмѣ во имя св. пророка Иліи. Храмъ одно-купольный, но довольно просторный. Основаніе собора крестообразное, алтарь и клиросы полукруглые. Куполъ, алтарь и средняя часть церкви покрыты листовымъ оловомъ, притворъ же каменными плитками, добываемыми изъ мѣстнаго камня. Меня удивило здѣшнее пѣніе—совершенно на солдатскій манеръ; чуднѣе въ особенности было херувимское, гдѣ высокій, писклявый теноръ заливался на невозможно-высокихъ нотахъ; а ему вторилъ какой-то бородатый, довольно пожилой монахъ дискантомъ (не ноты дискантовыя пѣлъ, а дискантовымъ голосомъ). Я вспомнилъ, что этотъ скитъ малороссійскій и о. игуменъ

вчера говорилъ, что главный контингентъ монашествующихъ составляютъ бывшіе запорожцы—малороссы.—Послѣ литургіи прикладывались къ частицамъ мощей, изъ которыхъ значительнѣе—стопа св. ап. Андрея первозваннаго. Затѣмъ, прикладывались къ двумъ чудотворнымъ иконамъ: Божіей Матери и св. пророка Иліи. Изъ разсказовъ о. Товіи оказывается, что эти иконы сдѣлались недавно чудотворными. „Однажды, разсказывалъ о. Товія, мнѣ что-то не поздоровилось и я не пошелъ на вечерню. Сижу себѣ, да думаю Богъ знаетъ о чемъ, а въ церкви идетъ вечерня. Вдругъ вбѣгаетъ экклисіархъ и говоритъ въ испугѣ: батюшка! икона Божіей Матери видъ измѣнила. Я вскочилъ, со страхомъ и трепетомъ вошелъ въ церковь и что же? Половина лика Божіей Матери почернѣла и слезы текутъ. Я, во избѣжаніе смущенія братіи, распорядился никому объ этомъ тогда не говорить, а по окончаніи вечерни торжественно прочитанъ былъ предъ нею акаѳистъ, слезы мало по малу перестали течь и ликъ принялъ прежній видъ. Съ этихъ поръ мы установили ежегодно праздновать 17 февраля въ память этого чуда. Что за причина слезъ Божіей Матери, Царицы небесной, печально заключилъ о. Товія, Богу вѣдомо; думается, что плакала она о нашихъ грѣхахъ". Относительно другой иконы о. Товія разсказалъ слѣдующее: „икона эта висѣла въ архондарикѣ. Недавно я былъ въ Царьградѣ. Вдругъ получаю письмо, что эта икона часа два качалась на стѣнѣ изъ стороны въ сторону,—что видѣли многіе. Я пріѣхалъ, взялъ ее съ этого мѣста и поставилъ надъ жертвенникомъ. Такое качаніе иконы св. Иліи, по справедливому замѣчанію одного старца, указываетъ на предстоящее бѣдственное положеніе скита вслѣдствіе притѣсненія грековъ, которые нѣсколько времени будутъ качать нашею обителью". Меня удивилъ какъ самый фактъ, такъ и удачное поясненіе его. Право, не знаю, какъ смотрѣть на подобныя явленія. Вообще, на Аѳонѣ очень много чудеснаго: „по вѣрѣ вашей—будетъ вамъ"...

Изъ церкви мы пошли въ сопровожденіи о. Товіи для осмотра скита. Въ настоящее время скитъ хотя и не можетъ равняться по своему богатству и роскоши съ извѣстными и древними обителями Аѳона, тѣмъ не менѣе обстроенъ довольно удовлетворительно. Посрединѣ скита находится соборный храмъ во имя св. пророка Иліи. Съ правой стороны соборнаго храма находятся двѣ маленькія церкви или параклиса: Благовѣщенскій и во имя святителя Митрофана воронежскаго чудотворца. Внѣ монастыря къ западу, саженяхъ въ десяти отъ колокольни, которая устроена надъ главными воротами, построенъ двухъ-этажный корпусъ (какъ видно изъ надписи въ 1846 г.), въ которомъ находятся: два параклиса во имя архангела Михаила и во имя святителя и чудотворца Николая, а также больница для братіи и приходящихъ. Здѣсь же устроены еще три другихъ корпуса, въ которыхъ, кромѣ помѣщеній для братіи, находятся и разныя хозяйственныя службы, неподалеку отъ которыхъ устроена вѣтряная мельница, единственная на всемъ Аѳонѣ. — Показывая намъ прекрасно обстроенный скитъ, о. Товія задумывался о его будущемъ и высказывалъ намъ опасенія. Вѣдь пантократорцы завели уже судебный процессъ, который велся въ Константинополѣ и, къ сожалѣнію, ильинцы проиграли. Еще будетъ два судебныхъ процесса, неблагопріятный результатъ которыхъ будетъ рѣшительнымъ для существованія скита въ настоящемъ его видѣ. Трудно бороться тамъ, гдѣ царствуютъ сила и деньги, а не правда. Надежда на благопріятный исходъ все болѣе и болѣе удручаетъ ильинцевъ, такъ какъ, по словамъ о. Товіи, въ 30 годахъ при слабохарактерномъ и малоопытномъ игуменѣ Павлѣ во время происходившихъ несогласій между братіями, пантократорцы, воспользовавшись этимъ, отняли у скита нѣкоторые важные документы, напр.: султанскій фирманъ объ освобожденіи братіи скита отъ платежа *харача* (подушной подати), равно и отъ прочихъ денежныхъ взысканій, а съ нимъ вмѣстѣ и данный,

въ 1766 году, изъ Протата документъ, за подписью и печатью всѣхъ двадцати монастырей Аѳона, въ томъ, что они предоставляютъ братіи ильинскаго скита полную во всемъ свободу и независимость. Также отнято условіе, заключенное монастыремъ Пантократоромъ со старцемъ Аѳанасіемъ (1798 г.) о выдѣленіи скиту изъ монастырской земли отдѣльнаго участка. Вмѣстѣ съ этими документами отнято и много другихъ, такъ что пантократорцы юридически всегда будутъ правы. Признаюсь, слишкомъ непріятное впечатлѣніе производили на меня разсказы о подобныхъ тяжбахъ, о такой борьбѣ за существованіе и гдѣ же это? На св. горѣ, гдѣ, кажется, должны бы быть устранены всякія мірскія, житейскія дѣла. Не возлагая въ данномъ случаѣ вины исключительно на грековъ, я позволю себѣ только спросить: не виновны-ли въ данномъ случаѣ и сами ильинцы? Не обнаруживается-ли въ нихъ подъ часъ ихъ вольный, козацкій духъ? Тѣмъ болѣе, что исторія говоритъ о возникавшихъ иногда несогласіяхъ между самими же ильинцами.

Съ чувствомъ грусти разстался я съ ильинскимъ скитомъ. На прощаніе добрѣйшій о. Товія благословилъ насъ иконою св. Иліи и удостоилъ меня своею фотографическою карточкою. Въ четыре часа мы оставили уютный скитъ. Путь нашъ теперь лежалъ въ Иверъ, а оттуда въ келью св. Артемія, гдѣ мы предполагали ночевать, такъ какъ это русская келья. Вообще мы избѣгаемъ ночлега у грековъ, у которыхъ чувствуется, почему-то неловко. Отъ ильинскаго скита до Ивера разстоянія 1½ часа. Путь былъ слишкомъ томителенъ отъ чрезмѣрной жары. Вблизи Ивера насъ нагналъ на мулѣ какой-то почтенный монахъ. О. Діонисій, нашъ чичероне, вступилъ съ нимъ въ разговоръ, который они вели на греческомъ языкѣ. Между прочимъ, что болѣе всего удивило насъ, онъ заговаривалъ и съ нами на довольно чистомъ русскомъ нарѣчіи, даже литературномъ. Мы и не догадывались, что это за личность; думали — простой, обыкновенный монахъ. Между тѣмъ оказалось, что

это одинъ изъ главныхъ старцевъ Иверскаго монастыря, одинъ изъ эпитроповъ. Онъ приглашалъ насъ зайти къ нему. Распорядившись, чтобы намъ показали святыни монастырскія, онъ оставилъ насъ, прося по осмотрѣ зайти къ нему. Иверъ, какъ гласитъ мой „Путеводитель по св. Аѳонской горѣ“ (1875 г.), основанъ въ исходѣ X вѣка царственными иноками: Іоанномъ, Евѳиміемъ, сыномъ его, и родственнымъ имъ Георгіемъ. Всѣ они происходили изъ династіи Грузинской — изъ рода Багратіановъ, въ области Таосской. Малая Иверская обитель вначалѣ посвящена была св. Іоанну Предтечѣ. Но потомъ при Торникіи, также Грузинскаго происхожденія, знаменитомъ полководцѣ греческомъ, монастырь этотъ былъ распространенъ и возвеличенъ до настоящаго его вида, и соборный храмъ устроенъ въ честь успенія Божіей Матери. Въ послѣдствіи времени, обитель Иверская прославлена была явленіемъ чудотворной иконы Богоматери, именуемой Вратарницею (Πορτιάτησσα). Икона эта, во время иконоборческихъ смутъ при императорѣ Ѳеофилѣ, брошена была въ море, въ Никеѣ, одною благочестивою женою, не желавшею выдать ее изувѣрству иконоборцевъ. Сынъ этой жены удалился на Аѳонъ и разсказалъ объ иконѣ братіи, у которыхъ сохранился разсказъ о ней въ преданіи. Послѣ двухвѣковаго пребыванія въ глубинѣ моря, икона съ необыкновеннымъ свѣтомъ всплыла на поверхность его и, по откровенію свыше, была перенесена, сначала въ церковь Иверской обители, потомъ, чудесно, найдена стоящею надъ вратами ея, гдѣ и донынѣ пребываетъ въ устроенномъ здѣсь храмѣ [1]). Сюда мы прежде всего и перешли. Иверская Божія Матерь поражаетъ своимъ грознымъ выраженіемъ, что еще рельефнѣе выражается въ сумракѣ небольшаго храма, при слабо мерцающемъ свѣтѣ нѣсколькихъ свѣчей. На лицѣ ея видны слѣды запекшейся

---

[1]) Барскій. 591.

крови и рана, которую нанесъ ей варваръ-разбойникъ, ставшій потомъ замѣчательнымъ подвижникомъ этого монастыря. Вся икона обвѣшана различными драгоцѣнностями. Нѣсколько южнѣе отъ церкви Вратарницы находится соборъ — огромное и массивное зданіе. Соборъ этотъ имѣетъ на западной сторонѣ сквозную галлерею, которая утверждается на 14 мраморныхъ колоннахъ. При входѣ въ храмъ вы поражаетесь пестротою живописи. Иконопись такъ блеститъ красками и золотомъ, что получаетъ скорѣе характеръ простаго украшенія, а не образцовъ церковнаго изящества. Здѣсь мы поклонились частицамъ мощей, которыхъ очень много. Такъ, есть части мощей св. Василія Великаго, св. Іоанна Златоустаго, св. апостола Петра, св. евангел. Луки, св. Аѳанасія Великаго и много другихъ. Есть также части хламиды, губы и трости, чрезъ которыя поруганъ былъ Господь отъ іудеевъ.

По обозрѣніи монастыря, мы зашли къ нашему знакомому монаху, который оказался архимандритомъ Мелетіемъ. О. Мелетій, очень умный и знающій человѣкъ. Онъ знаетъ порусски потому, что давно еще—въ 40-хъ годахъ жилъ въ Москвѣ въ Иверскомъ подворьи. Будучи монахомъ, онъ посѣщалъ лекціи въ Университетѣ, гдѣ слушалъ Грановскаго, Шевырева, Соловьева и другихъ профессоровъ. Къ великому моему удовольствію я замѣтилъ у него на столѣ сочиненія Пушкина, Лермонтова и Кольцова. При этомъ онъ съ воодушевленіемъ продекламировалъ наизустъ нѣсколько стихотвореній Пушкина и Кольцова. Довольно долго длилась наша бесѣда, во время которой угощали насъ кофе и другими пряностями, по восточному обычаю.

Въ настоящее время въ Иверѣ гоститъ Профессоръ С.-Петербургскаго Университета А. Цугарелли для изслѣдованія документовъ по такъ называемому Иверскому дѣлу. Дѣло это возникло или возгорѣлось по самому ничтожному поводу, какъ передавалъ мнѣ о. Товія. Иверъ—собственно Грузинскій монастырь, какъ и само названіе его показы-

ваетъ. Затѣмъ, онъ былъ захваченъ въ свои руки греками, которые вытѣснили отсюда грузинъ. Грузины поселились недалеко отъ монастыря въ кельѣ, которая и называется „грузинскою“. Грузины пожелали построить въ своей церкви куполъ, а иверцы не позволили. Взволновались грузины, видя такую несправедливость, и рѣшились повести дѣло: они хотятъ документально доказать свои права на владѣніе монастыремъ. Неизвѣстно, чѣмъ все это кончится. Но опять... борьба, распри, несогласія... и гдѣ же? Признаюсь, я просто страдаю, и возмущаюсь до глубины души, что св. гора омрачается мірскими страстями...

Часовъ въ 7 мы выѣхали изъ Ивера. Солнце было на закатѣ. Долго-долго любовались мы Иверомъ, расположеннымъ при самомъ морѣ, которое здѣсь рѣдко бываетъ спокойно. Монастырь совнѣ представляется крѣпостію. Его крѣпкія, каменныя стѣны служили когда то оплотомъ отъ вражескихъ нападеній, хотя въ настоящее время достаточно двухъ-трехъ крупповскихъ пушекъ, чтобы его разгромили въ четверть часа. Надъ всѣмъ Иверомъ высится огромная пирга или башня. Эти пирги есть во всѣхъ древнихъ греческихъ монастыряхъ. Назначеніе ихъ состояло въ томъ, чтобы спасаться въ нихъ при нападеніи пиратовъ или вообще враговъ. Въ эти башни запирались иноки и подступающихъ варваровъ или обливали кипяткомъ или же убивали каменьями, бросаемыми чрезъ особо приспособленныя для этого отверстія, которыя и теперь видны.

На берегу моря, близъ монастыря, обозначено мѣсто нѣсколькими кельями и церковью въ честь Богоматери, гдѣ Ея святая икона была принята съ моря отшельникомъ инокомъ Гавріиломъ. Вблизи Иверской обители полагаютъ пристань Климентову, гдѣ, по преданію, Пресвятая Дѣва Богоматерь, по прибытіи съ корабля къ святой горѣ, вступила на Аѳонскій берегъ.

Путь нашъ теперь лежалъ по взморью почти до самой кельи св. Артемія, гдѣ предполагался ночлегъ. Благо-

даря отсутствію жары путь былъ не слишкомъ утомителенъ, хотя приходилось взлѣзать на страшныя крутизны и спускаться со страшныхъ стремнинъ, такъ что просто волосы дыбомъ становились; ожидаешь, вотъ-вотъ мулъ скользнетъ и ты очутишься на днѣ бездны. А мулъ спокойно идетъ тропинкою надъ самою бездною. Незамѣтно чрезъ 1½ часа мы доѣхали до кельи св. Артемія. Все время отъ Ивера до Артемьевской кельи мы провели въ пріятныхъ разговорахъ, даже шутили надъ нашимъ чичероне, добрѣйшимъ о. Діонисіемъ. Онъ обыкновенно замыкалъ наше шествіе, но мы старались держать его въ серединѣ для удобства бесѣды.

Вдругъ слышимъ какіе-то отчаянные крики... оборачиваемся и нашимъ глазамъ представляется картина: оселъ силится встать съ земли, а о. Діонисій, лѣвая нога котораго притиснута къ землѣ, страшно кричитъ и притомъ не на осла, а на проводника болгарина, призывая его на помощь: „бре Григорій, ела-тука!“ (это по-болгарски; по-русски значитъ: Григорій! иди сюда). На силу поднялся оселъ при энергическомъ содѣйствіи Григорія. „Искушеніе, настоящее искушеніе! Это бѣсовское навожденіе, истинно бѣсовское!“ Было уже довольно поздно—около 9-ти часовъ вечера, когда мы пріѣхали къ кельѣ о. Артемія. Насъ приняли здѣсь очень радушно. Кельею завѣдуютъ два родныхъ брата—оба іеромонахи: о. Парѳеній и о. Модестъ. Они собственно эпитропы, т. е. намѣстники, а самъ игуменъ Іоасафъ переселился на время въ Палестину на берега Іордана и тамъ тоже построилъ келью и гостинницу для паломниковъ. Келья находится въ вѣдѣніи Лавры св. Аѳанасія и содержится прекрасно; при ней живетъ до 20 иноковъ, по разсказамъ братій, между ними и лаврскими иноками—греками существуютъ добрыя отношенія. Такъ лаврскіе иноки позволили имъ построить куполъ въ келліотской церкви, имѣть колокола, даютъ дрова.

Воскресенье. 10-е іюля. Молдавскій скитъ. Келья св. Артемія находится на восточномъ склонѣ св. горы. Она расположена на довольно высокомъ холмѣ, отъ моря находится на разстояніи 20 минутъ. Мѣстоположеніе кельи прекрасное и виды очень богатые. Только западъ заслоненъ отчасти сосѣдними высотами, а съ другихъ сторонъ горизонтъ широкъ: на востокъ—красуется море во всемъ своемъ величіи; изъ бездны архипелагскихъ водъ встаютъ величественные острова Тассо и Самоѳраки; къ югу—высится величественный Аѳонъ, находящійся отсюда не слишкомъ далеко; къ сѣверу—открывается видъ на цѣлый рядъ живописно расположенныхъ келій, на Корею, Андреевскій скитъ... Вообще, это такая келья, что ей можетъ позавидовать любой скитъ. Здѣсь кстати сдѣлать замѣчаніе объ аѳонскихъ кельяхъ отдѣльныхъ отъ монастырей, но находящихся въ зависимости отъ нихъ, потому что каждая келья подчинена какому-нибудь монастырю.

Съ словомъ „келья“ мы обыкновенно соединяемъ понятіе объ одной комнатѣ, въ которой спасается какой-нибудь отшельникъ. Аѳонскую же келью нужно понимать нѣсколько иначе. Здѣсь одна комната (пусть будетъ это даже шалашъ гдѣ нибудь подъ камнемъ), составляющая помѣщеніе и спальню инока, или что тоже наша келья, называется „кавья“. Келья же это цѣлый домъ съ церковью одною или даже двумя, со всѣми хозяйственными принадлежностями. Она вмѣщаетъ въ себѣ нѣсколько братій. Поэтому кельи, составляя какъ бы родъ дачи, расположены при такихъ мѣстахъ, которыя представляютъ удобства для жизни, т. е. гдѣ есть хорошая вода, чистый воздухъ, много растительности, орѣховыя рощи... Правда, есть тутъ много келій безъ этихъ удобствъ, но они называются „каливами“ и пріобрѣтаются знаменитыми отшельниками, умершими для сей жизни и готовящимися къ будущей. Кельи пріобрѣтаются покупкою у монастырей и цѣнятся смотря по удобствамъ. Келья Св. Артемія пріобрѣтена за тысячу рублей, но теперь

братья не продадутъ ее и за 30 тысячъ. Кельи платятъ небольшую дань монастырю, отъ котораго зависятъ. Артемьевская келья записана на трехъ келіотовъ (хотя теперь живетъ 20) и платитъ около 25 рублей въ годъ. При добрыхъ отношеніяхъ келіоты съ благословенія настоятеля монастыря пользуются лѣсомъ для топлива и построекъ. Кельи переходятъ по завѣщанію большею частью къ ученикамъ. Келіоты живутъ трудами рукъ своихъ: воздѣлываютъ виноградники, продаютъ орѣхи, маслины, смоквы, лимоны, апельсины... Вообще келіотская жизнь представляетъ самый лучшій видъ монастырской жизни,—не даромъ она и называется „царскою". Келья св. Артемія по справедливости можетъ считаться одною изъ первыхъ аѳонскихъ келій. Быть можетъ, со временемъ, она превратится въ скитъ, если греки позволятъ.

Пообѣдавши прекрасно, мы въ часа три по полудни выѣхали отсюда, предполагая ночевать въ Молдавскомъ скиту, отстоящемъ отсюда на пятичасовомъ разстояніи, но отнюдь не въ Лаврѣ — у грековъ, у которыхъ рѣшили никогда не ночевать. Сначала трудно было ѣхать, такъ какъ солнце сильно жгло и притомъ путь былъ слишкомъ ухабистый, а потому чрезвычайно утомительный. Часа чрезъ два мы достигли *Источника Божіей Матери*. Происхожденіе этого источника, какъ гласитъ преданіе, современно устроенію Лавры св. Аѳанасіемъ (X в.). Преданіе это слѣдующее: вслѣдствіе страшнаго неурожая и голода вся братія тогда только отстроивавшейся Лавры св. Аѳанасія разбрелась на поиски о насущномъ. Одинъ Аѳанасій остался. Но наконецъ и онъ рѣшилъ оставить Лавру и направился къ Кареѣ. Въ этомъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь источникъ, явилась вдругъ предъ нимъ прекрасная женщина, присутствію которой онъ очень удивился, такъ какъ женская нога никогда не ступала на Аѳонъ. „Кто ты"? спросилъ св. Аѳанасій.—Я—Матерь Господа твоего, отвѣчала она. При этомъ она упрекнула его въ маловѣріи, убѣждая возвратиться въ обитель, домо-

строительницею которой она пребудетъ навсегда. Для удостовѣренія же въ ея Божественной личности она повелѣла колеблющемуся Аѳанасію ударять жезломъ о скалу. Аѳанасій ударилъ. Камень разщелился и изъ трещины его выбѣжалъ шумный потокъ воды, который и теперь течетъ [1]). Источникъ находится въ живописномъ мѣстѣ: чрезъ густую чащу каштановыхъ и коморневыхъ деревьевъ свѣтлѣется море; надъ самымъ источникомъ нависли скалы, покрытыя роскошною растительностью, дающею прохладу и тѣнь водамъ источника. У самаго источника устроена открытая галлерея для отдыха путешественниковъ. Но она слишкомъ ветха и вотъ-вотъ скоро рушится. Вся она испещрена фамиліями паломниковъ, пившихъ или купавшихся въ цѣлительныхъ водахъ источника. Мы тоже не преминули чернымъ углемъ написать свои фамиліи, которыя, конечно, скоро сотрутся, такъ какъ за неимѣніемъ свободнаго мѣста фамиліи на фамиліяхъ пишутся, да притомъ сама галлерея скоро рухнетъ. Въ память явленія Божіей Матери здѣсь воздвигнута небольшая церковь; предъ иконою, изображающею это событіе, постоянно теплится лампада. Мы здѣсь громогласно купно съ о. Діонисіемъ пропѣли „Достойно есть" входное. Затѣмъ, долго любовались и дивились разщепленной скалѣ, откуда струится чистая, какъ кристаллъ, вода. Послѣ всего этого мы порѣшили искупаться въ цѣлительномъ источникѣ. Здѣсь нѣтъ бассейна, но вода течетъ съ возвышенія, какъ въ мельницахъ. Раздѣвшись, мы стали подъ жолобокъ и охлаждались живительными струями. Вода чрезвычайно холодна, такъ что болѣе 5 секундъ за разъ нельзя выстоять подъ жолобкомъ. Освѣжившись у источника, мы легко и весело продолжали путь къ Молдавскому скиту. Дорога, благодаря усердію Лавры, вымощена хорошо: въ воздухѣ прохладно, три часа разстоянія отъ источника къ Молдавскому скиту прошли незамѣтно.

---

[1]) Барскій, 2 т. 546 с.

Въ 9-мъ часу вечера мы проѣзжали мимо Лавры св. Аѳанасія, но въ самую лавру не заѣзжали, спѣша на ночлегъ въ Молдавскій скитъ, такъ какъ уже смерклось; посѣщеніе лавры оставили на возвратный путь. Отъ Лавры до Молдавскаго скита всего часъ ходу. Не доѣзжая скита, мы всѣ восхищались картиною восхода лучей изъ за горизонта морскаго. Картина была настолько поражающею, что мы были внѣ себя, наслаждаясь прекраснымъ явленіемъ природы. Было уже поздно, когда мы подъѣхали къ запертой портѣ скита; портарь впустилъ насъ и позаботился о мулахъ. Мы пошли въ архондарикъ. Архондарикъ имѣетъ вполнѣ молдавскій характеръ и отличается отъ русскихъ и греческихъ,—именно, здѣсь диваны высокіе и длинные и покрыты отличными коврами ручной работы, стѣны обвѣшены портретами румынской королевской четы, румынскихъ вождей и картинами изъ бывшей войны русско-турецкой, въ которой принимали участіе и румыны, при чемъ, конечно, румыны вездѣ выставлены на первомъ планѣ. Здѣсь также есть портреты нашего покойнаго императора и нынѣ царствующаго. Насъ встрѣтили въ архондарикѣ добродушнѣйшіе молдавскіе старцы, которые сильно возрадовались, когда я съ ними завелъ бесѣду на ихъ языкѣ, который я нѣсколько знаю.

Молдавскій скитъ расположенъ почти что по голой скалѣ. Мѣстоположеніе его не слишкомъ удобное, такъ какъ онъ не имѣетъ тѣни, которая хотя нѣсколько укрывала бы его отъ палящихъ лучей солнца, и потому здѣсь страшная жара, подобной которой я еще не встрѣчалъ на Аѳонѣ. Этотъ скитъ новый,—основанъ въ 1852 году. Онъ уже обладаетъ чудотворною иконою Божьей Матери, называемой „Самописанною". Объ этой иконѣ здѣсь мнѣ разсказывали слѣдующее. Одинъ живописецъ въ Румыніи долгое время писалъ эту икону, притомъ писалъ съ постомъ и молитвою; но какъ онъ ни трудился, ни какъ не могъ докончить ея, собственно ликъ Богоматери не удавался ему. Онъ уже чуть было не

отчаялся въ успѣхѣ. Вдругъ въ одно время этотъ живописецъ, придя, быть можетъ, въ сотый разъ оканчивать икону, увидѣлъ ее оконченною. Не было предѣловъ радости его. Сейчасъ оповѣстилъ онъ, кого слѣдуетъ, о самописанной иконѣ. Эту икону я видѣлъ и молился предъ ней. Дѣйствительно, икона прекрасная. Монахи говорили, что никакимъ образомъ не удается никому снять копію съ нея; сколько ни старались даже лучшіе живописцы, копія всегда выходила неудачною. Послѣ завтра, 12 іюля, праздникъ этой самописанной иконы, такъ что мы можемъ побывать и на праздникѣ.

Изъ разговоровъ съ здѣшними иноками я узналъ, что въ скиту около 13 лѣтъ идетъ сильная внутренняя вражда между своими же: волохи возстали на молдаванъ, желаютъ господствовать въ скиту, имѣть игуменомъ волоха и перемѣнить названіе скита, чтобы онъ назывался не молдавскимъ, а, если не волошскимъ, то непремѣнно румынскимъ. Этотъ скитъ—киновія. Игуменомъ былъ нѣкто о. Нифонтъ молдаванинъ. Онъ имѣлъ ученика Даміана волоха. Этотъ ученикъ возсталъ на своего учителя, присталъ къ сильнѣйшей волошской партіи и его избрали игуменомъ. Теперь, собственно говоря, два игумена. Старикъ о. Нифонтъ, видя такіе раздоры и считая себя причиною возникновенія ихъ, удалился въ сосѣднюю пещеру, гдѣ и спасается вдали отъ треволненій, несовмѣстимыхъ съ монашескою жизнью. Такіе раздоры сильно надоѣли братіи, въ особенности низшей, тѣмъ болѣе, что эти распри наносятъ вредъ скиту въ матеріальномъ отношеніи и подрываютъ нравственный авторитетъ его; при этомъ эти несогласія даютъ поводъ грекамъ вмѣшиваться во внутреннія дѣла скита. Поэтому братія съ нетерпѣніемъ ждетъ того дня, когда дѣло ихъ окончательно рѣшится въ протатѣ. Молдавскій скитъ находится въ зависимости отъ Лавры.

Завтра имѣемъ взбираться на вершину Аѳона. Изъ этого скита дается опытный монахъ, знающій дорогу, т. е.

умѣющій собственно оріентироваться среди множества горныхъ тропинокъ. Завтра предполагаемъ отправиться въ 6 часовъ утра. Поэтому, поужинавши, мы скоро легли спать. Но я долго не могъ уснуть, такъ какъ скнипы или аѳонскіе комары положительно не давали спать; укрываться одѣяломъ нельзя вслѣдствіе страшной духоты. Наконецъ, сонъ таки взялъ свое и я уснулъ съ мыслью о предстоящемъ подвигѣ.

Понедѣльникъ 11 іюля. Наконецъ сегодня я совершилъ замѣчательный подвигъ восхожденія на вершину Аѳона. Восхожденіе на Аѳонъ считается подвигомъ не малымъ, такъ какъ сопряжено съ значительными трудностями и опасностями. Всѣ паломники ставятъ себѣ непремѣнною цѣлью совершить этотъ подвигъ т. е. побывать на вершинѣ Аѳона, потому что безъ этого путешествіе по аѳонской горѣ считается недоконченнымъ, или даже вовсе несовершеннымъ: „кто не былъ на вершинѣ Аѳона, тотъ все равно, что не былъ на св. Аѳонѣ, хотя бы онъ избороздилъ его вдоль и поперекъ", такъ обыкновенно говорятъ. Путешествіе на вершину Аѳона завершаетъ путешествіе по аѳонской горѣ. Отсюда орлинымъ взоромъ заразъ осматриваешь весь Аѳонъ, который виденъ какъ на ладони, и такимъ образомъ объединяются всѣ впечатлѣнія твоего путешествія.

Лишь только подъ утро сегодня я прекрасно уснулъ послѣ безпокойно проведенной ночи вслѣдствіе удушливой духоты и кусанія скнипов, какъ о. Діонисій разбудилъ меня. Не хотѣлось мнѣ вставать, но нужно было, такъ какъ самоваръ на столѣ уже шипѣлъ, мулы были готовы, все приготовлено было, а я не желалъ служить задержкою, тѣмъ болѣе, что виновникомъ всѣхъ этихъ приготовленій, этихъ хлопотъ былъ я. День обѣщалъ быть прекраснымъ; ни одного облачка не было видно въ воздушномъ пространствѣ. А такое время самое удобное для восхожденія на гору,

потому что, при отсутствіи облаковъ, широта горизонта необъятна и потому можно насладиться прекрасными видами, а съ другой стороны въ непогодь и опасно путешествовать, рискуя простудиться или же быть убитымъ молніей. Въ 7 часовъ мы, напутствуемые радушіемъ добрыхъ скитниковъ, отправились въ высь Аѳона. Кортежъ нашъ состоялъ изъ пяти человѣкъ: двухъ путешественниковъ и трехъ проводниковъ, — проводниковъ больше, чѣмъ путешествующихъ, — что свидѣтельствуетъ объ опасностяхъ пути. Отъ самаго Молдавскаго скита мы начали подыматься въ гору по чрезвычайно ухабистой тропинкѣ, такъ что мулы перепрыгивали съ камня на камень какъ козы. Вотъ мы перевалили черезъ одинъ кряжъ горъ; тропинка пошла въ уровень съ этимъ кряжемъ, но у подножія другихъ болѣе высокихъ скалъ и по вершинѣ скалъ, круто опускающихся въ воды Монте-Санто. Картины мѣнялись сообразно съ восхожденіемъ на высшую точку. Такъ, перешагнувши первый кряжъ горъ, мы наслаждались другою картиною, чѣмъ по ту сторону кряжа: здѣсь не воды Архипелага, на которыхъ виднѣются исполинскіе Тассо, Самоѳраки, а вода залива св. горы; вдали виднѣется множество маленькихъ островов, изъ которыхъ мой провожатый молдаванинъ — о. Христофоръ назвалъ два принадлежащіе лаврѣ: Юра и Пиперь (это, должно быть, мѣстное названіе этихъ острововъ). Вотъ какая-то тропинка идетъ въ сторону отъ нашей. Она ведетъ въ пещеру или келью св. Петра аѳонскаго, перваго пустынножителя. Эта келья находится надъ крутымъ обрывомъ. Говорятъ, что пещера, гдѣ подвизался св. Петръ (X в.) даже до сего времени не утратила своего первобытнаго значенія и вида; но съ половины нынѣшняго столѣтія входъ въ пещеру заложенъ камнями, такъ что внутренность ея можно съ трудомъ разсмотрѣть чрезъ маленькое отверстіе. Къ закрытію входа послужило то, что нѣкоторые подвижники, не укрѣпившись еще въ подвигахъ, но ревнуя о подражаніи св. Петру, оставались здѣсь; но

вскорѣ отъ холода и сырости у нихъ зубы выпадали, волосы вылѣзали—они сильно заболѣвали и умирали,— что и заставило лаврское начальство заложить ея входъ. Не вдали отъ пещеры находится убогая, но съ церковью, келья. Церковь посвящена св. Петру; тамъ теперь спасаются два грека. Около полутора часа мы ѣхали по сравнительно торной тропинкѣ, не подымаясь въ гору. Но вотъ тропинка поварачиваетъ прямо на гору. По примѣру о. Христофора мы перекрестились, такъ какъ, по его словамъ, путь здѣсь очень труденъ и опасенъ. Дѣйствительно, мы взбирались по такимъ стремнинамъ и крутизнамъ, висѣли надъ такими безднами, что просто и теперь дрожь охватываетъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ видны массивные отвалы скалъ, отторгнутые землетрясеніемъ или отвалившіеся силою собственной тяжести, но все еще не твердо установившіеся, а ждутъ лишь малѣйшаго повода, чтобы дальше полетѣть къ морю и на своемъ пути произвести страшное опустошеніе. Между тѣмъ въ такихъ страшныхъ мѣстахъ живутъ отшельники. По пути на гору видно много келій ихъ, расположенныхъ на такихъ неприступныхъ скалахъ. Около трехъ съ половиною часовъ взбирались мы вверхъ, пока не достигли кельи Божіей Матери, расположенной у подножія вершины среди рѣдкихъ сосенъ. До этой только кельи возможна ѣзда на мулахъ, а дальше взбираться на вершину нужно пѣшкомъ, потому что мулы не въ состояніи карабкаться. Эта келья называется кельею Богородицы потому, что, какъ преданіе говоритъ, здѣсь отдыхала Матерь Божія при восхожденіи на вершину Аѳона. Мы здѣсь остановились для отдыха, такъ какъ порядочно измучились, а въ особенности бѣдные мулы, совершенно облившіеся своимъ потомъ. Не вдали отъ кельи насъ встрѣтило стадо пугливыхъ козловъ (но не козъ, такъ какъ и животнымъ женскаго рода не позволяется пребывать въ предѣлахъ дѣвственнаго Аѳона). Припомнилось мнѣ при этомъ, что подобную встрѣчу съ козлами имѣлъ и извѣстный Барскій

при восхожденіи на гору, но онъ принялъ ихъ за демоновъ. „Се вижду вышше себе, пишетъ онъ, козлищи дикія черныя, и ужасно на мене зрящія, и убояхся до зѣла, и начахъ молитву творити, не мнихъ бо быти козлища, но демоны, понеже сицевымъ подобіемъ изображаютъ ихъ живописцы, писцы, послѣди же помыслихъ о козлищахъ“ [1])... Келья Богородицы представляетъ прекрасное мѣсто для отдохновенія. Кромѣ маленькой церкви, построенной неизвѣстно когда и кѣмъ, но, надо сказать, весьма запущенной и бѣдной, здѣсь недавно отстроены двѣ палаты. Эти палаты, какъ говорятъ мои проводники, устроены патмосскимъ епископомъ Амфилохіемъ, котораго я видалъ въ Руссикѣ. Здѣсь мы рѣшили подкрѣпиться и отдохнуть, чтобы приготовить себя къ дальнѣйшему подвигу. Подкрѣпленіе вышло порядочное: тутъ были и ракй, и вино, и ромъ, и сельди, и селедки, и маринованные раки, и икра, и маслины, и огурцы, и лукъ... и что угодно. Всѣмъ этимъ насъ снабдили изъ Молдавскаго скита. Послѣ маленькаго отдыха мы направили стопы свои на вершину горы, которая высилась надъ нами. Два часа дня. Жара невыносимая; солнце немилосердно жжетъ. Дорожка обозначалась только истертыми ногами богомольцевъ мраморными камешками, по которымъ то и дѣло скользишь. Ко всѣмъ трудностямъ пути присоединилась еще страшная жажда послѣ соленыхъ кушаній: во рту сухо, такъ что слово съ трудомъ вымолвишь. Поэтому мы все спѣшили на вершину, узнавши, что тамъ есть источникъ. Наконецъ достигли цѣли. Я первый ступилъ на темя Аѳона. Темя Аѳона чрезвычайно мало, такъ что маленькая церковь, построенная здѣсь, почти занимаетъ все пространство. Первое, что сдѣлали мы по приходѣ на вершину, — это перемѣнили бѣлье, такъ какъ

---

[1]) Пѣшеходца В. Г. Барскаго Путешествіе къ святымъ мѣстамъ. Изд. 1785 г. 2 томъ 542 стр.

мы положительно были мокрые отъ жары. Затѣмъ я сѣлъ надъ водоемомъ и за-разъ выпилъ кружекъ 10 воды. О, какая прекрасная вода! Быть можетъ, она только казалась такою; но мнѣ все равно: я съ-роду не пивалъ такой воды. Пришедши въ себя, я началъ наслаждаться видами, открывающимися съ вершины двухверстнаго Аѳона. Весь Аѳонъ—какъ на ладони! Весь Аѳонъ представлялъ картину и притомъ картину единственную въ своемъ родѣ. Горы, показавшіяся такими высокими при переѣздахъ, представлялись маленькими холмами, покрытыми зеленью. Видны почти всѣ монастыри, скиты и даже кельи, за исключеніемъ находящихся въ ложбинахъ, но только въ миніатюрномъ видѣ; причемъ, какъ на географической картѣ, важные пункты обозначаются крупнѣе, чѣмъ маловажныя; такъ и въ данномъ случаѣ, на этой картѣ Аѳона, монастыри обозначались крупными пятнами, а кельи—маленькими точками. Вотъ вижу Руссикъ, представляющійся въ видѣ бѣлаго пятна; вотъ Андреевскій скитъ, Карея, Иверъ; вижу даже Артемьевскую келью. По обѣимъ сторонамъ видны обширныя воды Архипелага и Монте-Санто съ находящимися на нихъ островами и полуостровами. Изъ полуденнаго сумрака встаютъ острова: Тассо, Самоѳраки, Имбро, Лемносъ и множество другихъ острововъ, названія которыхъ я не знаю. Вотъ „Лонюсъ" или „Сика" — второй мысъ Балканскаго полуострова (первый—Аѳонъ), Кассандра, Олимпъ... Горизонтъ, видимый отсюда, въ высшей степени широкъ; но полуденный сумракъ не позволяетъ видѣть настолько, насколько горизонтъ простирается. Говорятъ, что въ ясный день отсюда бываетъ виденъ Константинополь, находящійся отсюда на разстояніи двухъ морей.

Съ южной стороны Аѳонъ страшно обрывистъ и образуетъ бездонную пропасть. Этою-то пропастью и отдѣляется Диѳонъ, или маленькій Аѳоненокъ отъ большаго Аѳона. „Скромный Диѳонъ, или, по русски Аѳоненокъ, прекрасно говоритъ Святогорецъ въ письмахъ объ Аѳонѣ, силился

прижаться къ своему дѣдушкѣ-исполину, къ своему величественному Аѳону; но эта строгая бездна оттолкнула его, и онъ недоступною своею вершиною уклонился къ святогорскому хребту и составляетъ его отвѣсный наконечникъ. Повидимому Діоонъ и Аѳонъ были когда-то въ неразрывной связи между собою; но тряхнули всею горою подземные волканическіе перекаты, и могучій Аѳонъ треснулъ, отшатнулся отъ полуострова и составляетъ теперь какъ бы отдѣльную часть, какъ бы священный вѣнецъ его, примкнувшись къ нему только гранитною пятою". Прекрасно на вершинѣ горы! Чувствуешь себя выше всего земнаго, близко къ небесамъ! Свѣжій вѣтерокъ повѣваетъ и даже чувствуется холодновато, не смотря на то, что я былъ одѣтъ въ власяницу. Насмотрѣвшись вдоволь, мы вошли въ церковь, гдѣ пропѣли: „Богородице Дѣво, радуйся". Церковь маленькая, на подобіе церквей у цѣлительнаго источника и въ кельѣ Богородицы. Въ храмѣ нѣтъ ни оконъ, ни дверей; все это уничтожила молнія; даже двѣ иконостасныя иконы, литыя изъ желтой мѣди, и тѣ пробиты въ нѣсколькихъ мѣстахъ молніей. Она посвящена во имя Преображенія Господня. Къ этому дню, если только погода благопріятствуетъ, изъ Лавры, въ вѣдѣніи которой она находится, приносится антиминсъ и всѣ богослужебныя принадлежности и совершается богослуженіе при большомъ стеченіи богомольцевъ, нарочно прибывающихъ къ этому дню.

Осмотрѣвши все, мы присѣли, чтобы одохнуть и съ Божьей помощью—въ обратный путь. Только что мы присѣли, передавая другъ другу впечатлѣнія по поводу видѣннаго, какъ точно изъ земли явился какой-то человѣкъ въ изодранной монашеской одеждѣ, усталый, измученный, съ большимъ платкомъ въ рукахъ, наполненнымъ чѣмъ-то. Онъ оказался знакомымъ моему провожатому молдаванину, даже землякъ его—куцовлахъ. Я, умѣя говорить по-молдавски, сейчасъ вступилъ съ нимъ въ разговоръ. Оказалось, что онъ уже лѣтъ 10 изъ своей Валахіи и живетъ теперь

въ кавьѣ, въ скалѣ, однимъ словомъ онъ сиромаха, которыхъ много на Аѳонѣ. Съ самаго начала прибытія на Аѳонъ онъ занимается собираніемъ „неувядаемыхъ цвѣтовъ Божіей Матери“ и сбываетъ ихъ довольно выгодно по монастырямъ. Но, по разсказамъ его, собираніе этихъ цвѣтовъ сопряжено съ большою трудностію и рискомъ для жизни. Этотъ цвѣтокъ, можно сказать, есть произведеніе камней и растетъ въ ихъ трещинахъ. Поэтому, чтобы собрать его, нужно взбираться по страшнымъ стремнинамъ, перебираться черезъ страшныя пропасти на однихъ только ручныхъ мускулахъ, вися на нѣсколько тысячъ футовъ надъ зіяющею бездною отъ земли. Малѣйшее колебаніе, малѣйшій страхъ и все кончено—очутишься на днѣ бездны. Такіе случаи бываютъ очень часты съ собирателями цвѣтовъ: въ этомъ году покамѣстъ еще не было ни одного несчастнаго случая, но въ прошломъ ихъ было два. Этотъ куцовлахъ сильно опасается за жизнь свою; паденіе въ бездну главнымъ образомъ страшитъ его потому, что діаволъ возьметъ его душу, и такимъ образомъ онъ на вѣки погибнетъ, несмотря на такое богоугодное дѣло, какъ собираніе цвѣтовъ Божіей Матери. Діаволъ, по его словамъ, давно уже посягаетъ на его душу, потому что онъ замѣчаетъ, что когда лазитъ по стремнинамъ, то его что-то такъ и тянетъ въ бездну; отъ діавола онъ избавляется постомъ и молитвою: предъ каждою своею экскурсіей на вершину горы онъ дня два постится и молится, потомъ взбирается на гору для срыванія цвѣтовъ и живетъ здѣсь не больше 3-хъ дней. Долго здѣсь нельзя жить, такъ какъ здѣсь, преимущественно ночью, холодно и сыро и это отражается на здоровьѣ человѣка, что вполнѣ оправдалось на этомъ куцовлахѣ. Онъ изъ Валахіи пріѣхалъ такимъ цвѣтущимъ молодцемъ, а теперь изсохъ, какъ щепка. Онъ думаетъ скоро оставить этотъ выгодный, но опасный промыселъ. Настоящая экскурсія—пятая по числу въ это лѣто. Въ этомъ году урожай на цвѣты, такъ что за все это время онъ заработалъ около 3 лиръ т. е. около 30 рублей. Цвѣты

живо расходятся по рукамъ русскихъ богомольцевъ и болгаръ. Я купилъ у него на 1 рубль 25 миніатюрныхъ пучковъ. Этотъ цвѣтокъ, называемый еще „святогорскою незабудкою“, очень милъ, но малъ; листочки его—то красные, то бѣлые, и когда засохнутъ—точно атласные. Но во всякомъ случаѣ онъ не милѣе всѣхъ другихъ цвѣтовъ, какъ это старается показать Святогорецъ въ своемъ стихотвореніи „Святогорская Незабудка“:

Незабудка—милъ цвѣточекъ,
Роза—прелести полна;
Веселъ—нѣжный василечекъ,
Чудо—лилія скромна...

***

Но плѣнительнѣй и краше,
Этихъ всѣхъ цвѣтовъ милѣй
Скромный цвѣтъ пустыни нашей
И заоблачныхъ высей.

Вотъ какъ Святогорецъ превозноситъ незабудку, хотя въ сущности не вѣрно. Если превосходитъ она всѣ другіе прекрасные цвѣты, то развѣ только тѣмъ, что всѣ цвѣточки скоро вянутъ, разставаясь съ стебелькомъ, тогда какъ незабудка не вянетъ.

Наконецъ, надписавши и свое имя и взявши на память нѣсколько мраморныхъ камешковъ, мы, бросивъ послѣдній прощальный взглядъ съ вершины Аѳона на разстилавшуюся даль, начали спускаться. Солнце еще жгло; отъ раскаленныхъ мраморныхъ плитъ и камешковъ такъ и парило; подъ ногами мелкіе камешки то и дѣло скользили, вслѣдствіе чего не одинъ разъ пришлось падать и получать довольно сильные ушибы. Наконецъ, чрезъ три четверти часа мы благополучно достигли кельи Богородицы, гдѣ насъ ожидали отдохнувшіе мулы. Отдохнувши немного въ кельѣ, мы въ 6 часовъ по полудни отправились обратно тѣмъ же

путемъ. Спускаться со стремнинъ для муловъ труднѣе, чѣмъ подыматься, а для сѣдоковъ—гораздо опаснѣе, потому что можно перекинуться чрезъ шею. Но наши мулы благополучно свезли насъ. Когда мы выбрались на торную тропинку, то опять, по примѣру о. Христофора, перекрестились. Отсюда путь нашъ былъ очень пріятенъ, съ одной стороны—вслѣдствіе счастливо совершоннаго подвига, а съ другой—вечерняя прохлада содѣйствовала этому. Каждый изъ насъ былъ занятъ своимъ дѣломъ. Отцы на молдавскомъ языкѣ разсуждали о неурядицахъ въ Молдавскомъ скиту, а я, подъ вліяніемъ совершоннаго подвига, уносился мыслію въ минувшимъ судьбамъ Аѳона, его настоящему и будущему состоянію. Еще въ отдаленной языческой древности была эта гора знаменита и носила названіе *Аполлоніады*; это названіе дано было ей по Аполлонову капищу, находившемуся на ней и составлявшему предметъ языческаго почитанія. А ближе къ нашей христіанской эрѣ ее называли уже *Аѳосомъ* или *Аѳономъ*, по имени тоже какого-то языческаго прорицалища Аѳоса, къ которому язычники окрестныхъ странъ стекались для полученія отвѣтовъ оракула на вопросы, ихъ занимавшіе. „На темени Аѳона стояла статуя Зевеса, который назывался Ἄθῶς и отъ котораго вся эта гора, еще во время Троянской войны, почиталась высотою сего божества“ [1]). Аѳонъ когда-то игралъ большую роль въ политической жизни древняго человѣчества. Въ отдаленныя времена здѣсь былъ *Пентаполь* или Пятиградіе. Эти пять городовъ назывались слѣдующими именами: *Діонъ*, *Клеоны*, *Ѳиссосъ*, *Олофиксъ*, *Акроѳосъ*. Исчисленные города уже давно не существуютъ. Но есть слѣды ихъ. Преосвященный Порфирій, извѣстный изслѣдователь исторіи Аѳона, размѣщаетъ эти города слѣдующимъ образомъ: Городъ *Діонъ* находился тамъ, гдѣ нынѣ стоитъ монастырь Βατοπε-Δίον, въ названіи

---

[1]) Пр. Порфирій. Исторія Аѳона. Ч. I. 73 стр.

котораго слышится имя онаго города. *Клеоны* пріурочиваются къ тремъ смежнымъ мѣстностямъ на Аѳонѣ, именно къ Филоѳеевской, Милопотамской и Иверской,—къ тремъ, потому что названіе сего города въ множественномъ числѣ, что доказываетъ, что онъ былъ расположенъ на нѣсколькихъ смежныхъ мѣстахъ. *Ѳиссосъ* стоялъ близъ нынѣшняго монастыря Пандократорскаго. *Олофиксъ* помѣщался, вѣроятно, на береговой выси Аѳона подлѣ приморской башни Костамонитской обители. *Акроаѳосъ* стоялъ у вершины Аѳона, гдѣ и донынѣ замѣтны слѣды города [1]). Но помимо политическаго своего значенія Аѳонъ еще издревле славился какъ мѣсто уединенія нѣкоторыхъ греческихъ мудрецовъ, приходившихъ сюда для глубокихъ размышленій. Все это доказываетъ, что святая гора и въ отдаленныя отъ насъ вѣка язычества пользовалась особеннымъ уваженіемъ и славою, какъ по своимъ прорицалищамъ, такъ и по удобствамъ къ безмятежной жизни, глубокимъ размышленіямъ и созерцаніямъ таинствъ природы. Но совсѣмъ другая слава ожидала Аѳонъ въ будущемъ. Свѣтъ евангельской истины, въ числѣ другихъ мѣстъ, озарилъ и Аѳонъ; суевѣрныя капища его замѣнились святыми храмами истиннаго Бога, а языческія игрища и ликованія—молитвеннымъ трудомъ, крестными лишеніями и духовными пѣснопѣніями. Съ тѣхъ поръ и донынѣ Аѳонъ представляетъ особое явленіе въ мірѣ, какъ область исключительно иноческая, совершенно отдѣленная отъ міра и управляемая совсѣмъ не по мірскимъ обычаямъ и законамъ—какъ нѣкое единственное монашеское гражданство, претерпѣвшее, правда, въ продолженіи длиннаго ряда вѣковъ, много политическихъ и церковныхъ бурь, но, при всемъ томъ, сохранившееся и донынѣ неизмѣннымъ въ коренныхъ началахъ своей жизни. Съ этой стороны Аѳонъ представляетъ очень много любопытнаго для всякаго образованнаго человѣка...

---

[1]) Пр. Порфирій. Исторія Аѳона. Ч. I. 22 стр.

скающейся въ бушующія волны Эгейскаго моря. Путь къ ней очень затруднителенъ и опасенъ, такъ какъ тропинка, ведущая къ ней, змѣйкою извивается надъ страшными безднами; а сверху надъ головою такъ и торчатъ массивныя глыбы скалъ, готовыя при малѣйшемъ поводѣ рухнуть. При пещерѣ теперь есть келья, гдѣ живутъ 4 монаха-грека. Въ самой пещерѣ находятся двѣ маленькія церкви: одна въ честь Богоматери, а другая—во имя святителя Николая. Здѣсь только въ храмовые дни совершается богослуженіе. Въ этихъ церквахъ страшно сыро; удивительно, какъ здѣсь подвизался св. Аѳанасій. Съ пещеры открывается только одинъ видъ—на южную сторону, гдѣ широкою синевою разстилается море, изъ котораго виднѣются въ сумракѣ румелійскіе берега.

Кавья игумена Нифонта находится не вдали отъ кельи св. Аѳанасія. Но путь къ ней гораздо опаснѣе. И эта кавья находится въ скалѣ, но ведетъ къ ней не тропинка, а лѣстницы, переброшенныя съ одного выступа на другой. При этомъ лѣстницы самыя первобытныя; нѣтъ никакихъ приспособленій, могущихъ успокоить человѣка въ его безопасности: перила ничто иное, какъ тонкіе прутья, привязанные тонкою бичевкою; ступени весьма шаткія,—ступая по нимъ, необходимо балансировать во избѣжаніе всякаго несчастія. Такихъ лѣстницъ нужно перейти со страхомъ и трепетомъ около 6, покамѣстъ доберешься до этой кавьи. Эта кавья находится въ скалѣ подъ громаднымъ нависшимъ камнемъ, готовымъ рушиться во всякую минуту; возлѣ кавьи—площадка изъ досокъ, перекинутыхъ чрезъ пропасть, бездна которой такъ и зіяетъ черезъ щели; перила площадки составляютъ тоже тонкія жерди. О. Нифонтъ не скоро вышелъ изъ своей кавьи; въ это время мы, стоя на площадкѣ, любовались строгостью дикой пустыни. Наконецъ вышелъ о. Нифонтъ изъ своей кавьи и принялъ насъ на этой площадкѣ, потому что въ кавьѣ мы всѣ не помѣстились бы; кавья состоитъ всего изъ одной миніатюрной комнатки. О. Нифонтъ—

почтенный старикъ; его физіономія выражаетъ доброту и ласковость и внушаетъ къ себѣ невольное уваженіе. Онъ присѣлъ на площадку и насъ тоже пригласилъ сѣсть на своихъ стульяхъ. Онъ говоритъ только по-молдавски и я съ нимъ довольно долго разговаривалъ. Оказывается, что онъ въ 50 годахъ былъ и въ Россіи—въ Петербургѣ, а также и въ моемъ родномъ городѣ—Кишиневѣ, гдѣ и теперь еще живутъ знакомые его. Я все восторгался живописнымъ мѣстоположеніемъ его кавьи. На это онъ сказалъ: „вотъ какъ вамъ нравится это мѣсто; а не бось и одного дня не прожили бы здѣсь: скука одолѣетъ. Вамъ нужны балы, танцы, развлеченія... а о Богѣ весьма часто забываете". На эту тему онъ долго говорилъ, а потомъ вдругъ спросилъ: „существуютъ ли еще въ Россіи нигилисты"? Я отвѣтилъ, что существуютъ, хотя не слишкомъ явно обнаруживаютъ свое существованіе, потому что они обезсилены. Старикъ сильно вооружался противъ атеистовъ (или нигилистовъ), отрицающихъ Бога на томъ основаніи, что его нельзя осязать. „Ужасъ, какъ глупы подобные люди! Смѣшно и глупо требованіе ихъ осязать Бога. Вѣдь, что есть Богъ? Духъ. Если мы сможемъ осязать нашъ собственный духъ, то тогда мы сможемъ осязать и Бога". Въ такомъ и подобномъ родѣ говорилъ со мною старецъ, видимо одушевляясь постепенно. Когда же я высказалъ опасеніе на счетъ небезопасности для жизни его кавьи, то онъ сказалъ, что все это должно служить напоминаніемъ о смерти и обязываетъ достойно встрѣтить ее.

— Чѣмъ же вы кормитесь, или кто васъ питаетъ, о. Нифонтъ? спросилъ я.

— Богъ—мой кормилецъ, отвѣтилъ онъ.

Въ доказательство этого онъ указалъ на вѣтвь уснащенной плодами смоковницы, чудеснымъ образомъ выросшей изъ каменной щели. И дѣйствительно, эта маленькая вѣточка и притомъ съ плодами служила, да и теперь служитъ

предметомъ моего удивленія. Въ самомъ дѣлѣ, какимъ образомъ эта вѣточка выросла въ этой щели, когда здѣсь нѣтъ ни щепотки земли; тѣмъ болѣе, что, по словамъ старца, ни онъ, ни кто другой не садилъ ея.—Разстались мы со старикомъ, проникнувшись глубокимъ чувствомъ уваженія къ нему, какъ строгому анахорету.

Такихъ анахоретовъ есть довольно значительное число на Аѳонѣ; въ особенности богата ими юго-восточная часть Аѳона. Юго-восточная оконечность Аѳона до сихъ поръ вѣрна первому образцу аѳонскаго подвижничества, оставленному св. горѣ св. Петромъ аѳонскимъ. Берега этой части составляютъ исполинскія скалы, круто опускающіяся въ море. Въ этихъ-то трудно проходимыхъ скалахъ и умудряются жить подвижники, ушедшіе изъ среды людей, чтобы удобнѣе предаться созерцательной жизни и жить въ единеніи съ Богомъ. Здѣсь и находится мѣстность, называемая *Каруля*. Это мѣсто считается безлюднѣйшимъ изъ всѣхъ здѣшнихъ пустынь, и путь туда не только труденъ, но и опасенъ, потому что Каруля—это отвѣсная прибрежная скала, господствующая надъ безднею Архипелага, съ южной стороны св. горы. Чтобы достигнуть этого мѣста, надобно въ нѣкоторыхъ мѣстахъ цѣпляться за камни руками и даже висѣть всѣмъ тѣломъ надъ бездною. Около 40 саженъ приходится спускаться по веревкѣ, придерживаясь ногами въ обрывистую каменную стѣну. Здѣсь живутъ самые высшіе подвижники, достигшіе послѣдней степени самоотверженія. Они своего почти ничего не имѣютъ: одѣваются въ лохмотья, питаются кореньями растеній, а также подаяніями монастырей, главнымъ же образомъ—подаяніями рыбаковъ и моряковъ. Карульскіе иноки спускаютъ къ морю корзинку, укрѣпленную на блокѣ. Матросы и рыбаки знаютъ назначеніе этой корзинки и кладутъ въ нее, что Богъ на душу положитъ. Мы хотѣли было идти туда, но нашъ провожатый—молдаванинъ не пустилъ, наговоривши столько страховъ, что и въ самомъ дѣлѣ страшно стало.

Мы воротились въ скитъ, сильно утомившись. Мулы уже были готовы. Выпивши по стакану воды съ глико, мы любезно распрощались съ радушною братьей скита и отправились обратнымъ путемъ въ лавру. Молдавскій скитъ былъ послѣднимъ граничнымъ пунктомъ нашего путешествія на югъ Аѳона. На южной сторонѣ еще остается нѣсколько скитовъ, но къ нимъ путь въ высшей степени затруднителенъ. Сюда обыкновенно русскіе путешественники ѣдутъ на лодкѣ изъ Руссика, пристаютъ къ берегу и пѣшкомъ взбираются къ этимъ скитамъ, находящимся на скалахъ. Если будетъ время, то и я такъ сдѣлаю. А теперь маршрутъ нашъ лежалъ въ сѣверную часть Аѳона, гдѣ находятся замѣчательные первокласные монастыри: Ватопедъ, Хилендаръ, Зографъ...

Изъ Молдавскаго скита отправились въ полдень: солнце жгло невыносимо; но нужно было ѣхать, чтобы поспѣть на ночлегъ въ Артемьевскую келью, куда мы прошены пожаловать на обратномъ пути; разстоянія отъ скита до кельи—5 часовъ ходу.

На пути мы заѣзжали въ лавру св. Аѳанасія. Лавра находится на юго-восточной сторонѣ Аѳонской горы и при подошвѣ Аѳона. Такъ какъ она расположена въ низменности, то особенныхъ видовъ не имѣетъ, за исключеніемъ только дѣйствительно прекраснаго вида на Архипелагъ съ его многочисленными островами. Лавра св. Аѳанасія основана въ X вѣкѣ на иждивеніе греческихъ императоровъ, Фоки и Іоанна Цимисхія, св. Аѳанасіемъ. Изъ приведеннаго нами раньше житія Св. Аѳанасія видно, сколько приходилось горя перенесть святителю при введеніи имъ новаго рода монашеской жизни—киновіи. Дѣло его не погибло и Лавра скоро сдѣлалась первымъ аѳонскимъ монастыремъ и имѣла вліяніе на всѣ другіе монастыри. Въ настоящее время Лавра внутри представляетъ изъ себя какъ бы маленькій городокъ съ улицами, тротуарами, фонтанами. Роскошные кипарисы много придаютъ ей красы. Здѣсь въ особенности

обращаютъ на себя вниманіе два великана-кипариса. величаво красующіеся среди монастырскаго двора. Монахъ передавалъ намъ, что эти кипарисы садилъ самъ св. Аѳанасій, такъ что имъ теперь около 900 л. (?). Соборъ лаврскій, устроенный во имя Благовѣщенія, очень большой; планъ его—крестообразный. Время основанія его совпадаетъ со временемъ устроенія Лавры (961 г.) [1]), но передняя галлерея его, какъ видно, недавней постройки. Притворъ тоже новъ, судя по яркой пестротѣ стѣнописи. Въ соборѣ мы прикладывались къ частицамъ мощей, обиліе которыхъ просто поражаетъ. Въ алтарѣ въ шкафѣ уложены онѣ въ 11 подвижныхъ ящикахъ, соотвѣтственно мѣсяцамъ года, на кои падаетъ память того или другаго святаго. Нѣтъ ящика только на августъ. Мощи эти, сохраняемыя отдѣльно отъ другихъ, обычно показываемыхъ, рѣдко выставляются для поклоненія богомольцамъ. Здѣсь также есть чудотворная икона Божіей Матери, называемой Кукузелисою. Она называется Кукузелисою по имени св. Іоанна Кукузеля. Объ этомъ существуетъ слѣдующее преданіе [2]): Іоаннъ Кукузель былъ любимцемъ при дворѣ греческаго императора Алексѣя Комнена за его красоту и замѣчательный голосъ („благообразный" и „доброгласный"—онъ былъ по Барскому). Но онъ не возлюбилъ мірской жизни, мысль его всегда витала въ заоблачныхъ мірахъ. Поэтому онъ рѣшилъ уйти изъ этого суетнаго міра и удалиться въ монастырь,—что онъ и сдѣлалъ вскорѣ по пріѣздѣ въ Константинополь игумена Лавры, который плѣнилъ его разсказами о св. горѣ. Безъ вѣдома императора, горячо любившаго его и даже намѣревавшагося „оженити его зѣло благородно", онъ ушелъ на Аѳонъ—въ Лавру. Здѣсь онъ въ изодранныхъ лохмотьяхъ не былъ узнанъ игуменомъ, который знавалъ его при дворѣ вымытымъ, чистымъ, роскошно одѣтымъ. Ему назначено было

---

[1]) Барскій 2 т. стр. 518.

[2]) Ibid. стр. 531.

послушаніе быть пастухомъ. Съ покорностью и благодарностью принялъ онъ это послушаніе, такъ какъ оно давало ему возможность уединяться и въ уединеніи воспѣвать хвалу Богу и предаваться созерцательной жизни въ Богѣ. Близъ Молдавскаго скита указываютъ то мѣсто, гдѣ Кукузель пасъ овецъ и козлищъ. Воспѣвая въ такомъ уединеніи своимъ мелодическимъ голосомъ хвалы Богу, онъ былъ вполнѣ увѣренъ, что его никто изъ людей не слышитъ, за исключеніемъ его стада, которое внимало его пѣнію. Но жившій неподалеку анахоретъ услышалъ пѣніе и, будучи пораженъ явленіемъ такого необычнаго пѣвца въ пустынѣ, поспѣшилъ увѣдомить объ этомъ лаврскаго игумена. Кукузель призванъ былъ въ Лавру къ игумену, который едва съ трудомъ узналъ своего знакомца и царскаго любимца. Не было предѣловъ старческой радости игумена. Онъ хотѣлъ дать ему другое послушаніе, но по слезной просьбѣ Іоанна оставилъ его на прежнемъ послушаніи. Боясь царскаго гнѣва,— въ случаѣ, если бы царь узналъ о мѣстѣ пребыванія своего любимца и сокрытія его,—игуменъ отправился въ Константинополь къ царю, которому и разсказалъ обо всемъ случившемся съ его любимцемъ, прося при этомъ „подарить“ его обители. Царь согласился со слезами на глазахъ. Тогда Іоаннъ выстроилъ себѣ келью не вдали отъ Лавры съ церковью во имя св. Архангелъ, гдѣ и уединялся. Въ воскресенье и въ другіе праздничные дни онъ приходилъ въ Лавру, гдѣ и услаждалъ своимъ ангельскимъ пѣніемъ иноковъ. Однажды, послѣ бдѣнія во время чтенія акаѳиста, онъ уснулъ. Ему было видѣніе Божіей Матери, сказавшей ему: „Радуйся Іоанне, чадо Мое, пой Мнѣ и не оставлю тя“. При этомъ она положила въ руки Іоанна червонецъ и стала невидимою. Іоаннъ проснулся съ червонцемъ въ рукахъ. Съ тѣхъ поръ эта икона Богоматери, предъ которой онъ стоялъ и спалъ въ монашеской формѣ, и носитъ названіе Кукузелисы. Разспрашивалъ я монаховъ о судьбѣ этого червонца, но не получилъ никакого отвѣта. Слушая этотъ разсказъ, я невольно

спрашивалъ себя: гдѣ то блаженное время—время таинственныхъ видѣній? Гдѣ тѣ люди, удостоивающіеся подобныхъ чудесъ?...

Въ соборномъ придѣлѣ, посвященномъ памяти 40 мучениковъ, я видѣлъ гробницу св. Аѳанасія. Гробъ—мраморный; онъ покрытъ вышитымъ изображеніемъ св. Аѳанасія. Здѣсь же лежитъ желѣзный жезлъ его. На вопросъ мой объ останкахъ св. Аѳанасія, бывшій при этомъ инокъ сказалъ, что хотѣли было уже нѣсколько разъ открыть гробъ, но всякій разъ напрасно. Св. Аѳанасій умеръ, какъ мы видѣли изъ житія его, во время устройства храма вслѣдствіе обрушившагося надъ нимъ свода алтаря. Размозженные останки его были похоронены не въ настоящемъ придѣлѣ, который устроенъ только въ 1578 году, а на мѣстѣ его. Затѣмъ, во время погрома латинянъ въ 13 в. (1211—1216 г.), останки его были куда-то схоронены ревнителями православія и затѣмъ, по смерти этихъ ревнителей, унесшихъ съ собою въ могилу и извѣстіе о мѣстѣ положенія останковъ святителя, они не были возвращены на прежнее мѣсто. Когда же строился этотъ притворъ, то Лавра, зная мѣсто первоначальнаго погребенія св. Аѳанасія, почтила это мѣсто постановкою на немъ гроба съ изображеніемъ святаго. Были мы также и въ параклисѣ св. Аѳанасія. Здѣсь находится тяжелый деревянный крестъ въ желѣзномъ окладѣ (около 4 фунтовъ), который носилъ преподобный на груди своей. Здѣсь же находится другой жезлъ святаго, съ которымъ онъ обыкновенно ходилъ. Почти среди монастыря находится церковь Введенія Божіей Матери, гдѣ находится и икона Ея, называемая *Икономисса*. На этой иконѣ Богоматерь изображена сидящею на тронѣ съ Божественнымъ Младенцемъ, надъ которымъ парятъ два ангела. На правой сторонѣ ея изображенъ, кажется, святитель Николай. На лѣвой же сторонѣ—св. Аѳанасій съ Лаврою въ рукахъ, чѣмъ знаменуется покровительство ей Богородицы.

По осмотрѣ Лавры, мы были приглашены въ архондарикъ, гдѣ были угощены по восточному обычаю. Здѣсь же весьма кстати застали мы и одного изъ братьевъ Артемьевской кельи, о. Парѳенія. Въ 5 часовъ мы всѣ вмѣстѣ и выѣхали изъ Лавры. Ѣхать было прекрасно: жара спадала и притомъ большею частью приходилось ѣхать въ тѣни. Черезъ два часа мы достигли источника, гдѣ вторично искупались въ живительныхъ водахъ его. Въ 9 часовъ прибыли мы въ Артемьевскую келью; въ это время въ церкви шло повечеріе, на которомъ и мы успѣли побывать. Затѣмъ, поужинавши, легли съ тѣмъ, чтобы завтра утромъ выѣхать и ночевать въ Андреевскомъ скиту.

Среда. 13 іюля. Напившись чаю, мы, не дожидаясь обѣда, не смотря на просьбу радушныхъ братьевъ остаться пообѣдать, отправились въ обратный путь, но уже не прежнимъ путемъ, а другимъ: прежде мы ѣхали низомъ, а теперь поѣхали горою черезъ Каракаллъ и Филоѳей. Но не монастыри эти заставили насъ измѣнить прежній путь, такъ какъ они не представляютъ ничего особеннаго, въ особенности для такихъ поверхностныхъ путешественниковъ, каковы мы; тѣмъ болѣе, что монастыри эти бѣдны и живутъ главнымъ образомъ пожертвованіями богомольцевъ, а наши и безъ того малые финансы успѣли уже истощиться, а между тѣмъ впереди еще предстоитъ посѣщеніе болѣе главныхъ монастырей. Главною же причиною перемѣны нашего пути было желаніе посѣтить одного келліота, съ которымъ мы познакомились еще по дорогѣ на Аѳонъ; онъ просилъ непремѣнно навѣстить его во время нашего путешествія по Аѳону. Келья, по адресу данному имъ намъ, находится между Каракалломъ и Филоѳеемъ. Путь нашъ до кельи не былъ слишкомъ затруднителенъ, такъ какъ въ воздухѣ вѣяло еще утреннею прохладою и притомъ тропинка шла среди роскошно-лиственныхъ каштановъ. Мы

проѣзжали мимо воротъ Каракалла, но не останавливались въ немъ, хотя было немножко неловко, такъ какъ нѣсколько монаховъ стояло у вратъ и видимо приглашали посѣтить монастырь. Но мы продолжали свой путь дальше, извиняясь недостаткомъ времени. Мѣстоположеніе Каракалла прекрасное; со всѣхъ сторонъ окруженъ масличными и смоковничными садами. Черезъ полчаса мы прибыли въ келью Вознесенія. Эта келья во многомъ напоминаетъ Артемьевскую, хотя немного меньше. Мѣстоположеніе ея тоже завидное: кругомъ сады, орѣшнику много, прекрасные огороды, источники и бассейны воды... Однимъ словомъ, приходится повторить то, что я раньше высказалъ: келья на Аѳонѣ — это цѣлое домостроительство со всѣми хозяйственными принадлежностями; этого еще мало: аѳонская келья представляетъ одну изъ прекраснѣйшихъ дачъ. Но дача аѳонская отличается отъ помѣщичьей дачи тѣмъ, что первая дача воздѣлывается трудами самихъ же дачниковъ, въ противномъ случаѣ не будетъ чѣмъ кормиться, а на помѣщичьей дачѣ сами дачники и пальцемъ не дотронутся до чего-нибудь. Келліоты дѣйствительно сильно трудятся, начиная отъ самаго старца и до послѣдняго. Когда мы подъѣзжали сюда, то видѣли, какъ монахи въ потѣ лица копали землю подъ палящими лучами солнца. Въ этой кельѣ восемь братій. Старцами этой кельи состоятъ: іеромонахъ Антоній, нашъ знакомецъ, и схимонахъ Евѳимій. Старцы настолько были рады нашему посѣщенію, что встрѣтили насъ въ церкви, гдѣ пропѣли тропарь Вознесенію, Достойно есть, а за тѣмъ отпустъ съ многолѣтіемъ. Угощеніе было больше радушное, чѣмъ роскошное. Они извинились тѣмъ, что мы такъ внезапно посѣтили ихъ и они не приготовились насъ достойно встрѣтить тѣмъ болѣе, что сегодня среда, когда, по уставу, они рыбы не употребляютъ и при себѣ теперь не имѣютъ. Больше часу здѣсь мы сидѣли. Затѣмъ старцы провожали насъ очень далеко и мы, весьма любезно про-

ставшись съ ними, уѣхали по направленію къ Кареѣ, отстоящей отсюда на 3 часа ходу. На пути стоялъ греческій монастырь Филоѳей, названный такъ по имени знаменитаго своего подвижника св. Филоѳея. Мы сюда тоже не заѣзжали, хотя путь лежалъ мимо самыхъ воротъ монастырскихъ. При этомъ случился съ нами маленькій казусъ. По правиламъ, установленнымъ и освященнымъ аѳонскимъ протатомъ, всякій, проѣзжающій у монастырскихъ или скитскихъ воротъ, долженъ спѣшиться, въ противномъ случаѣ подвергается строгому наказанію,—если нарушившій это правило монахъ, то налагается на него большой канонъ, а если міряннъ... Забылъ спросить какое наказаніе. Проѣзжаемъ мимо Филоѳейскихъ воротъ. Я ѣду впереди. Проводникъ нашъ, болгаринъ Григорій, говоритъ мнѣ, какъ непосредственно ѣдущему за нимъ, слѣзть съ мула. Но я, не зная строгости этого правила, не слѣзъ. Моему примѣру послѣдовали другіе и даже о. Діонисій. Только что мы поровнялись съ портою, слышимъ страшные крики грековъ. Хотя я и не знаю греческаго разговорнаго языка, но все таки и незнающему можно догадаться въ чемъ дѣло, судя по озлобленнымъ крикамъ; въ этихъ крикахъ часто повторялось слово „ἐκκλησία“,—чѣмъ указывалось, должно быть, на неприличіе нашего поступка въ виду церкви. Не понимая все-таки въ чемъ дѣло, мы не слѣзли, хотя о. Діонисій тотчасъ слѣзъ, прося и даже приказывая и намъ слѣзть, такъ какъ на его обязанности лежитъ увѣдомлять насъ о всѣхъ формальностяхъ, въ противномъ случаѣ онъ подвергается отвѣтственности. Въ это же время подбѣгаетъ къ моему мулу грекъ, хватаетъ его за уздцы и поворачиваетъ назадъ, крича и даже угрожая мнѣ на греческомъ языкѣ. Мулъ мой испугался и чуть было не сбросилъ меня. Я, видя такое нахальство со стороны монаха, вспылилъ: вырвалъ изъ рукъ его уздцы и сказалъ, что я не могу слѣзть, такъ какъ боленъ. О. Діонисій остался съ монахами, горячо объяснялся съ ними и просилъ у нихъ извиненія.

Отсюда мы ѣхали по голымъ скаламъ, тропинка была ужъ слишкомъ уснащена мелкими камешками и притомъ ухабистая, такъ что мулы часто прыгали. Насилу добрались мы до Кареи, спѣшились, такъ какъ и чрезъ Карею нельзя ѣхать на мулахъ, а мы не желали повторенія Филоѳейской исторіи. Скоро пріѣхали мы и въ Андреевскій скитъ, гдѣ мы были недавно такъ радушно приняты. Вся братья послѣ обѣда отдыхала. Въ монастыряхъ ужъ такъ заведено: днемъ спать, а ночью молиться... Насилу добудились мы архондаричнаго и заняли прежніе прекрасные номера, прося его не безпокоиться угощеніемъ, такъ какъ мы утомлены путешествіемъ и нуждаемся въ покоѣ. Здѣсь намъ сказали, что вчера удостоилъ ихъ скитъ посѣщеніемъ высокопреосвященный сербскій митрополитъ Михаилъ, который уѣхалъ отсюда въ сербскій монастырь Хилендарь. Онъ прибылъ на послѣднемъ турецкомъ пароходѣ изъ Константинополя въ Руссикъ въ воскресенье. Непосредственно по пріѣздѣ онъ совершилъ здѣсь литургію. Затѣмъ выѣхалъ въ путешествіе по монастырямъ; на болѣе продолжительное время останется въ Хилендарѣ, а какъ долго пробудетъ — неизвѣстно. Я попросилъ дать мнѣ альбомъ или записную книгу. Здѣсь непосредственно послѣ моей записи было собственноручно начертано: „Архіепископъ Бѣлградскій, Митрополитъ Сербскій Михаилъ. 1883 г. 12 іюля“. Какъ бы я желалъ видѣть этого ревнителя православія на востокѣ! Я думаю и ему пріятно было бы видѣться со мною, такъ какъ и онъ воспитанникъ Кіевской Академіи, а теперь — почетный членъ ея. Поэтому рѣшено было завтра утромъ отправиться въ Ватопедъ, а оттуда на ночлегъ въ Хилендарь.

Четвергъ. 14 іюля. Хилендарь. Послѣ холодной закуски мы выѣхали къ Ватопеду, который находится отъ скита на разстояніи трехъ часовъ. Мы ѣхали по солунской дорогѣ, т. е. дорогѣ, идущей изъ Кареи въ Солунь. Эта дорога самая лучшая на Аѳонѣ, а потому и называется царскою,—

отлично исправлена и вымощена камнями, не знаю только— на монастырскій ли счетъ, или на счетъ казны. Дорога подымается все выше и выше, покамѣстъ не достигаетъ горнаго хребта, по которому она немного длится, а затѣмъ начинается постепенное пониженіе. Съ вершины горнаго хребта уже виденъ Ватопедъ, живописно расположенный при морѣ. Не вдали отъ Ватопеда, на разстояніи двухъ верстъ отъ монастыря, на возвышенномъ холмѣ печально красуются какія-то полуразвалившіяся стѣны. Это—печальный остовъ бывшаго Ватопедскаго училища, основаннаго богатыми греками для умственнаго возбужденія своихъ соотчичей и противодѣйствія всепожирающему магометанству и сохраненія православія отъ „наскакивающаго" католичества. Это училище ввѣрено было замѣчательному въ Россіи и Греціи человѣку *Евгенію Булгари*. Знаменитый мужъ думалъ сдѣлать это училище центральнымъ богословскимъ училищемъ, высшею греческою академіей. И что-же? Къ сожалѣнью это училище просуществовало всего только 5 лѣтъ съ 1753 по 1758. Причиною этого были невѣжественные монахи, обвинившіе Евгенія и его школу въ неисполненіи церковныхъ постановленій. Такъ погибло святое дѣло! Теперь отъ всего зданія остались полу-разваливающіяся стѣны и догнивающіе брусья. Все заросло колючимъ кустарникомъ, заглохло и одичало. Въ такомъ ли видѣ представлялась будущность училища великому ревнителю просвѣщенія греческаго народа?... По поводу этого невольно возникаетъ вопросъ: есть ли почва для училищъ на Аѳонѣ? Мирится ли монашескій аскетизмъ съ наукою? Желательно ли устроеніе училищъ на Аѳонѣ? и много другихъ вопросовъ возникаетъ, на которые мы теперь не отвѣчаемъ, предоставляя себѣ право сказать объ этомъ въ другой разъ...

Ватопедъ расположенъ на сѣверо-восточномъ склонѣ св. горы, съ трехъ сторонъ окруженъ горами, а съ одной стороны (сѣв.-вост.) простирается безбрежная равнина

морская. По внѣшнему виду онъ имѣетъ сходство со многими видѣнными мною греческими монастырями, хотя объемомъ превосходитъ ихъ. Ватопедъ считается на Аѳонѣ однимъ изъ богатѣйшихъ монастырей и называется даже иногда „Ватопедскою лаврою“. Впереди монастыря—величественный подъѣздъ, въ видѣ возвышенной площадки съ нѣсколькими рядами ступенекъ. Войдя въ монастырь, просто поражаешься громадностью построекъ его. Такъ какъ мы были порядочно утомлены, то порѣшили сначала отдохнуть, а затѣмъ поклониться святынямъ и осмотрѣть монастырь. Мы пріѣхали въ такую пору, когда вся братія спала, приготовляясь къ ночному стоянію. Около получаса отыскивалъ о. Діонисій архондаричнаго; а отыскавъ его, пожурилъ его за такую невнимательность къ гостямъ и чуть-чуть было не обжаловалъ его предъ эпитропомъ. Но потомъ архондаричный видимо старался загладить свою оплошность, стараясь всѣми мѣрами угодить намъ. Въ штатныхъ монастыряхъ, каковъ Ватопедъ, пріемъ и угощеніе бываетъ гораздо хуже, чѣмъ въ киновіяхъ. Въ штатныхъ монастыряхъ каждый живетъ самъ по себѣ и для себя; право угощенія богомольцевъ отдается на откупъ, — точно въ гостинницѣ. Здѣсь первый разъ на Аѳонѣ мы ѣли баранье мясо.

Ватопедъ считается однимъ изъ древнѣйшихъ монастырей на Аѳонѣ. Основателемъ его считаютъ Константина Великаго. Вскорѣ за тѣмъ онъ былъ разрушенъ Юліаномъ Отступникомъ, а въ концѣ того же столѣтія (4 в.) былъ возстановленъ греческимъ императоромъ Ѳеодосіемъ, въ признательность Богу за спасеніе отъ потопленія царственнаго сына его Аркадія. Объ этомъ существуетъ слѣдующее преданіе. Аркадій возвращался изъ Рима въ Константинополь; на морѣ въ это время поднялась страшная буря и онъ упалъ за бортъ. Спутники его были въ отчаяніи, боясь царскаго гнѣва, и обратились за помощью къ Богородицѣ. Молитва ихъ была услышана и царевичъ

найденъ спящимъ подъ тѣнью колючихъ кустарниковъ[1]). Отъ этого и монастыря „проименовася гречески Βατοπαιδίον, еже россійски толкуется *Купинодѣтіе* отъ обрѣтшагося подъ купиною Аркадія царевича, отрока суща тогда“.—Соборный храмъ монастыря, величественный по виду, посвященъ въ честь Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы. Въ соборѣ замѣчательны четыре порфировыя колонны, пожертвованныя сюда императоромъ Гоноріемъ. Эти колонны поддерживаютъ куполъ Ватопедскаго собора. Онѣ толсты и высоки и чрезвычайно цѣнны. Въ соборѣ на горнемъ мѣстѣ есть чудотворная икона Божіей Матери, называемая Ктиторскою. Объ этой иконѣ существуетъ слѣдующее преданіе. Когда въ 9 в. сирійскіе варвары расхищали св. гору и добрались и до Ватопеда, то экклесіархъ взялъ эту икону съ крестомъ и спряталъ въ находящемся здѣсь колодцѣ, затеплилъ предъ ними свѣчу и искусно закрылъ колодезь мраморною плитою въ уровень съ поломъ. Ватопедъ былъ разрушенъ, но икона не была найдена. 70 лѣтъ экклесіархъ томился въ плѣну, но наконецъ былъ выпущенъ. Ватопедская обитель между тѣмъ стала поправляться; но никто не зналъ о скрытой иконѣ, пока экклесіархъ не объявилъ, гдѣ скрыта имъ икона. Открыли плиту и къ удивленію нашли икону съ крестомъ и теплящуюся свѣчу. Эту свѣчу я видѣлъ; она постоянно теплится; она громадной величины и обложена оловомъ или серебромъ; она горитъ, но не сгораетъ, потому что сверху постоянно кладется воскъ. Самую икону почти невозможно разсмотрѣть, такъ темна на ней живопись. Крестъ стоитъ за престоломъ и называется *Константиновымъ*. Онъ—восьмиконечный: состоитъ изъ одного прямаго дерева и трехъ поперечныхъ—одного большаго и двухъ

---

[1]) Барскій. 2 т. 617 ст. Преосвящ. Порфирій въ своей извѣстной Исторія Аѳона находитъ это преданіе, равно какъ и другія преданія, касающіяся Ватопедской обители, не выдерживающимъ научной критики. Желающимъ познакомиться съ правдивою исторіею Аѳона необходимо прочесть это замѣчательное сочиненіе. Въ частности же о Ватопедѣ См. Ч. II отъ 40—140 стр.

меньшихъ вверху и внизу, изъ коихъ послѣднее—косое. Но сомнительно, чтобы этотъ крестъ принадлежалъ Константину Великому, равно какъ и сомнительно само основаніе монастыря Константиномъ, тѣмъ болѣе, что на крестѣ какая-то надпись, кажется, на славянскомъ языкѣ; быть можетъ, она позже прибавлена. Другой вопросъ: этотъ крестъ представляетъ ли образъ креста, на которомъ былъ распятъ Христосъ, или же образъ креста, видѣннаго Константиномъ Великимъ на небѣ? Я думаю, что онъ—образъ *крестнаго* древа и сдѣланъ позже; названіе же его „Константиновымъ" пріурочено къ основанію монастыря Константиномъ, который и обрѣлъ животворящій крестъ Господень. Тутъ же въ алтарѣ показывали намъ двѣ небольшія на доскахъ четыреугольныя иконы (складни) Спасителя и Богоматери, называемыя куклами или игрушками царицы Ѳеодоры. Это событіе относится ко временамъ иконоборства. Извѣстно, что императоръ Ѳеофилъ хотѣлъ уничтожить иконопочитаніе; но жена его, царица Ѳеодора, была тайною иконопочитательницею и скрытно поклонялась этимъ иконамъ, выдавая ихъ за игрушки.

Въ соборѣ есть два придѣла, изъ коихъ одинъ называется *внѣшнимъ*, а другой—*внутреннимъ*. Въ внѣшнемъ притворѣ обращаетъ на себя вниманіе прекрасная живопись, которая лучше живописи самаго собора. По преданію—это произведеніе кисти Панселина. Здѣсь въ притворѣ обращаютъ на себя вниманіе мозаическія изображенія,—единственныя на св. горѣ. Надъ входными дверями въ полукругѣ изображенъ мозаически І. Христосъ съ молящимися по сторонамъ его Богоматерію и Предтечею. По сторонамъ дверей также есть два мозаическія изображенія, составляющія вмѣстѣ образъ Благовѣщенія: съ одной стороны Богоматерь, а съ другой архангелъ Гавріилъ. Внутренній притворъ совершенно теменъ; живопись, какъ видно, новая, замѣнившая мозаическія изображенія, видѣнныя еще Барскимъ. Совнѣ одного изъ соборныхъ придѣловъ въ честь св. Димитрія Солун-

скаго находятся два поясныя изображенія Божіей Матери, признаваемыя чудотворными; одна изъ нихъ называется „Закланная", а другая „Предвозвѣстительница". О первой иконѣ мнѣ сообщали слѣдующее преданіе, записанное и у Барскаго (2 т. 628 стр.). —Одинъ діаконъ, разсердившись, что въ трапезѣ не дали ему вина, такъ какъ онъ опоздалъ, забо́тясь о чистотѣ храма, въ неистовствѣ вбѣгаетъ въ церковь и ударяетъ ножемъ въ ланиту Божіей Матери. Оттуда вдругъ истекаетъ кровь. Діаконъ, пораженный такимъ чудомъ, ослѣпъ и сошелъ съ ума. По молитвамъ братіи онъ прозрѣлъ и пришелъ въ нормальное состояніе. Но рука его изсохла и блюдется на день второго суда. Руку эту и теперь показываютъ; она хранится въ особомъ ящикѣ и представляетъ изъ себя почернѣвшую кость. На лицѣ же Божіей Матери, названной отъ этого Закланною, виденъ какой-то бугорокъ, что-то въ родѣ запекшейся крови. О второй иконѣ Богоматери, называемой Предвозвѣстительницею, существуетъ такое преданіе, будто она предвозвѣстила царицѣ Плакидіи, желавшей войти въ соборъ: „стой, не иди далѣе, да не постраждеши зло" (Барск, Ч. II. стр. 629). Съ этихъ будто бы поръ святогорскіе отцы законоположили, чтобы женская нога не преступала св. горы. Предъ иконой теплится неугасаемая лампада. Сама же икона мало замѣтна, въ особенности ликъ Младенца. На лицѣ Божіей Матери— пріятное выраженіе, глаза большія, носъ правиленъ, уста велики. Въ соборѣ мы прикладывались еще къ частицамъ мощей, которыхъ здѣсь очень много: есть глава св. Григорія Богослова, Андрея Критскаго, нога св. апостола Варѳоломея, кость отъ плеча св. архидіакона Стефана и много другихъ. Здѣсь также есть замѣчательная святыня, которую я и удостоился лобызать: это—*поясъ Божіей Матери.*

Спѣша на ночлегъ въ Хилендарь, мы должны были торопиться выѣздомъ изъ Ватопеда, потому что до Хилендаря около 4 часовъ разстоянія. Въ 5 часовъ мы выѣхали въ *Есфигменъ*, находящійся на пути въ Хилендарь на раз-

стояніи трехъ часовъ пути отъ Ватопеда. Дорога наша поднималась все выше и выше по горно-приморскому перевѣсищу до хребта Аѳона, а отсюда начался спускъ до самаго Есфигмена. Еще съ горы виденъ монастырь, какъ бы сдавленный съ трехъ сторонъ горами, отчего, полагаютъ, и получилъ свое названіе Есфигмена, т. е. утѣсистаго. Есфигменъ основанъ, какъ гласитъ мой „Путеводитель", въ V вѣкѣ греческимъ императоромъ Ѳеодосіемъ и его сестрою Пульхеріей. Первоначальное мѣсто его было нѣсколько дальше между скалами; но послѣ обвала скалы на монастырь, онъ былъ перенесенъ на настоящее мѣсто. Соборъ не представляетъ ничего особеннаго и построенъ по образцу другихъ соборныхъ церквей на Аѳонѣ. Чудотворныхъ иконъ здѣсь нѣтъ; мощей не слишкомъ много; между прочимъ здѣсь находятся: глава апостола Іакова Алфеева, лѣвая стопа св. Маріи Магдалины безъ трехъ малыхъ перстовъ. Здѣсь въ соборѣ показывали мнѣ нѣсколько богатѣйшихъ иконъ, пожертвованыхъ русскими во время сбора пожертвованій въ Россіи. Въ Есфигменѣ насъ приняли радушно. Здѣсь нашлось два-три человѣка, понимающихъ и кое-какъ говорящихъ по-русски; они прежде были торговцами въ Россіи. Они разсказывали намъ, что монастырь ихъ бѣденъ (это впрочемъ общая жалоба); главную поддержку составляютъ пожертвованія русскихъ богомольцевъ, а греки-міряне никогда и не заглядываютъ сюда и ничѣмъ не помогаютъ. Есфигменъ замѣчателенъ для русскихъ тѣмъ, что въ немъ подвизался основатель монашества и монастырей въ Россіи, преподобный Антоній кіевскій, основатель Кіево-Печерской Лавры. Преподобный Антоній прибылъ на Аѳонъ и поселился въ Есфигменѣ въ концѣ X или началѣ XI вѣка. Поживъ здѣсь нѣсколько, по благословенію старца, онъ удалился затѣмъ въ уединеніе, не далеко отъ Есфигмена, на гору, называемую Самара, на растояніи ¼ версты отъ монастыря, и высѣкъ въ ней пещеру, въ которой и уединялся. Мы были въ этой пещерѣ. Къ ней ведетъ горная тропинка,

извивающаяся змѣйкою между колючими кустами. Здѣсь построена теперь очень приличная двухъ-этажная келья; въ нижнемъ этажѣ живетъ старикъ—греческій инокъ, котораго мы застали молящимся, а въ верхнемъ этажѣ очень приличная церковь во имя св. Антонія—въ чисто русскомъ стилѣ. Здѣсь есть икона всѣхъ святыхъ печерскихъ, пожертвованная кіевскимъ митрополитомъ Филаретомъ, а также образъ преподобныхъ Антонія и Ѳеодосія, пожертвованный Татьяной Григорьевной Потемкиной. Собственно пещера св. Антонія находится въ восточной сторонѣ кельи,—рядомъ съ нижнимъ этажемъ кельи. Пещера въ настоящее время нѣсколько въ иномъ видѣ, чѣмъ въ какомъ была при Антоніи. Старикъ монахъ объяснялъ намъ, что первоначально эта пещера была нѣчто въ родѣ ниши и переднія стѣны выстроены не такъ давно. Въ пещерѣ очень сыро, такъ что изъ стѣнъ чуть не течетъ вода. Здѣсь есть образъ св. Антонія, предъ которымъ постоянно теплится лампада. Старикъ помазалъ насъ этимъ лампаднымъ масломъ. Прекрасный видъ открывается отсюда на море съ его островами. Эти Самарскія горы напоминали должно-быть святителю о такихъ же горахъ кіевскихъ, опоясываемыхъ синею лентою Днѣпра. Здѣсь-то онъ и приготовилъ себя къ тому служенію, которое увѣковѣчило имя его. На прощаніе старикъ далъ намъ по вѣточкѣ кедра и по лимону, только что сорванному съ посаженнаго имъ лимоннаго дерева. Преосвященный Порфирій заподозрѣваетъ достовѣрность преданія о житіи здѣсь Антонія. Онъ объясняетъ происхожденіе этого преданія корыстолюбивыми цѣлями есфигменитовъ, которые выдумали или во снѣ видѣли пребываніе у нихъ сего Антонія, дабы именемъ его задобрить русскихъ богомольцевъ и склонить къ щедрымъ подаяніямъ,—въ чемъ они и успѣли...

Насъ упрашивали ночевать въ Есфигменѣ, такъ какъ уже поздновато было, но мы рѣшили поѣхать въ Хилендарь, отстоящій отсюда на часовомъ разстояніи, хотя

сильно были утомлены семичасовою прогулкою по аѳонскимъ тропинкамъ. Но вечерняя прохлада нѣсколько насъ освѣжала. Путь къ Хилендарю лежитъ большею частью по песчаной долинѣ. Надо полагать, что такой грунтъ образовался изъ наносовъ ила и земли, приносимыхъ дождями изъ сосѣдственныхъ высотъ. Дорога очень широка, такъ что и на колесахъ можно бы ѣхать. Хилендарь издали не виденъ, такъ какъ къ нему ведетъ извилистая дорога и притомъ онъ находится въ ложбинѣ, такъ что внезапно останавливаешься предъ вратами мрачнаго Хилендаря. Когда мы пріѣхали, ворота уже были заперты, такъ что пришлось нѣсколько подождать, покамѣстъ портарь впустилъ насъ. Трое желѣзныхъ вратъ ведутъ въ монастырь. Грустное впечатлѣніе овладѣло мною по входѣ въ ограду монастыря, при видѣ этихъ старыхъ стѣнъ, этого пирга, возвышающагося надъ всѣмъ монастыремъ. Это тягостное ощущеніе еще больше усилилось, когда насъ стали водить по какимъ-то совершенно темнымъ коридорамъ съ весьма шаткими лѣстницами, съ которыхъ весьма легко свалиться. Вездѣ мракъ, темнота, отсутствіе жизни... Ни въ какомъ монастырѣ я не испытывалъ такого тягостнаго впечатлѣнія. Наконецъ ввели насъ не то въ сарай, не то въ конюшню, а по ихнему въ архондарикъ: большая преогромная комната съ каминомъ по срединѣ; полъ устланъ циновками, диваны сплошные кругомъ всей комнаты и притомъ низкіе, пренизкіе... Но все это грязно, запачкано, вѣками соръ не выметался. Принесли какую-то лучину, которая еле-еле мерцала, и свѣтъ ея не доходилъ даже до угловъ этой обширной комнаты. Сѣли мы на диваны по-турецки, подогнувши подъ себя ноги, потому что иначе нельзя было сидѣть. Но скоро пришлось раздвинуть ноги, потому что какія-то насѣкомыя начали ползать по ногамъ. Оказалось, что это клопы. Мы объяснили архондаричному — больше мимикою, чѣмъ словами, что мы здѣсь больше оставаться не можемъ... Насъ перевели въ болѣе чистый

архондарикъ, хотя такой же формы. Ужинъ—былъ плохой. Я былъ совершенно раздосадованъ и хотѣлъ потому скорѣе лечь и уснуть, чтобы позабыться. Но послѣ ужина мы познакомились съ интересною личностью, о. Евѳиміемъ, который своими разглагольствованіями на время прогналъ сонъ. О. Евѳимій—архимандритъ и одинъ изъ главныхъ эпитроповъ этого монастыря. Онъ отрекомендовался намъ окончившимъ курсъ Кіевской духовной Академіи. По разсказамъ его, онъ игралъ очень большую роль въ Болгаріи въ послѣднюю русско-турецкую войну, и, кажется, много преувеличивалъ свое значеніе.

Пятница. 15 іюля. Проснулся я сегодня часовъ въ пять; не могъ спать, такъ какъ страшно душно было; на дворѣ и безъ того жарко до удушливости, а намъ еще дали зимнія одѣяла, въ которыя мы должны были обернуться во избѣжаніе насѣкомыхъ. О. Діонисій доложилъ намъ, что скоро начнется литургія въ параклисѣ св. Саввы сербскаго, гдѣ присутствуетъ преосвященный Михаилъ, пришедшій сюда съ самаго начала утрени, начавшейся, какъ обыкновенно въ монастыряхъ, въ первомъ часу ночи [1]). Мы скоро одѣлись и пошли въ церковь, гдѣ уже началась литургія. По приходѣ въ церковь все вниманіе мое было направлено къ тому, чтобы скорѣе увидѣть преосвященнаго Михаила—этого борца за православіе въ Сербіи. При этомъ онъ въ моемъ воображеніи представлялся мнѣ почему-то рослымъ, представительнымъ. Сообразно такому представленію о немъ ищу его глазами по всей церкви и не нахожу. Ужъ не обманулъ ли меня о. Діонисій, думаю про себя. А впрочемъ, можетъ-быть митрополитъ въ алтарѣ. Спрашиваю сосѣдняго монаха: есть ли преосвященный Михаилъ въ церкви и гдѣ онъ? „Вотъ онъ", тихо промолвилъ монахъ, указывая на монаха въ со-

---

[1]) Описаніе моей встрѣчи съ преосвященнымъ Михаиломъ было помѣщено мною въ корреспонденціи изъ Аѳона въ „Церковно-общественномъ Вѣстникѣ" за 1883 годъ 20 августа,—только въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, сообразно съ формою корреспонденціи.

сѣдней почти съ нами монашеской формѣ. Въ лицѣ его я увидѣлъ скромнаго, даже смиреннаго монаха низкаго роста, одѣтаго весьма просто, только съ панагіею на персахъ. Въ церкви онъ стоялъ не на видномъ мѣстѣ, а чуть ли не позади всѣхъ. Всю утреню и литургію простоялъ онъ, усердно молясь. Съ какимъ благоговѣніемъ прочелъ онъ „Символъ вѣры" и „Молитву Господню". Богослуженіе совершалось на славянскомъ языкѣ. Пѣніе мнѣ совершенно не понравилось, такъ какъ пѣли напѣвомъ греческимъ. Удивляетъ меня отзывъ Барскаго о здѣшнемъ пѣніи: „на правилѣ своими сербскими гласами кратко сложенными поютъ, по недѣлямъ же и праздникамъ, сербскимъ языкомъ на гласы гречески поютъ зѣло лѣпо и медленно"[1]). Но никакой лѣпоты нѣтъ въ славянскомъ пѣніи, облеченномъ въ греческія формы. Послѣ литургіи преосвященный разсматривалъ живопись въ этомъ параклисѣ, которая не слишкомъ древняя, потому что этотъ параклисъ, какъ гласитъ надпись: „Согродися въ 1779 году съ келліями до низу, иже прежде изгорѣвшій", и не представляетъ ничего достопримѣчательнаго. Затѣмъ преосвященный пошелъ въ архондарикъ. Мы намѣревались идти къ нему; но чувствовали себя очень неловко, такъ какъ были одѣты совершенно по-паломнически. Изъ такого нерѣшительнаго состоянія вывелъ насъ пришедшій отъ митрополита монахъ, говоря, что насъ проситъ къ себѣ преосвященный. Нечего дѣлать—пошли. Признаюсь, я чувствовалъ себя въ возбужденномъ состояніи, тѣмъ болѣе, что идя къ нему, я обдумывалъ нѣсколько привѣтственныхъ словъ, которыя намѣревался сказать ему. Преосвященный сидѣлъ въ архондарикѣ и ждалъ насъ; вмѣстѣ съ нимъ было нѣсколько старшихъ иноковъ, въ числѣ которыхъ былъ и нашъ знакомецъ о. Евѳимій. Я подошелъ первымъ. Преосвященный большимъ крестомъ благословилъ меня. При этомъ я сказалъ нѣсколько привѣтственныхъ словъ въ

---

[1]) Барскій, т. II. стр. 651.

такомъ родѣ: „Считаю себя счастливымъ, Ваше Высокопреосвященство, что удостоился видѣть Васъ—ревнителя православія на востокѣ. Позвольте мнѣ привѣтствовать Васъ отъ лица студентовъ той Академіи, студентомъ которой Вы нѣкогда были, а теперь состоите почетнымъ членомъ ея". Экспромптъ мой удался, какъ нельзя лучше. Преосвященный разцѣловалъ меня и посадилъ возлѣ себя. Сейчасъ осыпалъ онъ меня вопросами о Кіевѣ, Кіевской Академіи, о ректорѣ, профессорахъ и студентахъ. Между профессорами еще живы бывшіе ему профессорами, напр. Поспѣховъ, Бобровницкій и Думитрашко. Съ удовольствіемъ вспоминалъ онъ о Кіевѣ, и времени своего студенчества и о юбилѣе Кіевской Академіи (1869 г.), на которомъ онъ присутствовалъ. Больше часу говорилъ съ нами преосвященный, расправшивая о состояніи умовъ въ Россіи, о русской молодежи, о нашемъ путешествіи по Аѳону, чтó мы замѣтили во время путешествія. Мы сказали, что при путешествіи по Аѳону обращаетъ на себя вниманіе рознь, существующая между греческими и русскими иноками. Преосвященный сказалъ, что и онъ въ краткое свое путешествіе успѣлъ замѣтить это. Въ особенности его возмущаютъ не-христіанскія отношенія между Пантократоромъ и Ильинскимъ скитомъ, о чемъ я раньше говорилъ. Мы хотѣли уже было итти; но преосвященный не пустилъ насъ, онъ пошелъ въ другую комнату и минутъ черезъ пять вышелъ оттуда уже въ одномъ простенькомъ кафтанѣ и безъ клобука, но съ цѣлою кипою какихъ-то старинныхъ книгъ. Я просто не вѣрилъ, что этотъ добродушный старикъ, такъ просто одѣтый, былъ сербскимъ митрополитомъ. Эти старыя книги оказались старинными славянскими рукописями, которыя и предложилъ намъ читать преосвященный и мы съ нимъ читали ихъ около двухъ часовъ. При этомъ преосвященный сказалъ: „вотъ, отъ нечего дѣлать при путешествіи занимаюсь чтеніемъ древнихъ славянскихъ рукописей, свидѣтельствующихъ о состояніи сербской церкви; гдѣ даютъ, а гдѣ и не даютъ

ихъ, усмѣхнувшись сказалъ преосвященный. Вотъ—третьяго дня я былъ въ Ватопедѣ—греческомъ монастырѣ. Мнѣ показывали драгоцѣнности этого монастыря; тутъ много есть иконъ и крестъ съ славянскими (сербскими) надписями. Между прочимъ тамъ видѣлъ я большой напрестольный крестъ въ серебряномъ окладѣ съ сербскими надписаніями. Я попросилъ грековъ списать ихъ мнѣ, а они списали только греческую надпись на крестѣ запрестольномъ, а славянской не списали. Былъ въ Кареѣ, въ Протатѣ или въ аѳонскомъ синодѣ, разсматривалъ здѣсь тоже нѣкоторыя славяно-сербскія рукописи. Здѣсь въ Хиландарѣ—сербскомъ монастырѣ есть довольно много сербскихъ рукописей, хотя много расхищено невѣждами; здѣсь-то я и останусь на большее время". Мы вмѣстѣ читали рукописное житіе св. Саввы, потомъ похвальное слово Константину Великому, написанное какимъ-то Евфиміемъ; этого слова мы не прочли всего, такъ какъ оно слишкомъ большое: здѣсь излагается вся исторія царствованія Константина. Тутъ еще была какая-то древняя рукописная медицинская книга. Такъ какъ уже была пора обѣденная, то мы, получивъ благословеніе владыки, пошли обѣдать и съ тѣмъ, чтобы предъ выѣздомъ еще увидѣться. Какая простота въ обращеніи, какое смиреніе, подумалъ я.

Обѣдали мы вмѣстѣ съ о. Евѳиміемъ. Обѣдъ былъ не хорошъ; сравнительно съ другими монастырями здѣсь хуже всего кормили. Напившись чаю, мы отправились на прощаніе къ владыкѣ. Около часу провели съ нимъ въ разговорѣ. Между прочимъ я спросилъ его: долго ли, Ваше Высокопреосвященство, пробудете на Аѳонѣ? „Около мѣсяца, отвѣчалъ онъ. а потомъ въ Константинополь".

— А отсюда, осмѣлюсь спросить, въ Сербію?

„Богъ знаетъ. Тамъ теперь большія неурядицы; австрійцы всѣмъ руководятъ. Въ Бѣлградѣ прежде была только маленькая католическая часовня, а теперь Штросмайеръ строитъ большой католическій соборъ. Надѣюсь, что будетъ

скоро новая скупщина и тогда, Богъ дастъ, дѣла пойдутъ къ лучшему". Затѣмъ преосвященный передалъ поклонъ ректору Академіи, знакомымъ профессорамъ и весьма любезно попрощался, пожелавъ намъ окончить курсъ и честно служить церкви и отечеству. Въ 5 часовъ мы выѣхали въ Зографъ.

Теперь скажемъ нѣсколько словъ о Хилендарѣ и его святыняхъ, которымъ мы поклонялись.

Почему этотъ славяно-сербскій монастырь называется Хилендаремъ? Существуетъ двоякое объясненіе этого названія; производятъ его или отъ греческихъ словъ, χίλια ἀντάρα— *тысящная мгла* или отъ χεῖλη λεοντάρι—*уста львовы*. Въ подтвержденіе такого словопроизводства приводятъ такія основанія: а) будто когда-то различные варвары многократно подступали къ монастырю, но по Божію смотрѣнію внезапно покрывала ихъ такая густая мгла, что они не могли даже видѣть себя самихъ и потому поражали одинъ другого. Отъ этой многократной (тысящной) мглы и монастырь получилъ свое названіе; б) будто монастырская долина съ обрамливающими ее высотами походитъ на разверстую пасть льва, а вслѣдствіе этого и монастырь получилъ такое названіе. Барскій, приведя эти яко-бы основанія, слышанныя имъ отъ монаховъ, приводитъ такое объясненіе второму словопроизводству: „*Хиландарь*, си есть *уста львовы*, *хили* бо по-гречески знаменуютъ *уста*, а *леонтари льва*: можетъ-быть оттуду наречеся, яко древній тамо иногда бывшій градъ, имѣяше предъ враты вмѣсто іероглифика нѣкоего льва съ отверстыми устами, живо отъ мрамора изсѣченнаго" [1])... Преосвященный Порфирій, взявъ за исходную точку послѣднее поясненіе Барскаго, доказываетъ, что на мѣстѣ нынѣшняго монастыря существовало мѣстечко или селеніе, называемое Хилантири, отъ чего и монастырь получилъ свое настоящее названіе [2]).

---

[1]) Барскій. т. II, 642.

[2]) Исторія Аѳона. Ч. I. Гл. 10, стр. 96.

Хилендарь основанъ въ XII в. Стефаномъ, царемъ сербскимъ, а въ монашествѣ св. Саввою архіепископомъ сербскимъ. Поэтому, этотъ монастырь считается сербскимъ, хотя теперь здѣсь очень мало сербовъ, а все болгаре. Дѣло объясняется тѣмъ, что съ 1770 г. по 1820 г. въ Сербіи продолжалось народное возстаніе противъ турокъ. Въ это-то время никто изъ сербовъ не шелъ на Аѳонъ. Вмѣсто нихъ нахлынули болгаре. Монастырь этотъ, по словамъ о. Евѳимія, бывшаго нашимъ чичероне, весьма часто подвергался пожарамъ, такъ что здѣсь почти все заново устроено, за исключеніемъ соборнаго храма и братской трапезы, не подвергавшихся пожарамъ. Но хотя здѣсь многое заново устроено, тѣмъ не менѣе зданія монастыря производятъ впечатлѣніе какого-то запустѣнія. Повторяю, что ни одинъ монастырь въ общемъ не произвелъ на меня такого тягостнаго впечатлѣнія, какъ Хилендарь. Украшеніемъ этого монастыря служитъ только прекрасный соборъ съ четырьмя куполами, расположенными крестообразно. Снаружи этотъ соборъ отличается отъ другихъ тѣмъ, что онъ не оштукатуренъ и взору представляются перемежающіеся ряды камня съ кирпичемъ. Внутренность собора состоитъ изъ трехъ частей—самой церкви и двухъ притворовъ. Планъ главной церкви — крестообразный — расширяется въ клиросахъ. На южной и сѣверной сторонѣ возвышаются четыре большіе мраморные столпа, поддерживающіе самый большой куполъ. Изъ средины купола спускается большое бронзовое паникадило. Передъ царскими дверьми, на клиросахъ и на западной сторонѣ висятъ меньшей величины паникадила. Здѣсь обращаетъ на себя вниманіе помостъ церковный, довершающій внутреннее великолѣпіе храма. Онъ весь сдѣланъ изъ дорогого разноцвѣтнаго мрамора и по срединѣ противъ главнаго купола выстланъ на подобіе креста и обложенъ мозаическими изображеніями. Здѣсь позади праваго клироса у храмовой стѣны стоитъ мраморная гробница св. Симеона, бывшаго великаго жу-

пана Сербіи. На гробницѣ наклонно положенъ образъ св. Симеона—въ ростъ, написанный въ 1780 году, какимъ-то аѳонскимъ художникомъ. Тѣла св. Симеона здѣсь нѣтъ,— оно унесено на родину сыномъ его св. Саввою. Непосредственно за этимъ намъ показали внѣ церкви виноградную лозу, которая *сама* выросла изъ подъ этой стѣны, гдѣ находится гробъ св. Симеона. Эту лозу считаютъ чудодѣйственною въ случаяхъ супружескаго неплодія. Здѣсь продаются эти высушенныя ягоды...

Мощей въ монастырѣ не слишкомъ много.

Безспорно драгоцѣнную святыню монастыря составляетъ честный крестъ, сдѣланный изъ части Животворящаго Древа, подаренный св. Саввѣ греческимъ императоромъ Іоанномъ Ватаціемъ. Иконъ, признаваемыхъ чудотворными, здѣсь тоже есть нѣсколько. Подлѣ праваго клироса подъ навѣсомъ находится чудотворный образъ Божіей Матери Троеручицы. Предъ образомъ Богоматери висятъ 12 неугасимыхъ лампадъ и бронзовое паникадило съ восковыми свѣчами, которое зажигаютъ во время службы. Икона эта была принесена въ Хилендарь сербскимъ архіепископомъ Саввою (1233) изъ Палестинской Лавры св. Саввы Освященнаго, гдѣ она стояла въ кельѣ преподобнаго Іоанна Дамаскина, которому нѣкогда и принадлежала и отъ которой онъ получилъ исцѣленіе правой руки своей, отсѣченной дамасскимъ халифомъ по пропскамъ Льва Исаврянина — иконоборца. Преосвященный Порфирій признаетъ эту икону только копіею съ извѣстной иконы Дамаскина. Эта хилендарская Троеручица находилась въ сербскомъ городѣ Скопіи, гдѣ находился монастырь, называемый Троеручица по иконѣ Богоматери Троеручицы. Около 1203 г. этимъ городомъ завладѣли болгары. Сербскій великій жупанъ Стефанъ и сынъ его Савва, не желая, чтобы она досталась болгарамъ, привесли ее въ Хилендарь, гдѣ она и понынѣ находится. Ликъ Богоматери благообразенъ и чрезвычайно выразителенъ; ликъ Младенца выражаетъ кротость. Въ соборѣ есть

еще нѣсколько другихъ чудотворныхъ иконъ, о которыхъ можно прочесть въ книжкѣ „Вышній Покровъ“.

Хилендарь находится въ самой сѣверной части Аѳонской горы. Отъ него недалеко начинается „міръ“—Македонія. Отсюда и начался нашъ поворотный пунктъ къ Зографу, который находится на разстояніи трехъ часовъ пути отъ Хилендаря. Строптивая тропинка, ведущая въ Зографу, все постепенно возвышается до хребта горы, по которому проѣхавъ около ¼ часа по мягкой и торной дорожкѣ, спускаешься все внизъ до самаго Зографа. Зографъ еще издали мелькомъ покажется, а затѣмъ спрячется и увидишь его только тогда, когда будешь подъѣзжать къ монастырской portѣ. Чѣмъ ближе къ Зографу, тѣмъ растительность и мѣстоположеніе роскошнѣе. Мѣстоположеніе же самого монастыря прекрасное, живописное: кругомъ богатѣйшая растительность, дикія дебри и зеленѣющіе сады, горы, долы и поляны, шумящіе потоки... Отъ этого монастыря не вѣетъ какою-то ветхостью, какъ напр. отъ Хилендарскаго. Корпуса отдѣланы заново и притомъ изящно и удобно. Вездѣ чистота, опрятность и удобство. Ни одинъ монастырь не произвелъ на меня такого прекраснаго впечатлѣнія, какъ Зографъ.—Зографъ — исключительно болгарскій монастырь. Основаніе его восходитъ до болѣе глубокой древности даже, чѣмъ Лавра св. Аѳанасія. Онъ сначала былъ не на этомъ мѣстѣ, а немного далѣе,—ближе къ морю, но послѣ разгрома турецкаго устроился на данномъ мѣстѣ между горами, въ мѣстности вполнѣ уединенной, вполнѣ соотвѣтствующей характеру монастырской жизни. Вблизи Зографа мы были оглушены страшнымъ гуломъ, похожимъ на пушечный выстрѣлъ, вслѣдствіе чего наши мулы понеслись—было, но энергіею Григорія остановлены. Оказалось, что это порохомъ взрывали камни для постройки громаднаго монастырскаго корпуса. Мы прибыли въ монастырь къ концу вечерни. Насъ встрѣтилъ главный экономъ о. Іосифъ, очень представительный инокъ уже не первой молодости. Онъ немного

умѣетъ говорить по-русски, такъ какъ лѣтъ 10 жилъ въ Бессарабіи въ Купріановскомъ монастырѣ, принадлежавшемъ Зографу. Онъ повелъ насъ въ самый лучшій архондарикъ. Стѣны архондарика украшены картинами изъ древней болгарской исторіи и послѣдней русско-турецкой войны, портретами болгарскихъ и русскихъ царей. Здѣсь обращаютъ на себя вниманіе два портрета: „образъ Стефана Сильнаго Воеводы—обновителя Священно-Зографскія обители и ктитора принадлежащихъ ей монастырей Добровецкаго и Купріановскаго“ и другой портретъ, написанный масляными красками, „Архимандрита Зографскія обители Анатолія“, удержавшаго, кажется, въ 20 годахъ настоящаго столѣтія Купріановское имѣніе за Зографомъ. Послѣ обычнаго угощенія глико, раки и кофе, намъ предоставили прекрасные номера для отдыха. Какая противоположность съ обстановкою Хилендарскаго монастыря! Народъ здѣсь весьма учтивый и вѣжливый. О. Діонисій чувствовалъ себя между болгарами въ своей сферѣ, такъ какъ онъ самъ болгаринъ; поэтому онъ былъ въ веселомъ настроеніи и мы прекрасно провели вечеръ.

Суббота. 16-е Іюля. Зографъ. Проспали литургію, такъ какъ здѣсь она совершается очень рано, непосредственно послѣ утрени, тогда какъ въ другихъ монастыряхъ между утренею и литургіею около часа промежутку. Правда о. Діонисій будилъ насъ еще далеко до восхода солнца, но намъ такъ удобно было спать, что мы умоляли его оставить насъ въ покоѣ. Послѣ чаю любезный о. Іосифъ предложилъ намъ осмотрѣть монастырь и его достопримѣчательности. Все показалъ намъ добрѣйшій о. Іосифъ, начиная съ хозяйственныхъ принадлежностей. Мы видѣли прекрасныя, образцовыя конюшни для муловъ, цистерны, мельницы, прачешную, кузнечную, красильню, огороды. Все это—образцово. Монастырь этотъ стоитъ въ числѣ первыхъ по богатству, имѣетъ много имѣній, дачъ (или погреч. *метоховъ*)... О. Іосифъ высказывалъ сожалѣніе о несправедливомъ, по его мнѣнію, дѣйствіи русскаго правительства, отнявшаго у Зографа болгарскаго монастыря—заграничное имѣніе въ Купріановскомъ монастырѣ (въ Бессарабіи) на ряду съ отнятіемъ заграничныхъ имѣній другихъ греческихъ

монастырей. Въ этомъ въ особенности онъ возлагалъ вину на преосвященнаго Павла, настоящаго экзарха Грузіи, а тогда бывшаго архіепископомъ кишиневскимъ. Это тѣмъ болѣе несправедливо, говорилъ о. Іосифъ, что Зографскій монастырь имѣетъ стипендіатовъ въ Россіи въ различныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Показавши намъ всю прекрасную обстановку монастыря и видимо довольный нашими похвалами, о. Іосифъ повелъ насъ въ соборъ, чтобы показать монастырскія святыни. Соборъ построенъ по образцу соборовъ въ другихъ монастыряхъ, и очень большой, свѣтлый. Иконостасъ своею причудливою рѣзьбою обращаетъ на себя особенное вниманіе. Въ алтарѣ надъ престоломъ высится замѣчательный балдахинъ деревянный, кажется, кипарисный, весь испещренный причудливою рѣзьбою. Обиліе рѣзьбы въ этомъ монастырѣ придаетъ красу этому храму и отличаетъ его отъ другихъ храмовъ. Въ этомъ соборѣ есть три, почитаемыхъ чудотворными, иконы великомученика Георгія. Одна изъ этихъ иконъ, по преданію, написалась сама собою, вслѣдствіе чего и монастырь называется Зографомъ (въ русскомъ переводѣ: „живописецъ".) Преданіе слѣдующее: въ 919 году, въ царствованіе Льва Мудраго, три именитыхъ брата: Моисей, Ааронъ и Іоаннъ, оставивши міръ, поселились на Аѳонѣ (на мѣстѣ настоящаго монастыря) и устроили церковь, но не могли согласиться относительно имени святого, которому должно посвятить церковь. Поэтому они молились, чтобы самъ Богъ указалъ, кому посвятить церковь. Цѣлую ночь они молились и утромъ сошедшись въ храмѣ, увидѣли, что тамъ на приготовленной доскѣ написанъ ликъ св. Георгія, которому и была посвящена эта церковь. Живопись на иконѣ темна. На лицѣ св. Георгія виденъ маленькій бугорокъ; говорятъ, что это—часть пальца одного греческаго епископа, усомнившагося въ самописанности этой иконы. О другой чудотворной иконѣ св. Георгія разсказываютъ, что она приплыла по морю изъ Аравіи и остановилась у пристани Ватопедскаго монастыря. Каждый монастырь желалъ обладать по-

добною святынею, а Ватопедъ—въ особенности. Чтобы узнать волю самого мученика, положили икону на дикаго и юнаго мула, незнакомаго съ святогорскими путями и рѣшили, гдѣ онъ остановится, тому монастырю и будетъ принадлежать икона. Мулъ остановился на сосѣдственномъ холмѣ противъ Зографа и самъ сейчасъ же издохъ. Тогда рѣшили икону эту оставить въ Зографѣ; а на этомъ холмѣ выстроили церковь во имя св. Георгія. На этомъ холмѣ, находящемся на 15 минутъ отъ монастыря, и теперь есть церковь съ кельями, въ которыхъ живутъ монастырскіе ремесленники. Эта икона стоитъ при колоннѣ близь лѣваго клироса. Св. Великомученикъ — очень благообразенъ; издали думаешь, что это—женскій типъ. На противоположной сторонѣ отъ этой иконы при колоннѣ находится третья чудотворная икона св. Георгія, принадлежавшая Стефану, воеводѣ Молдовлахійскому. Стефанъ часто воевалъ съ турками. Однажды его окружило несмѣтное число непріятелей. Въ такомъ положеніи Стефанъ обратился къ Богу и къ св. великомученику Георгію, икону котораго онъ имѣлъ съ собою. Во снѣ явился ему Георгій, ободрилъ его и поручилъ отправить его икону въ Зографъ. Побѣда была одержана полная. Ликъ св. Георгія на этой иконѣ выражаетъ энергію и мужество. Всѣ три иконы въ прекрасныхъ серебряныхъ ризахъ, унизанныхъ драгоцѣнными камнями и украшенныхъ крестами, орденами... Всѣ украшенія на иконахъ изъ Россіи. Изъ собора насъ повели въ параклисъ св. Богородицы, т. е. въ маленькій храмъ. Здѣсь находится чудотворная икона Божіей Матери, называемая „Акаѳистною“.

Событіе, по которому эта икона признана чудотворною, относится къ далекимъ временамъ и свидѣтельствуетъ о неудачныхъ попыткахъ латинянъ совратить православныхъ въ католичество. Извѣстно, что 12-го апрѣля 1204 года латиняне крестоносцы взяли Константинополь и произвели въ немъ ужасающія жестокости и грабительства. Они простерли свою власть почти на всѣ европейскія провинціи византійской имперіи. Не забыли латиняне и св. Аѳонской

горы и всячески старались утвердить въ ней свое вліяніе и склонить монаховъ къ уніи, дѣйствуя не столько силою евангельскаго слова, сколько мечомъ и жестокостями. Въ особенности тяжелое время для Аѳона было въ концѣ XIII в. при константинопольскомъ патріархѣ Іоаннѣ Веккѣ, который на второмъ ліонскомъ соборѣ согласился на подчиненіе восточной церкви римскому престолу. Для миссіонерскихъ цѣлей въ это время отправились латиняне на Аѳонъ. Нѣкоторые монастыри, напр. Лавра, Ксиропотамъ, принимали западныхъ гостей съ честью, а нѣкоторые твердо рѣшились не отворять имъ вратъ и въ случаѣ нападенія ихъ энергически защищаться, запершись въ пиргѣ. Къ числу такихъ монастырей принадлежитъ Зографъ, иноки котораго, борясь за вѣру, претерпѣли мученическій вѣнецъ. Въ это время не вдали отъ монастыря подвизался одинъ старецъ имѣвшій обыкновеніе каждодневно прочитывать по нѣсколько разъ акаѳистъ Божіей Матери предъ ея иконой. Однажды, на немолчный привѣтъ старика Богородицѣ: „радуйся“, онъ слышитъ тоже привѣтъ: „радуйся и ты, старецъ Божій“! Старецъ былъ внѣ себя отъ радости и испуга. Богоматерь торопила его пойти въ монастырь, чтобы предупредить иноковъ о предстоящей имъ опасности отъ идущихъ на ихъ монастырь латинянъ и дать имъ возможность приготовиться къ достойной встрѣчѣ. Старецъ поспѣшилъ. Но едва вступилъ онъ въ монастырскій портикъ, какъ видитъ здѣсь ту самую икону, предъ которой онъ молился. О такомъ чудѣ онъ передалъ инокамъ, которые начали приготовляться къ достойной встрѣчѣ гостей, т. е. къ сопротивленію до послѣдняго издыханія. Слабодушные ушли, а 26 иноковъ съ игуменомъ заперлись въ пиргѣ вмѣстѣ съ этою иконою. Латиняне не замедлили явиться, убѣждая силою краснорѣчія отперетъ двери монастыря и признать папу главою церкви. Иноки не согласились и за свое мужество были сожжены въ этомъ пиргѣ. Икона Божіей Матери найдена невредимою въ пепелищѣ. Эта икона маленькая въ серебряной позлащенной ризѣ. Пла-

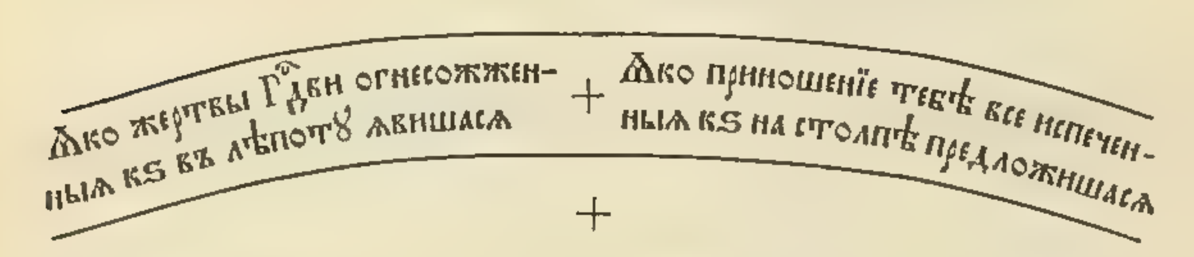
мень оставилъ на ней слѣды, потому что она потемнѣла, какъ должно полагать, отъ дыму. Теперь въ оградѣ монастырской на мѣстѣ этого пирга и въ память мученической кончины 26 иноковъ воздвигнутъ прочный и прекрасный мраморный памятникъ въ 1873 году.

Памятникъ сдѣланъ изъ мрамора и поставленъ на каменномъ фундаментѣ. Вышина его—около двухъ саженъ. Онъ обгороженъ желѣзною рѣшеткою. Вокругъ него разведенъ изящный цвѣтникъ. На всѣхъ четырехъ сторонахъ этого памятника крупными буквами написано все, касающееся какъ устройства самаго памятника, такъ и событія, въ память котораго онъ поставленъ. На западной сторонѣ памятника какъ разъ по серединѣ устроенъ кивотъ. Въ этомъ кивотѣ находится икона, изображающая это печальное событіе; предъ нею неугасимо теплится лампада. На иконѣ изображенъ высокій монастырскій пиргъ; внизу разъяренные латиняне поджигаютъ его и вотъ уже огненные языки прорываются чрезъ окна башни. На верху пирга стоятъ всѣ 26 мучениковъ. У нѣкоторыхъ развернуты свитки, которые они показываютъ стоящимъ внизу латинянамъ. На одномъ свиткѣ написано: „Веземь хлѣбъ квасный, а не прѣсный, яко же вы творите беззаконно“; на другомъ: „Во с҃томъ символѣ аще кто отложитъ или приложитъ (,) анаѳема да будетъ“; на третьемъ: „Окаянный духоборче не вредитъ власи (?), брадыя (?), но исходящiя изъ внутреннаго и лукаваго сердечнаго сокровища“; на четвертомъ: „Милующыя насъ помилуйи крове с҃тыхъ твоихъ воздвигни во славу твою и въ память нашу“. Внизу стоятъ латиняне съ блаженными физіономіями съ развернутымъ свиткомъ: „Отверзите намъ господіе, отверзите е҃ѵгліе Хр҃тово учимъ“.

На восточной сторонѣ просто на мраморѣ написано: „На семъ мѣстѣ, въ бывшемъ пирзѣ, С҃тіи к҃ѕ пре҃дбномч҃нницы Зографстіи, ради доблаго исповѣданія православныя вѣры, ѿ латинъ сожжени быша при Благочест. Болгарстѣмъ ц҃рѣ Кон-

стантинѣ Тисѣ Асенѣ, отстꙋпницѣ же ѿ православныя Восточныя Цркви Греческомъ Царѣ Михаилѣ Палеолозѣ и латино мꙋдрствꙋющемъ Патріарсѣ Веккѣ въ лѣто ѿ Хрста. 1276. Мца. Окт. 10. дня“.

На южной сторонѣ сверху маленькая виньетка:

„Имена стыхъ кѕ прпбно мꙋчениковъ здѣ пострадавшихъ сꙋть сія: игꙋменъ Ѳома, Варсонꙋфій, Кѵріллъ, Міхей, Сїмїонъ, Иларїонъ, Їаковъ, Їовъ, Кипрїанъ, Косма, Сергїй, Мина, Їосифъ, Їоанникій, Павелъ, Антоній, Еѵфимій, Дометїанъ, Парѳеній, Савва, Іаковъ и Мартиніанъ. Прочихъ же четырехъ имена неизвѣстны“.

На сѣверной сторонѣ:

„Здѣ же, въ пеплѣ обрѣтена ікона Пртыя Бцы, неповрежденная всепождающимъ огнемъ и предизвѣстившая нашествїе латинъ на обитель сїю“.

„Сей памятникъ сооруженъ. Въ лѣто. 1873 г. Мца Іꙋніа 12 дня“.

Во время освященія этого памятника было чудесное знаменіе, описанія котораго здѣсь же есть въ кивотѣ. Привожу его:

„ИЗВѢСТІЕ,

къ любопытнымъ и благочестивымъ читателемъ, о чꙋдесномъ знаменіи, еже явися надъ соборною церковїю и памятникомъ стыхъ двадесяти шести Прпбномчниковъ въ день ихъ памяти, Мца Октомврія въ десятый день, въ лѣто ,аѿог (1873 г.).

Пиргъ, въ немже пострадаша Прпбномчницы, стояше частїю даже до лѣта 1873 г.: поелику же закрываше собою новозданное сѣверное зданїе обители, паче же поелику ѿ ветхости распадашеся, и хотяше пасти, то потребно бѣ разрушити его. Сего ради, еже бы не забытися мѣсту на немже стїи совершиша мученическїй подвигъ, и ради вящшаго храненїя памяти Стыхъ и о ихъ стѣмъ подвизѣ, вси братїя нашея обители единодушно имѣяху велїе желанїе поставити на мѣстѣ ономъ памятникъ. Сицевымъ убо усердїемъ братїи, нача спѣшно созидатися памятникъ сей, иже и совершися въ тоже ҂аѿог лѣто; вси радостно ждаху наступленїя дне памяти стыхъ егда имѣяше освятитися памятникъ. Тако всѣмъ чающимъ того дне, наста и навечерїе праздника стхъ, и въ соборнѣй церкви начася всенощное бдѣнїе, въ единъ часъ послѣ захожденїя солнца. Нощь бѣ безлунная и освѣщающеся токмо слабымъ свѣтомъ звѣздъ, въ природѣ же бѣ тишина велїя. Въ шесть съ половиною часовъ [1]), ровно въ полунощи, егда въ церкви послѣ первыя кадїзмы на утрени, читашеся житїе и страданїе стыхъ, внезапно произыде въ церкви легкїй шумъ, и абїе послѣ сего огневидный столпъ явися надъ церковїю, и своимъ свѣтомъ освѣти обитель, и окрестъ ея лежащїя мѣста, толь велїимъ свѣтомъ, яко легко познаватися вещемъ, не точїю въ ней сущимъ, но и ѿ нея далеко отстоящимъ. Дивный сей столпъ постоявши надъ церковїю три или четыре минуты, прейде къ памятнику и остановися надъ нимъ на нѣколико минутъ, тоже нача возноситися вверхъ и, напослѣдокъ, превратися въ кругъ, аки бы вѣнчая собою памятникъ и мѣсто на немъ же Стїи Прпбномчницы совершиша мученическїй свой подвигъ. И тако совершися

---

[1]) Часы по восточному счисленію.

дивное сїе знаменїе, продлившееся до пятинадесяти минꙋтъ, емꙋ же очевидцы мнози изъ братїи обители, и пришедшихъ на праздникъ и скитянъ. Иже видѣвше, и прославиша Бга, прославляющаго Стыя Своя.

Емꙋ же и ѿ насъ бꙋди честь и слава, во вѣки вѣковъ: Аминь".

Осмотрѣвши достопримѣчательности монастырскія, мы направились въ архондарикъ, куда насъ позвали на обѣдъ. По пути мы встрѣтились съ о. игуменомъ Климентомъ, шедшимъ изъ общей трапезы. Онъ говоритъ хорошо по-русски, такъ какъ нѣсколько раньше жилъ довольно долго въ Бессарабіи. Около ¼ часа мы говорили съ нимъ. Онъ, хотя сѣдой, но еще очень живой и бодрый. Рѣчь его очень выразительна и разсудительна. Смотря на этого старца, подающаго всѣмъ примѣръ своею дѣятельностію, начинаешь понимать причину такого цвѣтущаго состоянія Зографскаго монастыря; онъ—этотъ старецъ—главная и движущая причина. Пообѣдали прекрасно; выспались еще лучше. Затѣмъ напились чаю и въ 5 часовъ направились туда, откуда отправились, т. е. въ Руссикъ, куда три часа ходу отъ Зографа. Насъ сопровождалъ до монастырской пристани о. Іосифъ.

Путь отъ монастыря до моря вымощенъ мелкими камешками,—дорога торная. Ее оттѣняютъ широколиственные каштаны и другія растенія: арія, комарня, дубъ. По бокамъ дороги—по горѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ разведены большіе виноградники, принадлежащіе Зографу. Въ оврагѣ виднѣется монастырская мельница. Чрезъ полчаса доѣхали мы до пристани. Здѣсь устроено нѣчто въ родѣ дачи, куда пріѣзжаютъ зографскіе иноки, чтобы подышать морскимъ воздухомъ, а подчасъ и покупаться, хотя это не дозволяется ихъ уставомъ. На берегу моря высится высокій пиргъ; въ немъ устроена церковь во имя Св. Николая; онъ же служитъ складочнымъ мѣстомъ пшеницы и

различныхъ хозяйственныхъ принадлежностей. Здѣсь огородъ образцовый; такіе огороды могутъ быть только у болгаръ, извѣстныхъ садоводовъ и огородниковъ. Здѣсь же строится вѣтряная мельница, которая будетъ молоть, когда угодно, но она расположена около моря противъ длиннаго ущелья между разсѣвшимися здѣсь горами, такъ что образуется сквознякъ, который и будетъ приводить мельницу въ движеніе по желанію. Ужъ больно хитры монахи!

Распрощавшись любезно съ о. Іосифомъ, мы уѣхали. Все время до Руссика мы ѣхали по берегу морскому. Надъ нами висятъ высокія и обрывистыя, мѣстами совсѣмъ отвѣстныя, скалы, съ нависшими утесами, которые повидимому ежеминутно готовы обрушиться. Чувствуешь свое ничтожество предъ этою бездушною громадой, но вмѣстѣ съ тѣмъ сознаешь и свое превосходство какъ человѣкъ одушевленный, имѣющій возможность восхищаться всѣмъ, даже и имъ—этимъ бездушнымъ, висящимъ камнемъ. Съ другой стороны — вѣчно шумящее море. Вечерніе лучи разсыпаются по необозримому морю. Стада дельфиновъ ныряньями и выныряньями разнообразятъ монотонность моря. Впереди—Аѳонъ. Словно пирамида подпираетъ небо. Бѣлое, чистое облако обвивалось кольцеобразно вокругъ горы и представляло подобіе вѣнца, надѣтаго на вершину Аѳона; яркіе лучи солнца придали особенную красоту этому облачному вѣнцу. Направо, вдали отъ насъ мерещатся въ вечернемъ сумракѣ синѣющая Сика и Кассандра, а еще далѣе мерцаетъ бѣлоснѣжное чело Олимпа.

Мулы спѣшатъ, такъ что нужно ихъ сдерживать. Слышенъ звонъ въ Руссикѣ. Мы перекрестились. Завернули за уголъ горы и предъ нами предсталъ Руссикъ, своими бѣлыми постройками отличающійся отъ другихъ монастырей. Слава Тебѣ, Господи! Скоро дома будемъ. На берегу моря и по монастырскимъ аллеямъ видны прохаживающіеся монахи по одному, по два... „Это послѣ вечерни, доложилъ намъ о. Діонисій. Прохаживаются въ ожиданіи бдѣнія, ко-

торое черезъ часъ начнется и будетъ продолжаться до восхода солнца". Солнце заходитъ; мы подъѣзжаемъ къ Руссику, какъ домой. Встрѣчаютъ иноки; поздравляютъ насъ съ благополучнымъ путешествіемъ и пріѣздомъ. Пришли въ тотъ же номеръ, гдѣ и прежде жили. Сейчасъ угостили насъ чаемъ, ужиномъ и пригласили на бдѣніе, отъ чего мы по утомленію отказались. Такимъ образомъ мы находились въ путешествіи 10 дней. За это время мы осмотрѣли почти всѣ монастыри, по крайней мѣрѣ всѣ главные. Остальные еще посѣтимъ, если будетъ время; но уже не на мулѣ будемъ путешествовать, а на лодкѣ.

Руссикъ. 17 іюля. Воскресенье. Цѣлую ночь совершалось бдѣніе. Сквозь сонъ доносилось до меня хоровое пѣніе русскихъ иноковъ, поющихъ въ церкви Покрова Богородицы и—однообразное, заунывное пѣніе иноковъ грековъ изъ соборной церкви св. Пантелеимона. Уже свѣтало, когда я проснулся; какъ разъ въ это время священникъ возгласилъ: „Слава Тебѣ, показавшему намъ свѣтъ". Вотъ гдѣ точное исполненіе устава! Здѣсь нѣтъ такихъ несоотвѣтствій содержанія извѣстной молитвы съ временемъ, какъ у насъ часто бываетъ... По окончаніи утрени я уснулъ, да еще глубокимъ утреннимъ сномъ, потому что ночью, собственно говоря, я не спалъ, а только мучился отъ сильнаго нервнаго возбужденія, вызваннаго доносившимся до меня пѣніемъ. Пѣніе вообще, и вчастности церковное, всегда производитъ на меня сильное впечатлѣніе, но слышимое въ полусознательномъ состояніи, въ какомъ я находился въ эту ночь, возбуждаетъ просто до болѣзненности... Сильный стукъ въ двери разбудилъ меня. Сквозь сонъ слышу что-то, но почему-то не могу подняться. Догадываюсь, что это, должно быть, о. Діонисій будитъ насъ. Но мнѣ представилось, что я въ какомъ-то другомъ монастырѣ и что сейчасъ нужно ѣхать далѣе по горѣ. Поэтому, я и отвѣтилъ: сейчасъ встаю, о. Діонисій. А мулы готовы? Но вдругъ очнул-

ся и убѣдился, что я уже дома и потому избавленъ отъ труднаго путешествія на мулахъ по горѣ. Тотчасъ подбѣжалъ къ дверямъ и отодвинулъ задвижку. О. Діонисій вошелъ въ полномъ парадномъ монашескомъ одѣяніи: въ новомъ клобукѣ, въ черной чистенькой рясѣ, съ елейною физіономіей, но съ заспанными глазами.

„Что вы такъ долго и крѣпко спите? Я стучу, стучу, и не достучусь", сказалъ онъ, но совершенно не съ тономъ укоризны.

—Такъ и слѣдуетъ, говорю я. Сказано—стучите и отворятъ. Вы постучали, я и отворилъ.

„Одѣвайтесь, скоро литургія начнется; бдѣніе ужь давно кончилось".

—А вы были, о. Діонисій, на бдѣніи?

„Былъ, хотя съ дороги страшно утружденъ былъ; но спалъ формальнымъ порядкомъ (обычное выраженіе о. Діонисія), прости Господи! Батюшка игуменъ два раза будилъ меня, говоря, чтобы я не вывалился изъ монашеской стойки и не храпѣлъ. Что же дѣлать? Немощи"...

Скоро я одѣлся и пошелъ въ церковь. Литургія только что началась. Служилъ о. игуменъ Макарій въ сослуженіи шести іеромонаховъ. Пѣли, кажется, нѣсколько лучше, чѣмъ въ первый разъ, хотя басы и теперь слишкомъ усердствовали въ ущербъ теноровой партіи, вслѣдствіе чего выходило слишкомъ крикливо. Между прочимъ сегодня пѣли и концертъ неизвѣстнаго мнѣ композитора, но по всей вѣроятности мѣстнаго аѳонскаго: „Тебе воплощеннаго Спаса Христа... во гласѣхъ пѣній величаемъ". Этотъ концертъ вѣроятно разсчитанъ на эффектъ, но напрасно; на любителя истиннаго церковнаго пѣнія онъ не можетъ произвести никакого пріятнаго дѣйствія. Онъ можетъ произвести эффектъ только на любителя сильныхъ ощущеній, потому что партія басовая почти исключительно построена на верхнихъ нотахъ и верхнее *ре* въ одномъ мѣстѣ тянется на цѣлые пять тактовъ. Можетъ-быть этотъ концертъ, если бъ онъ пѣлся

съ маленькими голосами и притомъ нѣсколько искуснѣе, и произвелъ бы пріятное впечатлѣніе, но въ такомъ видѣ, въ какомъ я его сегодня слыхалъ, пусть не поется, или по крайней мѣрѣ—рѣдко...

Въ церкви было очень много богомольцевъ, пріѣхавшихъ на послѣднемъ пароходѣ. Ни въ одномъ монастырѣ не видалъ я столько богомольцевъ, какъ здѣсь. Но, Боже мой! какіе они измученные, оборванные! Пріѣзжаютъ изъ Россіи такими здоровыми, а здѣсь, соревнуя монахамъ въ подвигахъ, становятся блѣдными, измученными. Видѣлъ я также многихъ бравыхъ солдатъ; только теперь они ужь вовсе не бравые: лица ихъ, прежде свѣжія, здоровыя, теперь блѣдны и болѣзненны. Они уже ходятъ въ монашескихъ полурясках и, по благословенію о. Игумена, находятся на извѣстныхъ послушаніяхъ. Но что за усердіе къ молитвѣ, что за вѣра у этихъ простыхъ людей, просто удивительно! Изъ среды богомольцевъ обратили на себя мое вниманіе два пожилыхъ поклонника. Такого видимаго усердія къ молитвѣ, такого благоговѣнія, мнѣ кажется, не приходилось видѣть. Если бы я былъ художникомъ и думалъ изобразить картину искренно молящагося человѣка, то лучшей модели для такой картины не нашелъ бы. Съ самаго начала литургіи и до конца эти поклонники простояли на одномъ мѣстѣ: одинъ предъ иконою св. Пантелеимона-Цѣлителя, а другой—предъ иконою Божіей Матери. Оба они, вперивъ свои глаза на иконы, стояли какъ статуи, помавая иногда главами своими въ сознаніи своего грѣховнаго недостоинства.

По окончаніи литургіи мы были приглашены въ самый главный архондарикъ, гдѣ былъ о. Макарій со служившими іеромонахами и другіе почетные гости. О. Макарій вручилъ намъ по просфорѣ и поздравилъ съ благополучнымъ путешествіемъ. Мы съ своей стороны поблагодарили его за предоставленіе намъ удобствъ для благополучнаго путеше-

ствія. Затѣмъ, мы всѣ съ о. Макаріемъ пошли въ общую трапезу.

Послѣ обѣда, я, слѣдуя монашескому обычаю, заснулъ. Спалъ не долго; вышелъ на коридоръ; тихо; монахи еще не просыпались. Долго-долго прохаживался я по коридору, напоминая своимъ стукомъ въ такой гробовой тишинѣ какого-нибудь часового въ тюрьмѣ. Много-много тогда я коечего передумалъ; все мое десятидневное путешествіе по горѣ предстало какъ на ладони. Погрузившись въ думы, я и не замѣтилъ, что полуденное солнце слишкомъ жгло, такъ что, опомнившись, я очутился съ страшною головною болью. Пришелъ въ келью, затворилъ ставни и прилегъ. Черезъ часъ слышу, звонятъ къ вечернѣ. Монахи встаютъ и опять идутъ молиться. И такой круговоротъ, такое однообразіе во всю жизнь!... Неужели я былъ бы въ состояніи вынести все это?...

Руссикъ. 18 іюля. Понедѣльникъ. Сегодня я весь день проболѣлъ. Чувствую сильную боль въ головѣ, въ ногахъ, внутренній жаръ...

Вторникъ. 19 іюля. Чувствую себя сегодня гораздо лучше, чѣмъ вчера, благодаря морскому купанію, которымъ мы рѣшили пользоваться три раза на день: утромъ въ четыре часа, въ 10 часовъ и вечеромъ. Купаться прекрасно, въ особенности по утрамъ и вечерамъ. Удивляюсь, какъ монахи не пользуются такою благодатію, считая это невинное удовольствіе грѣхомъ. Сегодня мы купались вечеромъ довольно поздно—часовъ въ девять, чего не позволили бы себѣ въ другое время, такъ какъ ворота монастыря запираются обыкновенно довольно рано; но такъ какъ теперь было всенощное бдѣніе по случаю завтрашняго праздника св. пророка Иліи, то ворота оставались отпертыми цѣлую ночь. Чувствовали мы теперь себя очень хорошо. Солнце уже давно спряталось за Олимпъ; красные лучи его еле-еле догораютъ; становится темно. Мы уже выкупались и сидимъ на камнѣ, любуясь безпредѣльнымъ моремъ и неумолкае-

мымъ шумомъ его. Въ монастырѣ трезвонятъ, да такъ прекрасно, съ такимъ переборомъ колоколовъ, что невольно заслушиваешься. Звонитъ, какъ видно, мастеръ своего дѣла. Въ это время не вдали отъ насъ послышались какія-то завыванія,—не то кошачьи, не то собачьи, не то волчьи. Оказалось, что это были шакалы, пришедшіе такъ близко на звонъ колоколовъ. Вставши съ камня и намѣреваясь уже итти домой, такъ какъ уже порядочно стемнѣло, мы подлѣ креста находящагося не вдали отъ насъ на могилѣ, замѣтили что-то движущееся. Это былъ молящійся инокъ. Съ какимъ усердіемъ молился онъ! Припадетъ къ землѣ и минутъ пять лежитъ, затѣмъ встанетъ и опять молится. Слышны всхлипыванія. О чемъ молится этотъ инокъ? Быть-можетъ у него тяжкій грѣхъ на душѣ... Кто знаетъ его настоящій внутренній міръ?

Пришедши въ монастырь, мы стояли на бдѣнія около четырехъ часовъ. Монахи не всѣ бдятъ; нѣкоторые преспокойно отдыхаютъ въ своихъ монашескихъ стойкахъ (стосидіяхъ). Экклисіархи часто обходятъ церковь со свѣчею и будятъ небдящихъ. Иногда самъ о. игуменъ совершаетъ обхожденіе и нарушаетъ сладкій покой отдыхающихъ. Во второмъ часу ночи я пришелъ въ келью и уснулъ, даже не раздѣваясь, такъ усталъ послѣ бдѣнія.

Среда. 20 іюля. Руссикъ. Былъ на литургіи; богомольцевъ было гораздо меньше, чѣмъ въ воскресенье: многіе ушли на храмовой праздникъ въ Ильинскій скитъ.

Сегодня во время обѣда я увидѣлся съ своимъ старымъ знакомымъ Наумычемъ. Я сразу не узналъ его: на немъ была монашеская полуряска, поверхъ нея—поварскій фартухъ, на головѣ—монашескій кукуль. Онъ подавалъ намъ кушаніе.

„Здравствуй, Егорычъ"! привѣтствовалъ онъ меня.

— Что это съ вами, Трофимъ Наумычъ? Не поступаете ли въ монахи?

„Теперь на монашенскомъ послушеніи. Хочу испытать, что это за жизнь монашенская; а то, что такъ жить,— нужно все переиспытать. Вотъ вчера-сь я и пошелъ къ батюшкѣ отцу Макарію и говорю ему: батюшка, благословите на какое-нибудь монашенское послушеніе; хочу-де испытать все: на всѣхъ послушеніяхъ буду, а потомъ и поѣду домой и буду уже знать, что это за жизнь монашенская. Батюшка Макарій засмѣялся, да и благословилъ меня сперва на это поварское послушеніе. Нужно, Егорычъ, все переиспытать". Я замѣтилъ, что онъ какъ будто стыдится меня и другихъ обѣдающихъ, и потому когда говоритъ, то какъ будто защищается, хотя никто не нападаетъ на него. И дѣйствительно, ему чувствуется неловко: недавно былъ бариномъ, ему прислуживали, а теперь онъ другимъ прислуживаетъ. Я всячески оправдывалъ его поступокъ и даже похвалилъ за такое хорошее дѣло, какъ испытаніе монашеской жизни. Онъ, видимо, успокоился.

21 іюля. Четвергъ. Въ эту ночь я былъ разбуженъ сильнымъ стукомъ моихъ отворенныхъ окошекъ. На дворѣ былъ сильнѣйшій вѣтеръ. Я вышелъ на коридоръ. Страшно было ходить по висячему деревянному коридору, который такъ и трясся отъ сильнаго вѣтра. Деревья гнутся до долу; слышенъ стукъ отъ падающихъ бревенъ. Море разыгралось во всей своей стихійной силѣ; шумъ и плескъ волнъ о скалистые берега такъ явственно слышны, какъ бы я стоялъ при морѣ. А между тѣмъ на небѣ ни одного облачка: небо усѣяно ярко свѣтящимися звѣздами (что́ свидѣтельствуетъ о прозрачности воздуха), какъ въ самую тихую ночь. Вообще меня удивляетъ здѣшняя погода. Около мѣсяца я здѣсь живу и во все это время не видѣлъ на небѣ ни малѣйшаго облачка; отъ утра до вечера солнце печетъ сильнѣйшимъ образомъ, не встрѣчая для себя на небѣ никакого препятствія; ночью же при совершенно безоблачномъ небѣ очень часто бываютъ страшныя бури.—Простоявъ нѣсколько минутъ на коридорѣ и намѣреваясь уже

итти обратно въ свою келью, я вдругъ былъ пораженъ страшными криками не вдали отъ меня: „Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя...! Ай, ой...“! Побѣжалъ я въ свой номеръ, заперъ двери и легъ, укрывшись одѣяломъ, хотя до неимовѣрности душно было. Но я уже не могъ спать до утра; тѣмъ болѣе, что скоро послышался отчаянный звонъ колокольчика, пробуждающій монаховъ на утреню. Испугавшій же меня своимъ крикомъ былъ, какъ оказалось, нервно разстроенный старикъ-монахъ, которому уже перевалило за 90 лѣтъ...

Сегодня за обѣдомъ не было Трофима Наумыча. Мнѣ сказали, что онъ уже бросилъ это послушаніе. Скоро, думаю себѣ, испытываетъ онъ монашескія послушанія. Послѣ обѣда я прилегъ немного, потому что ночью мало спалъ. Только что задремалъ, слышу, кто-то стучитъ въ двери. Отворяю, и предо мною предстаетъ Наумычъ; но онъ уже безъ ряски, безъ фартуха, безъ кукуля... однимъ словомъ прежній Наумычъ, но только какой-то разбитый, разслабленный.

— Что это вы не въ монашескомъ одѣяніи? спрашиваю его.

„Что же дѣлать? Вотъ руки попухли, какъ колоды; только вѣдь день поработалъ, а что если бы мѣсяцъ, или годъ... Вѣдь оно какъ будто и хорошо на этомъ поварскомъ послушеніи на счетъ кушаніевъ и питія; но работы— страхъ сколько! Всякому, кто ни придетъ, подавай, да на столъ клади не одну тарелку, а тарелокъ шесть. Онъ-то все это загадитъ, а ты послѣ и мой. Ну, добро были бы какіе-нибудь благородные, какъ мы, примѣромъ, съ тобою; а то какой-нибудь паршивый гречонокъ: ты ему и подай, ты за нимъ и вымой... Кажется, оно легкая работа: подай, вымой, да и только. Такъ я сначала и думалъ; все такъ аккуратно вымывалъ посуду сперва въ горячей, а потомъ въ холодной водѣ. Грекъ-то поваръ,—на что умный человѣкъ,—видитъ это мое усердіе, да и говоритъ: „э, братъ, Трофимъ! Не долго ты потянешь, ежели такъ поработаешь“.

Я не вѣрилъ ему; но пришлось скоро повѣрить. Поужинали мы вчера прекрасно. Пошелъ я спать. Слышу, что-то начинаетъ покалывать въ пальцахъ, да каждый разъ все сильнѣе, да сильнѣе. Дали мнѣ регальнаго масла [1]): все мажу, да мажу; ужъ зазвонили на утреню, а я все мажу, да такъ и цѣлую ночь не спалъ. Гляжу утромъ—вся рука распухла. Бѣгу я къ монастырскому доктору; онъ чѣмъ-то помазалъ, и вотъ теперь стало нѣсколько лучше. Ну его совсѣмъ съ монашенскимъ послушеніемъ! Что за нужда! Я вѣдь никогда не работалъ. У меня дома артель человѣкъ въ 50, а тутъ работай; будто и такъ я не имѣю права жить въ монастырѣ; вѣдь я сюда уже представилъ 25,000 пудовъ рыбы! Иду я сегодня послѣ литургіи къ батюшкѣ отцу Макарію, да и говорю ему: ну, батюшка, плюну я теперь въ глаза тому, кто скажетъ, что монахамъ живется легко. Всякому, кто захочетъ итти на Аѳонъ посвящаться въ монахи, скажу: заворачивай и иди въ Сибирь; тамъ гораздо лучше, чѣмъ монахамъ на Аѳонѣ. Батюшка засмѣялся, да и говоритъ: „зачѣмъ тебѣ, Наумычъ, брать монашенское послушеніе? Жилъ бы себѣ, какъ живутъ другіе благородные“. Нѣтъ, говорю я, хочу испытать всѣ монашенскія послушенія. Вотъ какъ руки вылѣчу, то благословите, батюшка, на другое послушеніе, только полегче. Батюшка о. Макарій засмѣялся только и обѣщалъ дать мнѣ другое послушеніе. Такъ вотъ, Егорычъ, что значитъ монашенское послушеніе!... Хотя мнѣ не нужда, а все-таки хочу испытать... Вотъ, Егорычъ, напиши-ка мнѣ письмо“!

Первое письмо я написалъ домой къ его женѣ. Въ этомъ письмѣ я писалъ отъ имени Трофима, что я живу на Аѳонѣ, молюсь Богу и тружусь, несу послушанія, которыя очень трудны, и даже не по силамъ мнѣ.

---

[1]) Весьма жгучее масло, приготовляемое спеціально на Аѳонѣ изъ травъ, здѣсь растущихъ. Оно здѣсь считается цѣлительнымъ средствомъ отъ всѣхъ болѣзней—наружныхъ и внутреннихъ. Цѣнится слишкомъ дорого.

„Не нужно было этого писать, не нужно... Нужно было только поклониться всѣмъ“...

Насилу я убѣдилъ его, что это отнюдь не роняетъ его достоинства, а напротивъ—возвышаетъ. Теперь я по крайней мѣрѣ узналъ, въ какомъ родѣ ему письмо нужно писать. Четыре письма, написанныя въ такомъ духѣ, вполнѣ удовлетворили его.

Пятница. 22 іюля. Руссикъ. Въ седьмомъ часу вечера я съ нѣкоторыми почтенными иноками гулялъ въ окрестностяхъ Руссика. Нечаянно пришли мы къ монастырской мельницѣ, находящейся на ¼ часа разстоянія отъ монастыря. Нечаянность эта доставила мнѣ большое удовольствіе, потому что мельница заслуживаетъ того, чтобы видѣть ее. Мельница—водяная; но воды въ этой мѣстности мало. Поэтому на возвышенности горы устроенъ большой бассейнъ, туда мало по малу изъ сосѣднихъ болѣе высокихъ скалъ собирается вода, приносимая маленькими ручейками. Въ одномъ направленіи внизу устроены четыре мельницы, которыя всѣ за-разъ и приводятся въ движеніе одною и тою же водою изъ бассейна. Внутреннее устройство мельницъ—самое простое и цѣлесообразное. Эти мельницы строилъ простой монахъ, въ мірѣ бывшій плотникомъ; а между тѣмъ, тутъ есть чему поучиться и самому ученому механику. Любуясь такими постройками, которыми, замѣчу, Руссикъ мало по малу обстраивается, я подумалъ: великое будущее предстоитъ Руссику! Многіе греческіе монастыри отъ ветхости разрушаются, а онъ все болѣе и болѣе обстраивается...

Суббота. 23 іюля. Время пребыванія моего на св. Аѳонѣ приблизилось уже къ концу; сегодня вечеромъ меня уже не будетъ на Аѳонѣ. Почти весь сегодняшній день посвященъ былъ на приготовленіе къ обратному отъѣзду. Не хотѣлось мнѣ такъ скоро отсюда уѣзжать; не хотѣлось разставаться съ радушною братіею Руссика, гдѣ я чувствовалъ себя какъ „дома“. Въ три недѣли пребыванія моего на Аѳонѣ я на-

столько уже успѣлъ войти въ колею монастырской жизни, что она отнюдь уже не казалось для меня тягостною, какъ сначала. Желательно было бы мнѣ остаться здѣсь еще по крайней мѣрѣ до 27 іюля, чтобы быть на храмовомъ праздникѣ Руссика въ честь св. Пантелеимона; говорятъ, что праздество это совершается съ величайшею торжественностью. Но несмотря на это, долѣе оставаться здѣсь мнѣ нельзя. Турецкій пароходъ заходитъ на Аѳонъ одинъ разъ черезъ двѣ недѣли. Слѣдовательно, если я не поѣду на пароходѣ, имѣющемъ притти сегодня вечеромъ, то придется оставить Аѳонъ около 8 августа. Это бы еще ничего не значило, если бы въ перспективѣ не было карантина, который, правда, по неслишкомъ еще достовѣрнымъ извѣстіямъ, придется выдерживать или въ Дарданеллахъ, или предъ Одессою въ теченіи 10 дней. Вотъ почему мнѣ необходимо было сегодня выѣзжать, чтобы поспѣть въ Кіевъ къ 15 августа, по которое число и выданъ мнѣ заграничный паспортъ.

Собравши имѣющіяся у насъ вещицы, мы (я и Чернятынскій) пошли въ монастырскую лавку и пріобрѣли нѣкоторыя вещи, которыя напоминали бы намъ объ Аѳонѣ. Мы купили нѣсколько паръ хорошихъ четокъ, нѣсколько позолоченныхъ и простыхъ крестиковъ, большую икону цѣлителя Пантелеимона, альбомъ аѳонскихъ видовъ и многое другое въ этомъ родѣ...

По возвращеніи въ номеръ, намъ предложена была большая книга, въ которую вписываютъ свои имена почетные посѣтители Аѳона. Нѣтъ сомнѣнія, что книга эта будетъ имѣть большое историческое значеніе для исторіи Аѳона, такъ какъ здѣсь собственноручно вписываются не только имена посѣтителей Аѳона, но тѣ или иныя замѣчанія о современной жизни Аѳона, объ ея достоинствахъ или недостаткахъ. Жаль только, что книга эта заведена сравнительно не очень давно, именно въ 1852 году. Первою стоитъ запись, если память не измѣнила, Безобразова, по мысли котораго и заведена эта книга. Я очень жалѣю, что, по недостатку времени, не успѣлъ хорошо ознакомиться съ этою книгою и списать кое-какія характерныя записи, которыхъ здѣсь очень много. Общій тонъ всѣхъ записей: восхищеніе

аѳонскими красотами, монастырскою киновіею Руссика, сожалѣніе о замѣчающейся на Аѳонѣ распрѣ греческихъ иноковъ съ русскими (впрочемъ, это высказывается только въ нѣкоторыхъ записяхъ, напр. въ записи покойнаго преосв. Порфирія) и благодарность оо. Макарію и Іерониму съ братьею за ихъ радушіе и любовь. Запись моя была въ такомъ же духѣ, только примѣнительно къ моему положенію. Я написалъ, что вакаціонное время, проведенное мною на Аѳонѣ, останется памятнымъ для меня на всю жизнь, какъ по разнообразію прекрасныхъ впечатлѣній, испытанныхъ мною во время путешествія по Аѳону, такъ и потому рою мыслей, которыя возбудило во мнѣ посѣщеніе Аѳона и его древнихъ монастырей; что монастырская киновія есть возможное стремленіе къ достиженію идеала первобытнаго христіанскаго общества, когда у всѣхъ христіанъ было едино сердце, единъ духъ, всѣ имѣли все общее, постоянно пребывая въ ученіи апостоловъ, въ общеніи и преломленіи хлѣба и въ молитвахъ; что я познакомился съ новыми, невиданными еще мною формами жизни, вслѣдствіе чего умъ мой обогатился новымъ запасомъ свѣдѣній, по словамъ Премудраго: „обтекаяй страны, умножаетъ разумъ". Въ заключеніе я высказалъ благодарность о. Макарію съ братьею за всѣ удобства, которыми я пользовался въ монастырѣ, а также во время путешествія. „Прощай Аѳонъ, прощай дорогой Руссикъ"! закончилъ я.—Не ложь, а сущую правду писалъ я, восхищаясь киновіею. Киновія—это самый высшій родъ монашеской жизни и вполнѣ соотвѣтствующій идеѣ монашества. Монашество въ собственномъ смыслѣ слова тожественно съ анахоретствомъ: всякій монахъ по идеѣ есть анахоретъ. Но если подвигъ анахоретства и труденъ, потому что человѣкъ, созданный для общественной жизни, когда удаляется въ пустыню, идетъ, такъ сказать, наперекоръ своей природѣ, то киновія гораздо труднѣе. Правда, человѣкъ здѣсь живетъ въ средѣ подобныхъ себѣ, но, что̀ самое главное, отрекается отъ своего я, отъ своей воли. Слово игумена принимается въ киновіи за изъявленіе Господней воли. А что стоитъ человѣку, одаренному великимъ даромъ

свободы, подчинить свою волю другому, стѣснять себя въ дѣйствіяхъ и даже въ самой мысли и такимъ образомъ лишаться этого дара? Не подвигъ ли это? Въ киновіи въ полномъ смыслѣ—подвижники, и притомъ великіе подвижники, потому что ради Бога и своего спасенія, слѣдуя словамъ Спасителя, отреклись сами отъ себя и предали свою волю какъ бы на крестное распятіе. Въ киновіяхъ—истинный путь крестнаго самоотверженія. Жизнь киновіатовъ и величайшіе изъ отцовъ считали слишкомъ высокою и не всѣми выносимою... Впрочемъ, я слишкомъ уже увлекся, восхищаясь киновитскою жизнью. Кто желаетъ видѣть киновію, какъ истинное выраженіе идеи монашества, пусть самъ лично убѣдится въ этомъ, съѣздивши на Аѳонъ.

Какъ видно изъ данной намъ книги, Аѳонъ посѣщается весьма многими именитыми лицами. Не оставляютъ его своимъ посѣщеніемъ и покровительствомъ многія лица изъ царской фамиліи: здѣсь есть подпись великой княгини Александры Петровны, бывшей въ 1881 году у береговъ Аѳона, великихъ князей: Александра Александровича и Константина Константиновича. Аѳонъ, какъ видно, посѣщало много высокопоставленныхъ лицъ какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ съ научною цѣлью: преосвященный Порфирій (недавно скончавшійся), преосв. Александръ полтавскій (умершій въ Кіевѣ), архимандритъ Леонидъ, арх. Антонинъ, нынѣ начальникъ іерусалимской миссіи, Безобразовъ, Голубинскій, братья Терновскіе и много другихъ ученыхъ. Замѣчу à propos, что контингентъ посѣтителей Аѳона изъ молодыхъ учащихся очень и очень не великъ. Если судить по этой книгѣ, то никто изъ молодыхъ учащихся съ 52 года (съ какихъ поръ ведется эта книга) не посѣщалъ Аѳона, такъ что я являюсь первымъ посѣтителемъ Аѳона изъ учащагося люда. Не знаю, буду ли хорошъ на починъ.

Наступаетъ вечеръ; близится часъ нашего отъѣзда. Насъ пригласили въ церковь на напутственный молебенъ о безопасномъ плаваніи по водамъ. Я съ Чернятынскимъ исправляли обязанности чтецовъ и пѣвцовъ. Послѣ молебна мы пошли проститься съ достоуважаемымъ игуменомъ о. Макаріемъ. При прощаніи мы лично поблагодарили его за его

отеческое отношеніе къ намъ во все время пребыванія на Аѳонѣ. Онъ благословилъ насъ кипарисными иконами Пантелеимона, нѣсколькими парами четокъ, видами Аѳонской горы и монастыря... Въ 8 часовъ вечера мы при благожеланіи братіи отправились къ монастырской пристани, называемой здѣсь „арсана", гдѣ насъ ожидала большая лодка, которая должна довезти насъ на пристань „Дафну", гдѣ пристаетъ пароходъ. Много братіи сопровождало насъ до монастырской пристани. Между ними былъ и добрѣйшій о. Діонисій, нашъ чичероне, все время хлопотавшій сегодня о насъ, наряжая насъ въ далекій путь. Теперь онъ съ большимъ узломъ, гдѣ припасены различные съѣстные припасы. Бѣдный о. Діонисій! Онъ плачетъ. Онъ сквозь слезы благословляетъ насъ, цѣлуетъ. Отъ маленькаго Коли онъ просто оторваться не можетъ, видя въ немъ своего маленькаго братца. Тронуты до слезъ и мы, видя такое расположеніе къ намъ отшельниковъ аѳонскихъ.

Тихо отчалили мы отъ берега. Прощай Аѳонъ! Прощай дорогой Руссикъ! Прощай радушная братія! Въ монастырѣ въ это время зазвонили на повечеріе. Далеко разносился по горамъ звукъ колокола. Тяжело стало на сердцѣ, какъ будто съ родными разстался. Медленно движется наша громадная лодка, подгоняемая веслами трехъ мальчиковъ-болгаръ. Руссикъ мало по малу скрывается въ вечерней мглѣ. Обиліе свѣтовыхъ точекъ еще даетъ знать о мѣстѣ Руссика. Предъ нами встаютъ картины грозныхъ нависшихъ скалъ, круто опускающихся въ море. Тихо въ горахъ. Кое-гдѣ заблеститъ огонекъ,—это вѣроятно келья; откуда-то доносится заунывный звукъ колокола. Я весь предался созерцанію и не свожу глазъ съ удалявшагося Аѳона, упиваясь, такъ сказать, его исчезавшимъ образомъ. Изъ такого созерцанія я выведенъ былъ тихо обращеннымъ ко мнѣ чьимъ-то вопросомъ:

„Что, Егорычъ, такъ пригорюнился"?

Обращаюсь назадъ и, къ моему удивленію, вижу моего добраго знакомаго Трофима Наумыча.

„Что, не узнаешь? Я теперь опять въ монашенскомъ одѣяніи. Батюшка о. Макарій благословилъ меня на новое

послушеніе принимать съ парохода и отправлять богомольцевъ. Первый разъ теперь я тебя отправляю. Жаль мнѣ разставаться съ тобою, Егорычъ. Ты такая прекрасная компанія былъ мнѣ, что лучше и трудно поискать. Дай ты мнѣ свой адресъ; когда я послѣ Покрова буду ѣхать съ Аѳона, то непремѣнно свижусь съ тобой въ Кіевѣ. Такъ бы поѣхалъ домой и я теперь съ тобой; но хочу испытать всѣ монашенскія послушенія"...

Изъ другихъ знакомыхъ теперь ѣхалъ также профессоръ А. Цугарелли. Изъ разспросовъ его я узналъ, что онъ на Аѳонъ пріѣхалъ вовсе не спеціально по Иверо-Грузинскому дѣлу. Цѣль же его состояла въ томъ, чтобы изслѣдовать вообще древнія рукописи и преимущественно грузинскія. Двѣ недѣли онъ усидчиво работалъ въ богатой рукописями иверской библіотекѣ. Относительно же древняго спора грековъ съ грузинами на право владѣнія Иверомъ профессоръ сказалъ, что яснѣе Божьяго дня, что этотъ монастырь грузинскій; дѣло остается только за формальною стороною, т. е. требуется только лучше все это оформить.

Наконецъ и Дафна ужъ не далеко. Вдругъ слышимъ пароходный свистокъ. Смотримъ, изъ-за аѳонскаго выступа заблестѣлъ огонекъ. Это—турецкій пароходъ, имѣющій увезти насъ. Свѣтящаяся точка все ближе и ближе къ намъ движется; уже замѣтны очертанія парохода, слышенъ страшный ревъ и шипѣніе этого звѣря морскаго, ужъ подъ нами колышется вода, приводимая въ движеніе дыханіемъ этого чудовища. Мы ужъ и не пристаемъ къ пристани, а прямо къ пароходу, который не пускаетъ теперь якоря, такъ какъ погода тихая, а держится на парахъ. По спущенному трапу мы влѣзли на пароходъ. На немъ пріѣхало теперь много богомольцевъ нарочито къ празднику св. Пантелеимона. Остальные пассажиры были все красноголовыя фески: греки, албанцы и турки, вооруженные ножами, пистолетами и ружьями. Сначала даже страхъ обуялъ меня, въ особенности при видѣ свирѣпыхъ и грозныхъ албанцевъ, которые почему-то напоминали мнѣ морскихъ пиратовъ, въ былое время нападавшихъ и разграблявшихъ аѳонскіе монастыри. Но вскорѣ я свыкся съ своимъ положеніемъ среди

восточныхъ людей, которые сдѣлались даже для меня объектомъ восхищенія и наслажденія ихъ величавымъ, мужественнымъ видомъ.—Чрезъ часъ,—приблизительно въ одиннадцатомъ часу вечера,—пароходъ отошелъ по направленію къ Солуни, который отстоитъ отъ Аѳона почти на сутки ѣзды на пароходѣ. Скоро скрылся Аѳонъ въ ночной темнотѣ. Ночная темь освѣщалась большимъ заревомъ въ сѣверной части Аѳона, по направленію къ Зографу и Хилендарю. Мы такъ и подумали было, что, чего не дай Богъ, горитъ какой-нибудь изъ этихъ монастырей. Но бывшій съ нами монахъ изъ Зографа объяснилъ, что это горятъ только лѣса зографскіе и хилендарскіе, но вдали отъ самыхъ монастырей, такъ что имъ не угрожаетъ никакой опасности. Эти лѣса подожжены греческими крестьянами въ отместку монахамъ за то, что они-де незаконно владѣютъ ими.

Ѳессалоники (Солунь). Воскресенье. 24 іюля. Зыбь на морѣ въ эту ночь была довольно сильная. Едва обогнули мы мысъ Сикя и вступили въ открытое море, какъ вдругъ подулъ вѣтеръ и волны начали очень недружелюбно подталкивать насъ въ разныя стороны, обдавая пассажировъ солеными брызгами; но пароходъ, быстро разсѣкая ихъ, продолжалъ свой путь среди ночной темноты, въ которой свѣтились только огни на палубѣ, да бѣлѣли гребни волнъ. Пассажиры перваго и второго класса ушли въ каюту, а мы, пассажиры третьяго класса, остались на палубѣ, освѣжаясь по временамъ брызгами свирѣпѣющаго моря. Турки, которые, замѣчу, и отправляясь въ путешествіе, стараются обставить себя болѣе или менѣе комфортабельно, захвативъ самую лучшую часть палубы, расположились спать, разостлавъ ковры или бараньи шкуры и закутавшись въ шали по самые глаза. Греки же, составивши отдѣльное общество и не обращая вниманія на свирѣпѣющія волны и довольно чувствительное покачиваніе нашего маленькаго пароходика, распѣвали пѣсни; а одинъ изъ нихъ, на потѣху своимъ землякамъ, исполнялъ какой-то странный, монотонный танецъ.

Я пробылъ на палубѣ, стоя до поздней ночи, погруженный въ свои думы. И я не прочь бы обставить себя комфортабельно, подобно какому-нибудь турку, да нѣтъ возможности: у меня нѣтъ не только какой-нибудь бараньей шкуры, которую бы я подостлалъ подъ себя, нѣтъ даже достаточно теплаго верхняго одѣянія, чтобы защитить себя отъ сырости и холоднаго вѣтра. Только около полуночи удалось мнѣ кое-какъ примоститься. Спалось не хорошо; проснулся съ восходомъ солнца. Въ это время мы уже плыли по широкому Солунскому заливу. Картина, представившаяся моимъ глазамъ, была восхитительна. На горизонтѣ виднѣлся синеватый берегъ Кассандры, мимо которой мы проплыли ночью; еще дальше обозначался чуть замѣтный и почти слившійся съ небомъ остроконечный пикъ Аѳона, надъ которымъ, будто флагъ, стояло бѣлое облачко. Съ правой стороны тянулись постепенно возвышающіеся берега македонскаго полуострова, а съ лѣвой—возвышался сорокоглавый Олимпъ во всей своей величественной красотѣ. Средину его опоясывали бѣлыя облака, а надъ ними, какъ бѣлая палатка, торчала коническая вершина Оссы, засыпанная снѣгомъ. Розовыми блестками горѣли при свѣтѣ восходящаго солнца его вѣчные снѣга, и я съ какимъ-то самодовольствомъ и наслажденіемъ любовался на этотъ гигантскій престолъ языческаго громовержца. Наслаждаясь такою прекрасною картиною, я унесся мыслью къ его былому классическому величію, когда онъ живымъ воображеніемъ грековъ былъ заселенъ богами. Возстала предо мною и тѣнь безсмертнаго Гомера съ его безсмертнымъ твореніемъ. Прошлая историческая жизнь Македоніи также предносилась, правда—смутно, въ моей мысли. Предо мною поочередно возставали знаменитые представители различныхъ эпохъ ея: Александръ Великій, св. апостолъ Павелъ, равноапостольный Константинъ, свв. братья Кириллъ и Меѳодій...

Въ то время, какъ я уносился мыслью къ историческому былому Өессаліи и Македоніи, пароходъ нашъ, круто повернувши по направленію къ сѣверо-востоку, вошелъ въ Солунскій проливъ, и предъ нами предсталъ самый городъ Солунь во всемъ его внѣшнемъ величіи. Городъ представляетъ видъ четыреугольника, съ трехъ сторонъ обнесенъ высокими стѣнами, изъ которыхъ возвышаются въ нѣсколькихъ мѣстахъ тупоконечныя высокія башни. На самомъ же берегу залива стоитъ огромная древняя башня, бывшая, какъ говорятъ, мѣстомъ заключенія преступниковъ. Солунь расположенъ при заливѣ того же имени, на плоской горѣ, постепенно понижающейся къ заливу. Оттого-то онъ съ внѣшней стороны кажется просто восхитительнымъ, какъ и всѣ вообще восточные города, въ особенности расположенные на покатостяхъ. Окрестности города, какъ видно, слишкомъ печальны и непривѣтливы: кругомъ—голая пустыня. Солнце здѣсь сильно печетъ, сильнѣе даже, чѣмъ на Аөонѣ, а вслѣдствіе этого вся растительность уничтожается впродолженіи лѣта. Непріятно, какъ подумаешь, что здѣсь на пароходѣ придется жариться три дня. Что же касается Солуни какъ порта, то въ этомъ отношеніи ему можетъ позавидовать всякій другой портовый городъ. Вотъ почему Солунь—одинъ изъ главныхъ торговыхъ городовъ Турціи и ведетъ частыя торговыя сношенія съ Европою. Обширный рейдъ его вмѣщаетъ въ себѣ пароходы и корабли всѣхъ странъ. Подъѣзжая къ рейду, мы были свидѣтелями восхитительнаго зрѣлища. Солунскій заливъ положительно былъ усѣянъ каиками ликующихъ турокъ. Сегодня—предпослѣдній день Рамазана—Байрамъ, который празднуется впродолженіи трехъ дней. Байрамъ имѣетъ такое же значеніе для турокъ, какъ для насъ Пасха. Мимо насъ то и дѣло шныряютъ роскошные остроконечные каики съ важно сидящими въ нихъ турками, которые привѣтствуютъ нашъ пароходъ то своими монотонными пѣснями, то выстрѣлами изъ пистолетовъ. Такая теперь идетъ пальба, что

думаешь—бомбардируютъ пароходъ. Стрѣляніе изъ пистолетовъ у турокъ, какъ я узнаю, составляетъ необходимое условіе всякаго празднества; въ особенности этимъ занимаются дѣти. Смотря на это веселіе и я почему-то возрадовался духомъ, любуясь зрѣлищемъ ликующихъ турокъ и ихъ разношерстными, роскошными костюмами. Наконецъ, часа въ три, пароходъ нашъ бросилъ якорь въ воду ликующаго города. Скоро же и веселое, поэтическое настроеніе мое смѣнилось совершенно не поэтическимъ. Дѣло въ томъ, что едва только пароходъ нашъ бросилъ якорь, какъ его буквально со всѣхъ сторонъ облѣпили лодочники, посильщики (хамалы), крича, жестикулируя, споря, переругиваясь на всевозможныхъ языкахъ и производя торжище, способное разогнать поэтическія мечты у самаго Байрона, не то что у меня. Необходимо было просто съ бою защищать свои вещи отъ слишкомъ услужливыхъ хамаловъ. Главный контингентъ лодочниковъ составляютъ евреи (называемые здѣсь *чифутами*); они, приспособительно къ мѣстности, въ красныхъ фескахъ; но все-таки ихъ нельзя смѣшать съ турками, или греками; ихъ типъ должно-быть никогда не измѣнится, не смотря ни на какія физическія и историческія условія. Типъ „вѣчнаго жида“ никогда не умретъ. Нѣкоторые изъ лодочниковъ-евреевъ немного даже говорятъ по-русски и потому большею частью перевозятъ русскихъ богомольцевъ въ городъ. Желая осмотрѣть городъ и мы, договоривши еврея Самуила, спустились въ лодку и проплыли на ней среди множества большихъ и малыхъ пароходовъ, среди парусныхъ судовъ самыхъ фантастическихъ формъ и множества маленькихъ каиковъ. Лодка наша примкнула бортомъ къ цѣлому ряду другихъ стоявшихъ у берега лодокъ, черезъ которыя намъ пришлось перескакивать. Исполнивъ этотъ маневръ, мы взбѣжали по нѣсколькимъ каменнымъ ступенькамъ и очутились въ таможнѣ, гдѣ, надо правду сказать, обошлись съ нами весьма вѣжливо, вѣроятно, по случаю праздника. Выйдя изъ таможни, мы очу-

Насмотрѣвшись вдоволь на ликующихъ турокъ, мы рѣшили сегодня побродить по городу безъ опредѣленной цѣли, оставляя на завтра осмотръ археологическихъ памятниковъ, которыми такъ богатъ Солунь. Бродить по восточному городу, не задаваясь никакою цѣлью, куда глаза глядятъ, гораздо пріятнѣе, чѣмъ, слѣдуя напр. предписаніямъ *Путеводителя*, осматривать какіе-нибудь памятники старины..

Чѣмъ дальше идешь въ глубь города, тѣмъ болѣе и болѣе разочаровываешься въ немъ: улицы кривыя, узкія, грязныя, вонючія; всюду валяются груды мусора. А вѣдь когда-то, надобно полагать, онъ не былъ такимъ, потому что исторія гласитъ, что прежде онъ дѣйствительно процвѣталъ, былъ любимымъ мѣстопребываніемъ императора Ѳеодосія Великаго и не разъ имѣлъ притязаніе быть столицею... По мѣрѣ приближенія къ окраинамъ города, праздничное движеніе постепенно уменьшается; здѣсь уже не слыхать городскаго шума. Дома наглухо окружены глиняными заборами; изъ оконъ, заложенныхъ деревянными рѣшетками, выглядываютъ иногда блѣдныя лица турчанокъ, обреченныхъ на вѣчное заключеніе. Тишина прерывается иногда только толпою мальчишекъ, которые пронесутся мимо васъ съ быстротою вихря съ шумомъ, гамомъ и пистолетными выстрѣлами. Ворочаясь назадъ и пройдя нѣсколько пустынныхъ улицъ, мы вдругъ очутились въ страшномъ водоворотѣ шумной городской жизни. Оказалось, что мы попали въ еврейскій восточный базаръ. Восточный базаръ представляетъ довольно оригинальное явленіе, и не видѣвшій его не можетъ имѣть и яснаго представленія, не смотря ни на какія описанія. Базаръ этотъ помѣщается въ длинной, узкой, извилистой галлереѣ, которая состоитъ изъ деревянныхъ, сквозныхъ построекъ однообразной формы; вверху кровли домовъ сходятся такъ близко, что оставляютъ только небольшія щели, которыя прикрываются или досками, или вѣтками плюща и винограда, и свѣтъ еле-еле пробивается въ мелкія скважины; такъ что въ сущности эти улицы по-

ходятъ на подземные тоннели. По обѣимъ сторонамъ этихъ тоннелей и расположены различные товары, но, что самое главное, въ такомъ страшномъ безпорядкѣ, какого сразу и представить нельзя: рядомъ съ кузницею помѣщается кондитерская, тутъ же и уличная печь, гдѣ черномазый эѳіопъ стряпаетъ кушаніе для желающихъ, рядомъ съ нею, положимъ, ювелиръ, который въ свою очередь находится въ сосѣдствѣ съ продавцомъ битой баранины и т. д. Въ теченіи цѣлаго дня снуютъ множество народу туда и сюда, движутся ослы и мулы, нагруженные досками и кирпичами. Прибавьте къ этому еще шумъ, гамъ, визгъ, крикъ... и вы, быть можетъ, составите хотя приблизительное понятіе о восточномъ базарѣ. Здѣсь почти вся мелкая торговля сосредоточена въ рукахъ евреевъ, которые составляютъ подавляющее большинство городскаго населенія [1].

Въ Солуни есть подворье Русское; намъ хотѣлось зайти туда, чтобы отдохнуть, такъ какъ порядочно устали, но не знали, гдѣ оно находится. Мальчикъ-турченокъ вывелъ насъ изъ затрудненія. Узнавши въ насъ русскихъ, которые навѣрно ищутъ русскаго подворья, и видя удобный случай получить бакшишъ, онъ обратился къ намъ съ такими словами: „Московъ метохъ? бакшишъ"!

Этимъ, очевидно, онъ давалъ намъ понять, что знаетъ, гдѣ русское подворье, и онъ готовъ намъ указать его, но за это нуженъ бакшишъ, т. е. вознагражденіе. Мы дали ему копѣекъ десять на русскія деньги, и онъ привелъ насъ въ русское подворье, находящееся, какъ оказалось, невдали отъ насъ. Домъ, занимаемый подворьемъ, очень невзрачный. Братія состоитъ изъ трехъ монаховъ; старшій надъ ними и вмѣстѣ завѣдующій подворьемъ—о. Іосифъ; онъ, какъ

---

[1]) По произведенной недавно переписи населенія въ Солуни жителей 129,000, изъ нихъ грековъ 15,800, болгаръ 1,700, турокъ 26,000, жидовъ 80,000, цыганъ 1,200, прочихъ 4,700 (Востокъ № 321, 1885 г.).

видно, больше „умудренъ житейскимъ опытомъ", чѣмъ наученъ книжнымъ ученіемъ. О. Іосифъ принялъ насъ любезно, предложивши неизбѣжное на востокѣ глико съ холодною водою. Въ 8 часу оставили мы подворье, простившись съ любезнымъ о. Іосифомъ, который, впрочемъ, оказался на этотъ разъ не слишкомъ любезнымъ, такъ какъ не потрудился проводить насъ на пристань (а это, между прочимъ, составляетъ и должно составлять одну изъ главныхъ обязанностей монаховъ, живущихъ на подворьяхъ), вслѣдствіе чего намъ пришлось нѣсколько поблуждать, покамѣстъ мы вышли на набережную, гдѣ насъ давно уже ожидалъ договоренный нами еврей Самуилъ. Быстро поплыли мы по зеркальной поверхности залива. Празднующій городъ мы оставили и пошли на скучный пароходъ. Впрочемъ, и здѣсь не слишкомъ скучно было: турки-матросы тоже веселились, распѣвали свои монотонныя пѣсни и стрѣляли изъ пистолетовъ, нарушая покой мирно спящихъ пассажировъ. Долго, долго любовался я картиною иллюминованнаго города, который въ настоящее время было просто очаровательнымъ. Теперь только я могу понять то значеніе, которое когда-то игралъ Солунь, имѣя даже притязаніе быть стольнымъ градомъ.

Такъ какъ Солунь имѣетъ весьма важное значеніе не только для исторіи христіанства вообще[1]), но въ частности и для насъ, русскихъ, потому что здѣсь жили просвѣтители славянскаго племени Кириллъ (Константинъ) и Меѳодій (Аѳанасій), и здѣсь, по всей вѣроятности, послѣдовало изобрѣтеніе письменъ; то мы считаемъ нужнымъ сказать нѣ-

[1]) *Апостолъ Павелъ* самъ указываетъ на важное значеніе, какое имѣла Солунская церковь въ первые годы распространенія христіанства: „Вы, пишетъ онъ въ первомъ посланіи къ ѳессалоникійцамъ, сдѣлались подражателями намъ и Господу, принявъ слово при многихъ скорбяхъ съ радостію Духа Святаго; такъ что вы стали образцомъ для всѣхъ вѣрующихъ въ Македоніи и Ахаіи, ибо отъ васъ пронеслось слово Господне не только въ Македоніи и Ахаіи, но и во всякомъ мѣстѣ прошла слава о вѣрѣ вашей въ Бога" (I. 6—8).

сколько словъ о прошедшихъ судьбахъ этого замѣчатель. наго города [1]).

Городъ Өессалоника (Солувь, Салоника—сокращенное отъ Өессалоника) въ прежнее время до завоеванія его греками, назывался Галія, который былъ населенъ народами өракійскаго племени. Овладѣвши имъ, греки дали ему другое названіе—Therma,—такое названіе онъ получилъ отъ множества теплыхъ ключей, находившихся здѣсь; эти теплицы и теперь существуютъ. Во время извѣстныхъ греко-персидскихъ войнъ, Өерма со всѣми принадлежащими областями была покорена Ксерксомъ, царемъ персидскимъ. Послѣ побѣды грековъ надъ персами, Өерма была освобождена отъ персидскаго могущества и досталась въ удѣлъ царямъ македонскимъ. Къ этому-то времени (въ IV в. до Р. X.) относится процвѣтаніе Өермы,—она сдѣлалась столицею Македоніи,—и переименованіе ея въ Өессалонику. Послѣднее названіе она получила отъ имени дочери Филиппа, сестры Александра македонскаго, жены Кассандра, сына Антигона. По мнѣнію однихъ этотъ городъ назвалъ такимъ образомъ Кассандръ въ честь своей жены Өессалоники; а по мнѣнію другихъ—самъ Филиппъ въ честь той же особы—своей любимой дочери.

За 147 лѣтъ до Р. X. Өессалоника вмѣстѣ съ Македонскимъ царствомъ, послѣ сраженія при *Пиднѣ*, подпадаетъ владычеству римлянъ; значеніе ея какъ столицы утрачено и она осталась только богатымъ торговымъ городомъ. Христіанство внесено было въ Өессалонику самимъ ап. Павломъ въ его второе путешествіе. Сѣмя христіанства, посѣянное здѣсь апостоломъ, принесло большіе плоды, не смотря на то, что юной церкви пришлось много терпѣть. Вскорѣ, по основаніи здѣсь церкви, во время гоненія Нерона пострадалъ за Христа Аристархъ, посвященный ап. Павломъ

---

[1]) При изложеніи исторіи Солуни мы пользовались замѣчательнымъ сочиненіемъ Texier: L'Architecture Byzantine. Londres, 1864. Ср. Христіанскія древности, Прохорова, 1871 г. выпускъ 5.

въ епископы для Θессалоники. Затѣмъ, во времена гоненій на христіанъ, солунская церковь не избѣгла общей участи и во времена гоненія Галерія дала двухъ мучениковъ за Христа: св. Димитрія солунскаго и Нестора.

Приблизительно къ этому времени относится процвѣтаніе Θессалоники, такъ что Константинъ Великій, задумавши основать новую столицу, избралъ было ее сперва для этой цѣли; но повальная болѣзнь, свирѣпствовавшая здѣсь въ его время, заставила его покинуть планъ сдѣлать ее столицею имперіи. Тѣмъ не менѣе Θессалоника въ последующее время была очень любима императорами, которые всячески покровительствовали ей и воздвигали въ ней великолѣпные храмы.

Въ половинѣ VII вѣка (675—688), Македонія была опустошена аварами и славянами; славяне поселились въ окрестностяхъ Θессалоники. Сначала они были враждебны грекамъ и не разъ угрожали Θессалоникѣ опустошеніемъ; но затѣмъ, обжившись, стали мирными жителями, принимали христіанскую вѣру и начатки греческой цивилизаціи. Но вслѣдствіе незнанія славянами греческаго языка, христіанство распространялось между ними очень медленно, и притомъ не понимая греческаго языка, на которомъ происходило богослуженіе, славяне естественно были плохими христіанами. Это-то и побудило двухъ солунскихъ жителей, св. братьевъ Кирилла и Меθодія (въ половинѣ IX в.), изобрѣсти для славянъ письмена, перевести книги священнаго писанія и богослужебныя на славянскій языкъ и тѣмъ положить начало умственному и религіозному развитію славянскаго племени. Это событіе, по своимъ послѣдствіямъ, самое важнѣйшее, самое славное въ исторіи Θессалоники и ея края. Въ 940 году она была разграблена и разорена сарацинами; въ началѣ одиннадцатаго вѣка подъ стѣнами Солуни идетъ жестокая война императора Василія II съ болгарскимъ царемъ Самуиломъ, а въ концѣ XII вѣка она была опустошена норманнами, ворвавшимися въ нее подъ

предводительствомъ сицилійскаго короля Вильгельма. Въ 1204 году Балдуинъ, опустошитель Константинополя, отдалъ Өессалонику въ ленное владѣніе маркизу монферратскому. Но она недолго находилась въ рукахъ латинянъ и сдѣлалась опять достояніемъ возобновленной византійской имперіи. Затѣмъ, когда въ XV столѣтіи турки начали нападать на византійскую имперію и отнимать отъ нея область за областію; то Өессалоника рѣшилась отдаться сильной въ то время Венеціи и искать у нея защиты противъ турокъ. Но султанъ Муратъ II пошелъ съ войскомъ противъ враждебнаго города и 1 марта 1430 г. Өессалоника была взята приступомъ. Городъ былъ сожженъ; церкви были обращены въ мечети, а монастыри—въ караванъ-сараи [1]. Съ этихъ поръ Өессалоника сдѣлалась обыкновеннымъ губернскимъ городомъ турецкой имперіи. Богъ знаетъ, придется ли ей еще когда-нибудь играть такую роль, какую она играла въ прошедшемъ.—Въ настоящее время Өессалоника замѣчательна богатыми памятниками старой византійской архитектуры. Завтра думаю осмотрѣть нѣкоторые архитектурные памятники, если что-нибудь не помѣшаетъ.

На турецкомъ пароходѣ, въ виду Солуня.

Понедѣльникъ. 25 іюля. Проливной дождь поднялъ сегодня очень рано—часа въ четыре утра—пассажировъ третьяго класса съ ихъ импровизированныхъ постелей, въ томъ числѣ, конечно, и меня, грѣшнаго раба Божія. Сильно промокъ я; укрыться негдѣ. Правда, трюмъ открыли для насъ; но туда столько нашло пасажировъ—турокъ и нашихъ богомольцевъ, что положительно нельзя было и повернутся. При томъ же, тамъ такая была духота, что я предпочелъ лучше мокнуть подъ дождемъ, чѣмъ вдыхать въ себя вредные міазмы. А между тѣмъ дождь не перестаетъ. Небо и море подернулись сѣрою, слезящеюся мглою; что-то тяжелое, свинцовое легло

---

[1]) Texier. L'Architecture Byzantine, p. 128.

на этотъ прекрасный заливъ; корабли, словно намокшія птицы, опустили свои еще вчера бѣлые, а теперь потемнѣвшіе крылья-паруса; пароходы неистово дымятъ, отравляя воздухъ угольнымъ чадомъ и копотью. Вдругъ засверкала молнія, послышались со стороны Олимпа отдаленные раскаты грома, все явственнѣе и явственнѣе усиливающіеся; вся окрестность загрохотала, съ одной стороны отъ сильныхъ раскатовъ грома, а съ другой—отъ пушечныхъ выстрѣловъ, которыми турки заканчиваютъ послѣдній день Байрама. Мнѣ сначала страшно было, такъ какъ я вообще боюсь грозы, а потомъ даже находилъ наслажденіе, прислушиваясь къ этой страшной, небесной музыкѣ. Припомнился мнѣ при этомъ и „слѣпецъ всевидящій" Гомеръ, который въ безсмертной Иліадѣ такъ изображаетъ, должно быть, подобное явленіе:

„Страшно гремѣлъ всемогущій отецъ и людей и безсмертныхъ
Съ неба; внизу колебалъ Посейдонъ необъятую землю;
Горы тряслись; отъ подошвы богатой потоками Иды
Все до вершины ея и Пергамъ съ кораблями дрожало".

Я отчаялся было уже въ возможности посѣтить сегодня солунскія святыни; а завтра пароходъ снимается. Но, къ счастью къ 12 часамъ дня дождь пересталъ; вся природа освѣжилась, и я освѣжился, даже черезчуръ, такъ какъ положительно весь промокъ. Затѣмъ настала прекрасная погода; южное солнце пригрѣло и все высушилось.

Просушившись нѣсколько, мы на лодкѣ того же Самуила, который оказался весьма добрымъ человѣкомъ и хорошимъ чичероне, отправились на берегъ, имѣя въ виду осмотрѣть нѣкоторые древніе памятники. Мы имѣли возможность осмотрѣть только три архитектурныхъ памятника: церковь во имя св. Софіи, церковь св. Георгія, и церковь св. Димитрія,—всѣ три обращены въ мечети.

Прежде всего мы направились къ церкви св. Софіи, которая находится почти въ центрѣ города. Замѣчательно, что она, будучи обращена въ мечеть (а это было въ 1589

году при Ратвубъ-Ибрагимъ-Пашѣ), сохранила прежнее свое названіе „Ἁγία Σοφία", и турки ее иначе и не называютъ.

Мы вошли во дворъ, окруженный наглухо каменною стѣною; ограда двора усажена высокими деревьями, подъ тѣнью которыхъ мы нѣсколько минутъ сидѣли, ожидая сторожа. Ἁγία Σοφία находится, на восточной сторонѣ двора. Дворъ здѣсь не окружаетъ церковь со всѣхъ сторонъ, какъ у насъ напр. большею частію. Вообще относительно дворовъ въ древне-греческихъ церквахъ нужно замѣтить, что они обыкновенно пристроивались къ церквамъ съ одной западной стороны, именно—въ видѣ четвероугольника, который боковыми сторонами упирался въ углы церкви; но иногда они окружали церкви и съ трехъ сторонъ—съ запада и съ боковъ, за исключеніемъ востока, и наконецъ нѣкоторыя немногія церкви были обнесены ими и со всѣхъ четырехъ сторонъ. Такъ какъ послѣднее извѣстно, говоритъ профессоръ Голубинскій, о тѣхъ церквахъ, которыя не имѣли восточныхъ алтарныхъ абсидъ и въ которыхъ алтари въ видѣ исключенія, вмѣсто этихъ абсидъ, были поставлены среди ихъ самихъ (въ серединѣ церквей), то слѣдуетъ думать, что не принято было заграждать дворами алтарей (находившихся обычно въ восточныхъ абсидахъ)[1]. Что касается назначенія дворовъ, то они, по всей вѣроятности, служили мѣстомъ для кающихся. Ἁγία Σοφία въ настоящее время производитъ весьма непріятное впечатлѣніе сонвѣ, такъ что, судя по одному внѣшнему виду въ настоящемъ ея состояніи, трудно составить себѣ понятіе о первоначальномъ ея видѣ; такое же неблагопріятное впечатлѣніе производитъ она и извнутри: вездѣ все грубо замазано глиною или известію, какъ будто только что ремонтируютъ ее; и, не смотря на это, все-таки въ иныхъ мѣстахъ, выявляются черты первоначальной роскошной мозаики, которая и зама-

---

[1]) Е. Голубинскій. Исторія Русской Церкви. 1881 г. Томъ I (вторая половина тома), стр. 58.

зываемая варварскою рукою турка все-таки блеститъ предъ вами въ своей первобытной красотѣ. Вслѣдствіе этого зданіе Ἁγία Σοφία, прекрасное по плану, кажется пустымъ; впрочемъ, это нужно сказать о турецкихъ мечетяхъ вообще, которыя кажутся пустыми и непривлекательными вслѣдствіе отсутствія различныхъ украшеній. Пользуясь извѣстнымъ сочиненіемъ по византійской архитектурѣ, *Тексье*, мы можемъ представить первоначальный планъ св. Софіи въ слѣдующемъ видѣ [1]).

Предъ входомъ въ церковь былъ портикъ съ девятью колоннами зеленоватаго цвѣта, поддерживающими арки. Въ настоящее время этотъ портикъ не въ первоначальномъ его видѣ, а перестроенъ турками: круглыя византійскія арки замѣнены остроконечными, а капители колоннъ, которыя были коринѳскаго ордена съ надкапительникомъ, украшеннымъ крестомъ, замѣнены капителями въ турецкомъ стилѣ. Входъ ведетъ въ нарѳексъ или поперечную галлерею, откуда оглашенные слушали богослуженіе; съ главнымъ нефомъ или кораблемъ она сообщается тремя дверьми и окнами. Корабль—въ 34 фута въ діаметрѣ—осѣненъ полусферическимъ куполомъ такого же размѣра, который лежитъ на тамбурѣ, опирающемся на четырехъ широкихъ аркахъ, опирающихся въ свою очередь на четыре толстые столба и образующихъ такъ называемый греческій равно-конечный крестъ. Позади четырехъ столбовъ идетъ линія столбовъ галлерейныхъ, по пяти съ обоихъ сторонъ, сѣверной и южной, раздѣляемыхъ, въ пролетахъ между ними, четырьмя колоннами, съ расходящимися поверхъ ихъ арками. Восточная часть зданія оканчивается тремя довольно большими абсидами, изъ которыхъ средній — наибольшій. Въ среднемъ абсидѣ былъ алтарь, или собственно престолъ, а вправо и влѣво отъ него, въ двухъ другихъ абсидахъ, жертвенникъ

---

[1]) Texier. L'Architecture Byzantine, p. 156. Ср. Прохоровъ, Русскія древности, 1871 г. Вып. 6. Ср. Воскресн. чтеніе, т. XXIII, стр. 319.

и діаконникъ. На мѣстѣ иконостаса, снятаго турками, полъ приподнятъ на одну ступень. Церковь св. Софіи солунской, на подобіе Софіи константинопольской, двухъярусная. Въ верхнемъ ярусѣ устроена для женщинъ галлерея (гинэконитисъ), которая съ трехъ сторонъ обходитъ корабль (за исключеніемъ восточной стороны) и образуетъ широкія трибуны, поддерживаемыя колоннами. Колонны здѣсь іонійскаго ордена; надкапительникъ очень высокъ, съ крестомъ. Куполъ храма освѣщенъ двѣнадцатью окнами съ круглыми арками. Таковъ, въ общихъ чертахъ, планъ солунской св. Софіи.

Солунская Софія напоминаетъ собою Софію константинопольскую или Юстиніанову и по всей вѣроятности основана тѣмъ же Юстиніаномъ. Прокопій впрочемъ въ своей книгѣ „о зданіяхъ", говоря объ Юстиніановыхъ постройкахъ, не упоминаетъ о ѳессалоникійской Софійской церкви. Но не слѣдуетъ забывать того, что Юстиніанъ жилъ десятью годами долѣе того времени, которыми оканчивается книга Прокопія [1]), такъ что онъ въ это время и могъ построить ее. Солунская Софія, своимъ устройствомъ напоминая константинопольскую Софію, выказываетъ и свои особенности. Впрочемъ, нѣкоторое различіе въ планѣ обѣихъ св. Софій еще ничего не говоритъ противъ построенія ихъ однимъ и тѣмъ же лицомъ, потому что оно кроется въ самой сущности дѣла.

Въ самомъ дѣлѣ, Юстиніанова Софія (константинопольская) представляетъ такое геніальное проявленіе духа человѣческаго въ области архитектурнаго искусства, что ничего подобнаго по геніальному замыслу и исполненію не было и не будетъ. Это—единственное явленіе въ своемъ родѣ! Она представляетъ собою купольную церковь въ самомъ высшемъ и полномъ развитіи ея формы, такъ что далѣе

---

[1]) Texier. L'Architecture Byzantine, p. 154. Книга Прокопія „de Aedificiis" оканчивается 555 годомъ, а императоръ Юстиніанъ умеръ въ 565 году.

итти было некуда. Поразительное и грандіозное величіе константинопольской Софіи заключается въ томъ именно, что въ ея сферическомъ куполѣ, распростертомъ надъ всѣмъ зданіемъ, вполнѣ выражена идея созданія Богу рукотвореннаго храма подобнаго храму нерукотворенному, подобнаго той небесной сферѣ, которая распростирается надъ нашими головами, въ этомъ и состоитъ мысль купольной церкви. Чтобы быть подобіемъ небесной сферѣ, сферическій куполъ, очевидно, долженъ быть возможно большимъ, ибо иначе онъ будетъ не подобіемъ небесной сферы, а карикатурой. Слѣдовательно, сферически-купольная церковь, чтобы быть вѣрною своей мысли, предполагаетъ зданіе грандіозныхъ и исключительныхъ размѣровъ [1]). Такимъ именно единственнымъ и исключительнымъ зданіемъ и была константинопольская купольная Софія. Но дальше нужно было или оставить эту купольную церковь, потому что она была разсчитана на необыкновенныя и исключительныя средства, или же найти какой-нибудь другой исходъ, чтобы куполъ, не превращаясь въ каррикатуру, сталъ доступенъ для средствъ обыкновенныхъ. Выходъ изъ указаннаго затрудненія и нашли въ томъ, что, сокративъ діаметръ купола, вмѣсто убавленной шири пошли въ высь: на столбахъ подкупольныхъ начали ставить болѣе или менѣе высокій тамбуръ или барабанъ, который уже и покрывали малымъ сферическимъ куполомъ или тамбурнымъ [2]). Этотъ тамбурный куполъ, какъ болѣе удобный въ архитектурномъ отношеніи, и вошелъ еще при жизни Юстиніана въ общее употребленіе. Поэтому, не безъ основанія, полагаютъ, что солунская Софія, построенная при Юстиніанѣ послѣ константинопольской Софіи одними и тѣми же архитекторами, была первымъ образцомъ измѣненія сферическаго купола въ тамбурный, какъ болѣе удобоисполнимый въ архитектурномъ отношеніи. Въ этомъ-

---

[1]) Е. Голубинскій. Исторія Рус. Церкви. 2 пол. I тома, стр. 29.
[2]) Ibidem, стр. 30.

то и заключается существенная черта различія между планами двухъ Софій. Куполъ въ Софіи солунской не обнимаетъ собою всей площади центральнаго четыреугольника такъ называемаго архитектурнаго креста, или, лучше сказать, съ четырьмя подъ-арочными пространствами образуетъ крестъ внутри сего четыреугольника.

Изъ этого теперь становится яснымъ также, какая изъ обѣихъ греческихъ Софій служила прототипомъ для нашей кіевской Софіи. Обыкновенно утверждаютъ, что кіевская Софія есть уменьшенная копія съ константинопольской. Но это утвержденіе несправедливо и голословно. Видѣвши всѣ три Софіи, мы смѣло можемъ сказать, что кіевская Софія имѣла своимъ прототипомъ солунскую Софію, какъ болѣе удобоисполнимую въ архитектурномъ отношеніи. И дѣйствительно,—что́ самое главное,—въ кіевской и солунской Софіи купола одинаковы по своей формѣ, т. е. тамбуръ или барабанъ съ сферическимъ покровомъ, и не обнимаютъ собою всей площади центральнаго четыреугольника такъ называемаго архитектурнаго креста.

Въ солунской Софіи уцѣлѣли нѣкоторыя мозаическія изображенія. Относительно этого нужно замѣтить, что солунскимъ церквамъ въ этомъ случаѣ посчастливилось больше, чѣмъ другимъ памятникамъ: мозаическія изображенія, которыми убраны куполъ, своды храма очень хорошо сохранены и весьма ясно замѣтны, не смотря на стараніе турокъ замазать ихъ. Не знаю, чѣмъ объяснить данное обстоятельство. Не видна ли въ этомъ корысть турокъ, которые сохраняютъ древніе христіанскіе памятники съ цѣлью получать „бакшиши“ отъ богомольцевъ за посѣщеніе древнихъ христіанскихъ святынь?...

Куполъ весь покрытъ мозаичными изображеніями, которыя начинаются повыше линіи оконъ. Въ глубинѣ его, по всей вѣроятности, было изображеніе въ радужномъ кругѣ Вознесенія Господня; теперь же видны только ноги Спаси-

теля, поддерживаемыя двумя парящими ангелами; остальныя же части тѣла частію опали, а частію закрашены. Ниже ангеловъ совершенно отчетливо видна греческая надпись, незакрашенная ничѣмъ, изъ книги Дѣяній Апостольскихъ: Ἄνδρες Γαλιλαῖοι, τί ἑστήκατε ἐμβλέποντες εἰς τὸν οὐρανόν; οὗτος ὁ Ἰησοῦς ὁ ἀναληφθεὶς ἀφ᾽ ὑμῶν εἰς τὸν οὐρανὸν, οὕτως ἐλεύσεται ὃν τρόπον ἐθεάσασθε αὐτὸν πορευόμενον εἰς τὸν οὐρανόν (I, 11). Ниже этой надписи изображены во весь ростъ апостолы, и въ срединѣ ихъ Богоматерь, прямо надъ алтарною аркою, окруженная по сторонамъ ангелами. Апостолы отдѣляются другъ отъ друга оливковыми деревьями, что и навело турокъ на мысль закрасить фигуры апостоловъ и замѣнить ихъ деревьями; но они въ этомъ не вполнѣ успѣли, такъ какъ все-таки фигуры апостоловъ различаются довольно ясно; на нихъ римскія тоги голубоватаго цвѣта. Положенія ихъ разнообразны: одни съ поднятымъ взоромъ къ небу, другіе съ поднятою рукою на головѣ; у однихъ въ рукахъ свитки, а у другихъ—книги.

На восточной стѣнѣ храма, въ сводѣ главнаго алтарнаго полукружія, по образцу Софіи константинопольской, изображена Божія Матерь съ предвѣчнымъ Младенцемъ, едва-едва замѣтная подъ слоемъ краски. Что касается достоинства всѣхъ этихъ мозаическихъ изображеній, то они, по замѣчанію *Тексье*, весьма художественны и исполнены съ рѣдкимъ изяществомъ [1]).

Взявши на память нѣсколько мозаичныхъ камешковъ, которые при насъ же собралъ сопровождавшій насъ дервишъ и заплативши ему за все меджидъ (1 р. 65 к.), мы, въ сопровожденіи того же Самуила, отправились въ турецкую мечеть *Джами-Си*, превращенную изъ христіанскаго храма въ честь св. Георгія. По внѣшнему виду эта мечеть производитъ особенное впечатлѣніе своимъ огромнымъ и высокимъ куполомъ, который накрытъ почти горизонтальною

---

[1]) Texier, p. 157.

крышею изъ черепицы. Во дворѣ, обсаженномъ вѣковыми кипарисами, находится фонтанъ для омовенія. Недалеко отъ фонтана и близъ дверей мечети мы увидѣли лежащій великій камень со скульптурными украшеніями; въ немъ высѣчено шесть ступеней, ведущихъ винтообразно на вершину его. Говорятъ, что это прежде была языческая каѳедра, съ которой жрецы проповѣдывали народу, а потомъ съ нея проповѣдывалъ и св. апостолъ Павелъ. Войдя въ (бывшую) церковь, мы были поражены оригинальностью плана ея. Представьте себѣ большой кругъ почти въ 34 аршина въ діаметрѣ, обнесенный стѣною необыкновенной толщины въ 9 аршинъ; внутри ея продѣланы на равномъ разстояніи восемь нишъ прямоугольныхъ, крытыхъ сводами; одна изъ нихъ, обращенная къ востоку, обширнѣе другихъ и далеко выступаетъ наружу,—здѣсь, по всей вѣроятности былъ алтарь; на извѣстной высотѣ начинаетъ сгибаться полукруглая линія купола, который и покрываетъ весь кругъ, или ротонду. Планъ этой церкви, въ сущности весьма простой, но очень оригинальный и рѣдко встрѣчающійся. Оригинальность плана, заключающаяся въ кругломъ видѣ, свойственномъ вообще древнимъ языческимъ храмамъ, послужила поводомъ къ тому, что большинство ученыхъ смотрѣло на нее какъ на дѣйствительный античный языческій храмъ, который послѣ торжества христіанской религіи былъ превращенъ въ христіанскую церковь посредствомъ пристройки абсида и разукрашенія купола мозаичными христіанскими изображеніями. Но Тексье не соглашается съ этимъ мнѣніемъ. Основываясь съ одной стороны на однохарактерности постройки, а съ другой—на кирпичныхъ клеймахъ съ крестами и буквами: N и A (которое есть, вѣроятно, сокращеніе слова NIKA), онъ считаетъ этотъ храмъ самостоятельнымъ христіанскимъ произведеніемъ. Построеніе этого храма онъ относитъ къ IV в., ко времени Константина Великаго на томъ основаніи, что изображенія свя-

тыхъ въ куполѣ не представляютъ ни одного лица, которое бы жило позднѣе временъ Константина[1]). Внутренность и этой мечети производитъ какое-то впечатлѣніе пустоты, такъ какъ и здѣсь все закрашено. Но и чрезъ эту штукатурку видны мозаическія изображенія святыхъ, замѣтныя въ особенности въ сводахъ обширнаго купола. Соотвѣтственно восьми нишамъ, и куполъ раздѣленъ на восемь отдѣленій, разукрашенныхъ мозаикою. Въ центрѣ каждаго отдѣленія, въ различныхъ видахъ, видно мозаическое изображеніе маленькаго храма, внутренность открытаго алтаря съ колоннами, архитравами и сводами; впереди главнаго углубленія алтаря видится престолъ, по сторонамъ котораго стоятъ по два, иногда по три святыхъ въ фелони съ поднятыми руками въ видѣ моленія. Мозаическія изображенія, въ церкви св. Георгія, по замѣчанію Тексье, весьма высокаго достоинства[2]).

Отсюда мы направились къ церкви св. Димитрія солунскаго, пострадавшаго въ 306 году по Р. Х. въ царствованіе Галерія[3]). Она въ настоящее время обращена въ мечеть. Обозрѣніе этого храма познакомило насъ съ христіанскою древностію, только совсѣмъ въ иномъ родѣ, чѣмъ обозрѣніе разсмотрѣнныхъ уже нами древнихъ памятниковъ.

Пройдя довольно значительное пространство отъ церкви св. Георгія, мы наконецъ пришли къ церкви св. Ди-

---

[1]) Texier. L'Architecture Byzantine, p. 145.

[2]) Ibidem, p. 149.

[3]) О жизни св. Димитрія солунскаго извѣстно слѣдующее: Онъ происходилъ изъ сенаторской фамиліи, служилъ въ войскѣ, и потомъ получилъ отъ императора Максиміана консульское достоинство. Послѣ этого онъ обратился въ христіанство и сдѣлался ревностнымъ проповѣдникомъ истинной вѣры. Галерій приказалъ заключить его въ тюрьму и потомъ осудилъ на смерть (въ 306 году). Тѣло его, выброшенное какъ тѣло преступника, было тайно погребено христіанами; могила святого только имъ была извѣстна. Вскорѣ св. мученикъ прославился: его мощи источали цѣлебное муро. Но церковь въ честь его построена была только въ началѣ V в. (413 г.). Почти въ первоначальномъ видѣ она и до сихъ поръ существуетъ.

митрія, расположенной въ западной части города. Мы вошли въ небольшой квадратный дворъ, посреди котораго находится фонтанъ съ восемью колоннами, поддерживающими арки. Старый, грозный дервишъ ввелъ насъ во храмъ боковою дверью съ сѣверной стороны. Этотъ входъ очень тѣсенъ и небрежно устланъ дикимъ камнемъ. Нельзя думать, чтобы это былъ главный входъ, тѣмъ болѣе, что онъ не съ западной стороны, какъ обыкновенно въ древнихъ церквахъ. И дѣйствительно, главный входъ съ запада задѣланъ и уничтоженъ турками. Войдя въ церковь, я сразу не могъ оріентироваться среди множества колоннъ съ ихъ арками, не могъ понять плана ея. Но когда я сталъ противъ закрытаго входа, то сразу мнѣ стало все понятнымъ: я въ первый разъ видѣлъ громадную базилику въ ея настоящемъ, древнемъ видѣ (корабль). Она дѣлится колоннами на три нефа или корабля. Высокій средній корабль образуется десятью огромными колоннами драгоцѣннаго мрамора, пересѣкаемыми въ двухъ мѣстахъ массивными четырехъуголь ными столбами; надъ боковыми кораблями устроены хоры, идущіе кругомъ всего храма; они служили мѣстомъ для стоянія женщинъ во время богослуженія Хоры также образуютъ колоннаду увѣнчанную арками, надъ которыми возвышается пробитая окнами стѣна до стропилъ крыши, незакрытой извнутри ничѣмъ. Такимъ образомъ эта базилика въ три яруса. Вообще же храмъ внутри поражаетъ величественностію и красотою. Черезъ всю широту церкви тянется притворъ, отдѣленный отъ нея стѣною, въ которой трое дверей. Въ сѣверномъ концѣ его, образующемъ небольшую квадратную комнату, крытую сводомъ, стоитъ простой кирпичный гробъ св. Димитрія. Предъ нимъ еле-еле теплилась лампадка, которую, не знаю почему, постоянно возжигаетъ турокъ. Тяжелое чувство произвелъ на меня этотъ темный погребальный покой св. Димитрія, слабо освѣщаемый едва виднымъ, замирающимъ огонькомъ неугасимой лампады. Поклонившись съ чувствомъ благоговѣнія

гробу великомученика и положивши по нѣсколько паръ въ находящуюся здѣсь тарелку на освѣщеніе могилы масломъ, мы съ тяжелымъ чувствомъ оставили этотъ бывшій нѣкогда величественный храмъ.

Базиликою св. Димитрія мы закончили обозрѣніе солунскихъ святынь. Было около 7 часовъ вечера. Мы пошли на набережную, которая биткомъ набита была турками, послѣдній день веселящимися. Заливъ тоже усѣянъ былъ каиками. По просьбѣ Самуила, порядочно таки отъ насъ заработавшаго, мы около часу катались по заливу, а затѣмъ воротились въ свой пловучій домъ. Въ десятомъ часу вечера, при страшной пальбѣ изъ крѣпостныхъ пушекъ, я предалъ себя въ объятія морфея.

На водахъ Архипелага. Вторникъ. 26 іюля. Въ два часа пополудни нашъ пароходъ снялся съ якоря, и мы отплыли обратнымъ путемъ. Съ радостнымъ чувствомъ оставилъ я уже скучный, не ликующій городъ, такъ какъ Байрамъ вчера кончился и городъ принялъ прежній будничный видъ.

Давно уже закатилось солнце за величественный Олимпъ, когда мы проѣзжали мимо Аѳона, верхній пикъ котораго виднѣлся еще съ Солуни. Когда пароходъ поровнялся съ Аѳономъ, то богомольцы, бывшіе на палубѣ, осѣнили себя крестнымъ знаменіемъ, пали ницъ, прощаясь, быть можетъ, въ послѣдній разъ съ св. горою...

Ночь была тихая и ясная. Я прекрасно устроился на палубѣ подъ спасательною лодкою. Здѣсь была и моя гостиная, и спальня и канцелярія. Голый помостъ палубы служилъ постелью, зимнее пальто—подушкою, лѣтнее—одѣяломъ, чемоданъ письменнымъ столомъ. Не смотря на такую слишкомъ скромную обстановку, я былъ доволенъ ею: воздухъ чистый, свобода... Лежишь по часу на спинѣ, смотришь въ звѣздное небо, уносишься мыслью Богъ знаетъ куда, весь обращаешься въ созерцаніе, такъ что приходишь въ безсознательное состояніе и уже не помнишь, о чемъ думаешь... Сегодня увидалъ новый мѣсяцъ; вспомнилъ, что

26-го іюня я также видалъ новый мѣсяцъ, когда плылъ изъ Одессы въ Константинополь. Значитъ, уже мѣсяцъ, какъ нахожусь въ путешествіи.

Среда. 27 іюля. Почти цѣлый день плыли по прекрасному Архипелагу. Съ палубы я любовался прекрасными видами Цикладскихъ острововъ. Точно вершины затопленныхъ моремъ горъ кругомъ виднѣются острова; по мѣрѣ того, какъ мы подходимъ, они медленно, будто нехотя, разступаются, чтобы дать намъ дорогу; а тамъ, впереди, снова темное море, и острова за островами, уходя въ туманъ, синѣютъ и теряются на горизонтѣ. Въ Чинакъ-кале и Галлиполи нашъ пароходъ останавливался нѣсколько времени для выгрузки товаровъ. Въ Мраморное море мы вступили уже сумерками.

Константинополь. 28 іюля. На разсвѣтѣ, часа въ четыре, мы вступили въ Босфоръ. Еще съ полуночи виденъ былъ мерцающій огонекъ константинопольскаго маяка, но только утромъ приплыли мы въ Босфоръ. Константинополь скрытъ былъ въ утреннемъ туманѣ, такъ что сразу предстала предъ нами картина величественнаго Стамбула, освѣщеннаго лучами восходящаго солнца. Фантастическая картина! Если бы онъ и внутри былъ такимъ, какимъ кажется совнѣ, то лучшаго города въ мірѣ не было бы, да и не могло бы быть. По зеркальному проливу уже шныряло множество пароходовъ и пароходиковъ; между ними по всѣмъ направленіямъ мелькали маленькіе, остроносые каики. Только что остановился нашъ пароходъ, какъ, по обыкновенію, его окружили со всѣхъ сторонъ лодочники, нахально предлагая свои услуги. Скоро прибыла и монастырская лодка съ о. Юліемъ, на обязанности котораго лежитъ принимать богомольцевъ съ парохода и отправлять. Отъ него мы узнали, что предъ Одессою придется выдержать карантинъ въ теченіи 7 дней. На берегу насъ опять хотѣли осматривать таможенные; но приличный бакшишъ избавилъ насъ отъ непріятности разбрасывать свои вещи для безполезнаго

осмотра. Вотъ гдѣ поучиться взяточничеству, именно у турецкихъ таможенныхъ! Мы пріѣхали изъ Солуни, турецкаго же города; зачѣмъ же насъ обыскивать? Когда мы пріѣхали изъ Одессы, обыскъ вполнѣ понятенъ; а теперь—совершенно непонятенъ, и очевидно предпринимался только съ цѣлью собрать бакшищъ.

Хамалъ снесъ наши вещи въ подворье, гдѣ мы заняли прежніе номера.

Пятница. 29 іюля. Сегодня въ 10 часовъ утра заходили мы въ русское агентство пароходства узнать о времени отправленія пароходовъ въ Одессу. Узнали, что въ воскресенье отправляется въ Одессу пароходъ „Цесаревичъ" и вмѣстѣ съ тѣмъ узнали о семидневномъ карантинѣ. Непріятно быть семь дней на водѣ безъ дѣла...

Константинополь. Суббота. 30 іюля. Былъ на вечернемъ богослуженіи, по окончаніи котораго долго прохаживался по балкону, любуясь, быть можетъ, послѣдній разъ прекраснымъ видомъ на Константинополь, Босфоръ и Иліополь. Иліополемъ (ἥλιος солнце и πόλις городъ) называются противолежащіе въ Малой Азіи Скутари и Халкидонъ; такое названіе они получили отъ того, что находятся противъ солнца, которое прямо бросаетъ сюда свои лучи; въ окнахъ отражается солнечный свѣтъ, и городъ кажется какъ бы въ пламени. Вотъ и теперь Иліополь блеститъ тысячами огней и какъ бы горитъ,—что одинъ богомолецъ и подумалъ было. Очень сожалѣю, что я, откладывая со дня на день посѣщеніе Иліополя, не посѣтилъ его, устрашенный отчасти разсказами о происходящихъ тамъ грабежахъ и разбояхъ. Относительно святынь халкидонскихъ мнѣ говорили, что здѣсь есть (кажется) мощи св. Евѳиміи въ церкви, принадлежащей армянамъ. Св. Евѳимія извѣстна какъ ревнительница православія при жизни и по смерти. Дѣло въ томъ, что когда во время иконоборческихъ споровъ противоборствующія партіи уравнялись въ числѣ, то для третейскаго суда выбрана была (умершая) св. Евѳимія, мощи

которой почивали въ Халкидонѣ; въ руки ей данъ былъ бѣлый листъ бумаги, на которомъ она написала бы свое рѣшеніе. Церковь заперли наглухо. На другой день, къ удивленію всѣхъ, на бѣломъ листѣ бумаги было написано рѣшеніе въ пользу иконопочитанія...

Прохаживаясь по балкону, мы долго разговаривали съ оо. Алексіемъ и Паисіемъ, завѣдующими этимъ подворьемъ. О. Алексій очень толковый человѣкъ. Хотя онъ не получилъ никакого школьнаго образованія, а прямо изъ приказчиковъ попалъ въ монахи, но онъ достаточно развился чтеніемъ, и имѣетъ довольно много свѣдѣній по исторіи русской и греческой церкви. Отецъ Паисій по книжному развитію ниже о. Алексія, но по жизненному опыту—далеко выше. О. Паисій—личность въ своемъ родѣ замѣчательная. Лѣтъ двадцать назадъ, онъ принадлежалъ къ сектѣ шалопутовъ, былъ главнымъ вожакомъ этой секты подъ именемъ „блаженнаго Васеньки“. Объ этомъ я узналъ случайно. Какъ-то высказалъ я сожалѣніе, что не пришлось вчера присутствовать на верченіяхъ дервишей. Эти верченія, какъ имѣющія цѣлью привести человѣка въ непосредственное созерцаніе Бога и единеніе съ Нимъ, я сравнилъ съ верченіями вокругъ чана съ водою нашихъ сектантовъ хлыстовъ. Отсюда мы перешли къ вопросу о русскихъ сектантахъ. Между прочимъ я сказалъ, что о. Паисій, должно быть, знакомъ съ нѣкоторыми сектами, такъ какъ ихъ много въ томъ краѣ (въ Оренбургской губ.), откуда онъ. „Не только знакомъ, сказалъ онъ, но даже имѣлъ несчастіе принадлежать къ сектѣ шалопутовъ и быть ихъ земнымъ богомъ. Что, бывало, Васенька ни скажетъ, то свято“. При этомъ онъ разсказалъ намъ очень интересную исторію своего первоначальнаго совращенія въ сектантство, свое пребываніе въ сектѣ шалопутовъ въ роли главнаго вожака ея и даже бога, свое обращеніе въ православіе... Съ удовольствіемъ прослушали мы правдивую исторію жизни о. Паисія, разсказанную притомъ увлекательно и красно-

рѣчиво. Настолько она мнѣ врѣзалась въ памяти, что я могъ бы записать ее дословно, если бы она не была уже раньше записана. По окончаніи своего разсказа, о. Паисій обратился къ намъ съ вопросомъ: „а вы не читали моего сочиненія“? Этотъ вопросъ, по правдѣ, нѣсколько удивилъ меня. Неужели, думаю себѣ, о. Паисій писатель? Вѣдь онъ, какъ видно изъ разговора, не владѣетъ хорошо литературнымъ языкомъ.

— Нѣтъ, говоримъ, не читали. А интересно бы прочесть.

О. Паисій былъ такъ добръ и далъ намъ книжку, которая такъ озаглавливается: „Вразумленіе заблуждшимъ и Исповѣдь обратившагося отъ заблужденія“ (Москва. 1881 г. Изданіе третіе). Дѣйствительно, здѣсь содержится почти дословно то, что разсказывалъ намъ о. Паисій. Надо полагать, о. Паисій разсказывалъ свою исторію кому-нибудь изъ образованныхъ аѳонскихъ иноковъ, который и записалъ ее литературнымъ языкомъ. Давая мнѣ эту книжку, о. Паисій сказалъ: „вотъ здѣсь всѣ грѣхи мои; представляю ихъ на посмѣяніе всего свѣта. Молю Господа, пришедшаго спасти грѣшниковъ, чрезъ чтеніе ея заблуждшіе да познаютъ свое душепагубное житіе и да возвратятся въ нѣдра св. церкви“.

Отсылая желающихъ поближе ознакомиться съ этою довольно замѣчательною „Исповѣдью“ къ самой книгѣ, мы, пользуясь позволеніемъ о. Паисія, считаемъ нелишнимъ прибавить къ ней нѣчто. О. Паисій родомъ изъ Оренбургской губерніи, по происхожденію казакъ. Родители его были люди очень религіозные и притомъ въ строго православномъ духѣ. Понятно, что и сына своего, Василія (мірское имя о. Паисія), они воспитали въ такомъ же благочестіи. На 20 году они женили своего сына, и зажили новобрачные, повидимому, прекрасно. „Но, нѣтъ: что-то грызетъ, разсказывалъ о. Паисій, что-то душа ноетъ... нѣту спокойствія... чувствую себя страшнымъ грѣшникомъ, а спастись такъ хочется, такъ хочется, что вотъ бы душу

отдалъ, лишь бы спастись... Никто не могъ меня утѣшить. Церковь была отъ насъ далеко, за 17 верстъ, и я очень рѣдко бывалъ въ ней, слѣдовательно, не могъ я утѣшиться службою Божіей; бесѣдовать съ отцомъ духовнымъ тоже не могъ, такъ какъ все равно напрасно было бы..., да притомъ—это и не въ обычаѣ въ нашемъ краѣ. Думалъ я, наконецъ, найти утѣшеніе у раскольниковъ, не вѣдая, что они отступили отъ православной вѣры". Вступленіе о. Паисія въ расколъ произошло такимъ образомъ. Въ періодъ своей душевной борьбы онъ познакомился съ двумя главными расколоучителями, возвратившимися въ то время на родину изъ Ташкента, гдѣ они были въ ссылкѣ: Лосевымъ и Трифономъ Родіонычемъ Богомоловымъ. Замѣтивъ недюжинную натуру о. Паисія и находя полезнымъ для распространенія своей шалопутской секты пріобрѣтеніе такого адепта, они обласкали его, назвали избранникомъ отъ міра... Къ нимъ-то и присталъ ревнующій о спасеніи юноша, плѣнясь ихъ внѣшнимъ благочестіемъ. И дѣйствительно, вновь завербованный адептъ не обманулъ возлагаемыхъ на него надеждъ и въ ревности своей далеко превзошелъ своихъ учителей. Скоро на мѣсто ихъ онъ былъ сдѣланъ вожакомъ своей секты. Въ средѣ своей онъ пріобрѣлъ такой авторитетъ, что возведенъ былъ въ Сына Божія, а духовная жена его, Пелагея,—въ Богородицу. Неимовѣрный успѣхъ имѣлъ онъ въ распространеніи своей секты между крестьянами, ревнующими о спасеніи; вліяніе его сказалось на трехъ сосѣднихъ губерніяхъ. Меня заинтересовала живучесть этой секты. Я поинтересовался узнать сущность ея. Оказывается, что эта секта (которую о. Паисій называетъ „*шалопутскою*") имѣетъ много общаго съ сектою штундистовъ, но только съ нѣкоторыми прибавленіями въ еретическомъ николаитскомъ духѣ (николаиты,—по имени своего учителя Николая,—еретики первыхъ временъ христіанства, освящавшіе прелюбодѣяніе для умерщвленія плоти и возвышенія духа). Они не признаютъ священниковъ и вообще

церковной іерархіи, а имѣютъ своихъ учителей. Для общаго наученія собираются они по вечерамъ въ какомъ-нибудь знакомомъ домѣ. Садятся здѣсь они рядами попарно, каждый мужчина съ избранною имъ женщиною, или дѣвицею, именуя другъ друга *духовными братьями* и *сестрами*, начинаютъ пѣть составленные ихъ учителями духовныя псалмы и канты; потомъ наставникъ преподаетъ духовныя наставленія, какъ жить, особенно новопришедшимъ. Если новопоступившій въ секту женатъ, то велятъ оставить жену *плотскую*, а вмѣсто ея избрать *духовную*; замужнимъ женщинамъ велятъ они оставлять своихъ *плотскихъ*, т. е. законныхъ мужей, а вмѣсто ихъ имѣть *духовныхъ*. По окончаніи же этихъ наставленій, всѣ предаются прелюбодѣянію съ своими духовными женами. О. Паисій тоже развелся было съ своею „прекрасною и умною женою—Наташею" и обзавелся духовною „отвратительною" Пелагеею. Слѣдуя своему ученію, они въ то же время исполняютъ почти всѣ обряды и таинства, содержимыя православною церковью,—но только для виду и избѣжанія преслѣдованія. Поэтому, они обманываютъ священниковъ и въ глазахъ ихъ становятся самыми примѣрными христіанами и благочестивыми людьми. Напр., положимъ, на завтра назначена священникомъ исповѣдь. Въ вечернемъ собраніи шалопутовъ и даются уже наставленія, какъ вести себя въ данномъ случаѣ: „вотъ завтра имѣете итти къ попу исповѣдываться, говоритъ ихъ лжеучитель; смотрите, ухо востро... Не сказывайте, что̀ у насъ бываетъ, что̀ мы дѣлаемъ... Заплатите ему хорошенько и онъ васъ въ покоѣ оставитъ"... Приходитъ, положимъ, къ нимъ въ домъ священникъ съ крестомъ; они принимаютъ его, какъ нельзя лучше: вмѣсто двухъ положенныхъ яицъ даютъ десять, да еще въ придачу курицу. Такъ-то они и вводятъ въ заблужденіе духовное и свѣтское начальство. Но вотъ получаетъ священникъ запросъ изъ консисторіи: „Слышно, молъ, что въ приходѣ много сектантовъ. Правда ли"? Священникъ и отписываетъ, что ничего подобнаго не

видано, не слышано: всѣ прихожане—самые примѣрные христіане: исправно ходятъ въ церковь, исполняютъ обряды и таинства, не пьянствуютъ, трудятся... И растетъ подъ эгидою благочестія сектантство! И все это изъ-за спасенія!... Великое дѣло спасеніе!... Видно на святой Руси много есть людей, ревнующихъ о своемъ спасеніи. Нужны люди, которые умѣли бы поддержать эту ревность и направить ее на истинный путь...

Отца Паисія обратила на истинный путь, по его словамъ, „Царица небесная и его жена Наташа". Жена его все время пребывала въ православіи и долго сокрушалась по своемъ мужѣ, бросившемъ ее и предавшемся въ дьявольскія руки. Однажды ей было видѣніе, что мужъ ея мучимъ въ аду бѣсами. Она разсказала ему объ этомъ; и онъ, послѣ долгой борьбы съ собою и мучившими его бѣсами, обратился на истинный путь; вмѣстѣ съ этимъ онъ обратилъ въ лоно православной церкви около 1000 человѣкъ, совращенныхъ имъ прежде въ сектантство. Послѣ этого (нынѣшній) о. Паисій сдѣлался самымъ ревностнымъ христіаниномъ, стараясь принести Богу плоды достойные покаянія. Но хотя совѣсть его и очищена была покаяніемъ, но полнаго мира въ своей душѣ онъ не находилъ, ревность о спасеніи не покидала его, и онъ, оставивъ жену, пошелъ на Аѳонъ, гдѣ и постригся въ монахи. Это было въ 1866 году. По прошествіи нѣкотораго времени старцы, видя въ немъ вліятельнаго человѣка, послали его на послушаніе въ константинопольское подворье, какъ центральное. Послушаніе его теперь состоитъ въ томъ, чтобы вразумлять подобно ему заблуждшихъ богомольцевъ, отправляющихся на поклоненіе въ Іерусалимъ или на Аѳонъ. Онъ говорилъ намъ, что иногда по цѣлымъ ночамъ бесѣдуетъ съ заблуждшими, которыхъ очень много бываетъ, и, большею частью, успѣваетъ въ обращеніи ихъ. И дѣйствительно, о. Паисій можетъ производить вліяніе: онъ уменъ, многоопытенъ, весьма рѣчистъ. Вообще о. Паисій производитъ очень хорошее впечатлѣніе

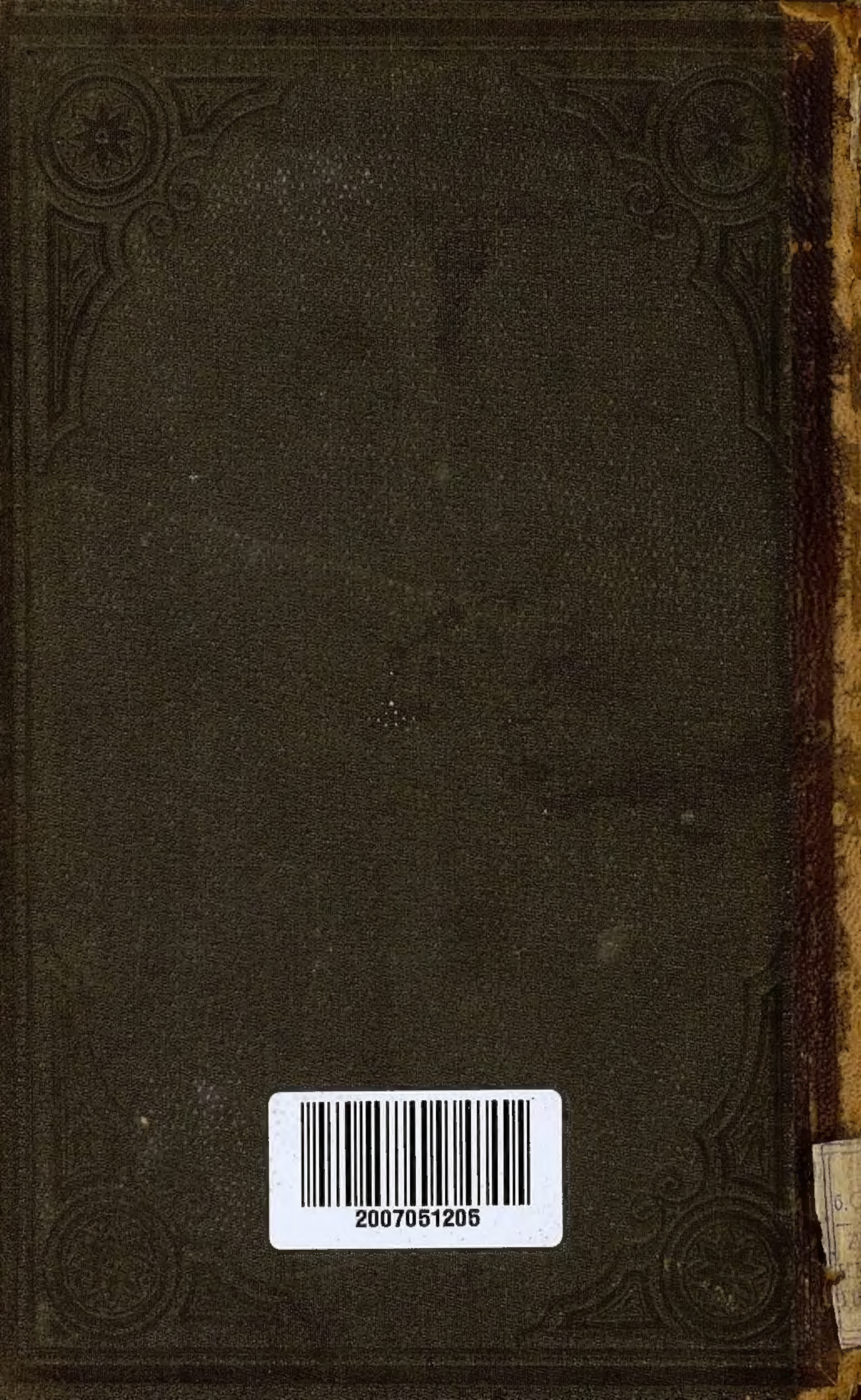
и я весьма радъ, что имѣлъ случай поближе познакомиться съ нимъ.

Воскресенье. 31 іюля. Конецъ путешествію! Въ 4 часа пополудни „Цесаревичъ" снялся съ якоря и пошелъ вверхъ по Босфору. Все время плаванія по проливу я стоялъ на ютѣ, любуясь очаровательнымъ видомъ Константинополя, все болѣе и болѣе исчезающаго изъ глазъ нашихъ по мѣрѣ удаленія парохода. Противъ Буюкъ-Дере пароходъ остановился на полчаса, чтобы принять почту. Затѣмъ мы выѣхали изъ пролива въ широкое пространство Чернаго моря.

Конецъ путешествію! Уже исчезли скалистые берега Босфора, и мы въ открытомъ морѣ. Уныло стою я у поднятаго трапа, смотря въ безпредѣльное водное пространство... Дельфины сопровождаютъ нашъ пароходъ, играя и въ стремительномъ бѣгѣ выныряя на воздухъ... Да, легко имъ странствовать по морямъ и океанамъ: времени свободнаго вдоволь, денегъ же не надо; все время рѣзвятся они, забывая о вчерашнемъ, не думая о завтрашнемъ днѣ. А тутъ, и денегъ уже нѣтъ, и „томленіе духа" впереди... Меня „томитъ" мечта, которая едва ли осуществится. Мнѣ хотѣлось бы сплотить въ одно цѣлое мелкія ощущенія, обрывки чувствъ, клочки мыслей... однимъ словомъ, все испытанное и передуманное мною во время путешествія, все, что я безпорядочно заносилъ въ настоящій дневникъ...

Опять „томленіе духа", какъ подумаешь о семидневномъ карантинѣ!...

Выдержавши съ большимъ трудомъ семидневный карантинъ, я 8-го августа, въ два часа пополудни, вступилъ на русскую землю въ карантинной гавани въ Одессѣ. Отсюда черезъ два дня я отправился въ дорогой Кіевъ.

2007051205